

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

11 '86

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

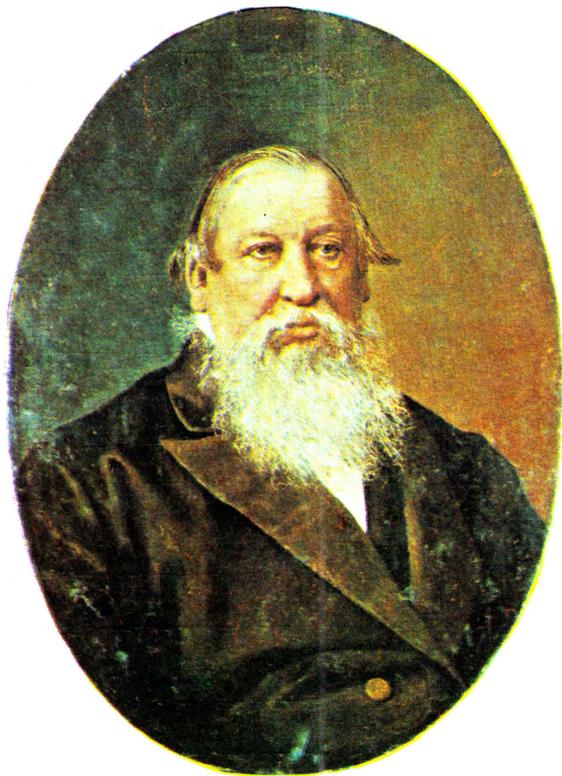

01-2/4

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. В. Г. Казанцев, 1886 г.

ПОРТРЕТ Г. Ф. КАЗАНЦЕВА
Неизвестный художник

ИСТОРИЯ И СУДЬБА «УРАЛЬСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Читайте очерк Юрия Курочкина на стр. 50.

НА УРАЛЕ. В. Г. Казанцев, 1886 г.

Фоторепродукция Г. Казачишина, г. Иркутск

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

11 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В НОМЕРЕ:

- 2/ Я. Андреев, И. Беляев, В. Максимцов, Э. Молчанов
ГДЕ ЗВЕЗДЫ ОТВАЖНО СВЕЯТ... Стихи
- 4/ И. Давыдов
РОБОТ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
- 10/ Н. Толмачева
ЗЕЛЕНый ТОПОЛЬ СРЕДИ СНЕГОВ
- 16/ В. Демидова
СУВЕНИРЫ «ОРНАМЕНТА»
- 17/ «КАКИМИ БЫ МЫ БЫЛИ УМНЫМИ И ДОБРЫМИ
ЛЮДЬМИ...»
- 18/ Н. Никонов
СЕВЕРНЫЙ ЗАПАД. Продолжение
- 31/ К. Левитин
ЖИЗНЬ НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРНУТЬ НАЗАД.
Повесть. Окончание
- 46/ А. Горюн
ПОДЗЕМНАЯ РУСЬ
- 49/ Н. Сахновский
ТРИ ИВАНГОРОДА
- 50/ Ю. Курочкин
ИСТОРИЯ И СУДЬБА «УРАЛЬСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
- 54/ Р. Енакаев
БЛИЖАЙШИЙ ДРУГ ГРИБОЕДОВА
- 55/ Б. Чельшев
ИСТОРИЯ ПОРТРЕТА
- 56/ М. Глейзер, В. Кострикин, А. Петрунин, Э. Молчанова,
А. Нестеров
КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ
- 60/ В. Ревич
ГЕНЕРАТОР ЧУДЕС
- 61/ А. Леонидов
ТРАЕКТОРИЯ. Повесть. Начало
- 76/ МИР НА ЛАДОНИ
- 78/ О. Капорейко
ТАМ, ЗА СИНЕЙ ДАЛЬЮ

На 1-й стр. обложки рисунок Е. Охотникова

Где звезды отважно светят...

**Яков
АНДРЕЕВ**

Трижды крикнет
Петух во все горло —
И забрезжит
В трех окнах рассвет.
Ты возьмешь
Коромысло и ведра,
Тихо выйдешь
На утренний снег.
Столько лет
Все одна, без подмоги —
Лишь три снимка
На черной стене...
Три окна у избы,
Три дороги,
Три сынка —
До сих пор на войне.

Уже октябрь
Подвел итоги —
Во всей округе ни души,
И лишь деревья,
Как пророки,
Стоят вдоль пепельной дороги,
Накинув красные плащи.

**Иван
БЕЛЯЕВ**

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Мама, глянь-ка: братишка!
Живой! —
Закричала с испугом сестренка.
Под стеклом над ее головой
В темной рамке моя «похоронка».
Весь изранен пришел — без руки —
В отчий дом
... после трудной дороги...
Мать снимает с меня сапоги,
Воду плещет сестренка на ноги.
«Похоронка» моя... Ну и пусть!
Жизнь — такая хорошая штука:
Сорок лет вот живу и тружусь,
Дедом стал, нянчу третьего внука.
Как мне жизнь
... всей душой не любить:
Каждый день для меня —
... день рожденья!

Одного не могу позабыть —
В отчий дом своего возвращения...

Убит сохатый пулей браконьера.
И лишнего, озлясь, не говоря,
На карточке стандартного размера
Потери подытожат егеря.
А стерпит ли казенная бумага?
А лес не занедужит от тоски?..
Глянь — солонцы
... на взгорке у оврага
Вдруг побелели густо, как виски.

РОДНОЙ МОЙ КРАЙ

Я земледельца выбрал долю:
Живу всю жизнь в краю земли,
Где по засеянному полю
Весною бродят журавли.
Живу за той далекой далью,
Где перелески да поля,
Которым имя — Зауралье
И званье — Родина моя.

**Владимир
МАКСИМЦОВ**

НАВСЕГДА

Вокзал. Толпа течет,
Как вода.
Двое прощаются
Навсегда.
Их поцелуи нежны
И строги,
Как талисманы
На путь-дорогу.
Она бледна,
Словно лед искусственный.
Плечо закрыто
Косой распущенной.
Платок прозрачный
Рукою мнет
И не рыдает, и не зовет.
Вокзал шумит,
А они прощаются.
Такие обратно
Не возвращаются.
Их поцелуи нежны
И строги,
Как талисманы
На путь-дорогу...

Повстречались. К чему тут слова.
Перед прошлым упасть на колени?
Подле нас — наши верные тени
И покрытая снегом листва.
Беспокойно на землю легли
Торопливые ранние годы.
Может быть, из-за хмурой погоды
Показались светлее они?

О, улыбнись, мой суровый друг!
Давай с улыбкой смотреть вокруг.
На снег звенящий,
На лес поющий,
На тонкий дым,
Из трубы плывущий...
Собака лает, а мы идем.
Давай с собой ее уведем?
Накормим крошками с молоком,
И снова станет
Она щенком.
Потом напишем письмо туда,
Где человеческого нет следа,
Где только звезды
Отважно светят...
А вдруг
ответят?

**Эдуард
МОЛЧАНОВ**

ЭТЮД

Пустынен берег,
Стиснутый горами.
Как чьи-то судьбы,
Лодки на песке.
И воля грядя,
Гонимая ветрами,
О камни разбивается
В броске.
Раскованность
И торжество простого.
Извечный ритм,
Где скорость не нужна.
От бездны неба
До морского дна —
Прозрачность,
Чистота и глубина,
И песенность
Байкальского простора.

За горным кряжем,
Кажется, край света.
Сырой туман
Тягуч и розоват.
В лесистых склонах
Затерялось где-то,
Уснуло солнце
И померк закат.
За горным кряжем,
Кажется, край света.
У самого подножья
В тишине

Спит подо льдом
Таежная речушка.
Сочатся звезды
В черной полынье.
У кедра на заснеженной

опушке

Сохатый затаился в тишине.
Когда гудок
Разбудит тишину
И поезд пронесется
Вдаль куда-то,
В струе студеной
Молодой сохатый
Губами ловит
Желтую луну.

БАЛЛАДА О СКОМОРОХЕ

Легок был он на помине.
Как пароль звучит во мне:
«Во Сибирской украине,
Во Даурской стороне»...
Скоморох Данилов Кирша,
Занимай честной народ!
А изысканные вирши
Собирать не твой черед.
С высоты ли поднебесья,
С прямоезжих ли дорог
Издальче слышны песни,
Не лукав старинный слог.
И текут они и славят,
Словно реки сквозь века,
Бесшабашного Буслая,
Удалого Ермака.
И простор, что взят был с бою,
За Тобольскою горой.
И поход за Селенгою,
Где кумыс, как мед хмельной...
Одолеть простор огромный —
Нехудое ремесло.
Сколь в скитаниях бездомных
Невозвратно унесло?
Но до отчего порога
Шла незримая черта
От казацкого острога,
С пограничного хребта.
Там труба сзывала роты,
Крепостной дымился вал...
Ты державные заботы,
Сострадай, воспевал.
А ушел — почти безвестен,
Где, скажи, твоя изба?
Не в твоей ли книге песни —
Как народная судьба?
Знать, упрям и независим
Непоседа-скоморох,
В самородках дерзких истин
Чуял правду, чуял прок.
Оттого-то и поныне
Все, что ты собрал, в цене.
Голос твой звучит в былине
На российской стороне:
«На руках держать книгу —
не удержать,
Читать книгу — не прочести.
Скажу ли я вам свою памятью,
Своей памятью, своей старою...»

Рисунки А. Банных

РОБОТ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

И. ДАВЫДОВ

Рисунки А. Пяткова,
А. Островского

НОВОСЕЛЬЕ

У роботов новоселье — они переселяются из научной фантастики в заводские цехи, в отчеты о внедрении новой техники, в газетные информации и статьи об автоматизации производства.

В цехах роботы еще теряются, не сразу заметишь, особенно среди больших станков. Дело свое они делают тихо, внешность у них не столь эффектная, как в научной фантастике, и поначалу можно проскочить мимо робота, приняв его за часть станка. Но робот не обидится — он и на самом деле нередко является частью станка.

В отчетах о внедрении новой техники эмоций обычно нет: установлено на предприятии столько-то роботов, из них часть — в автоматизированных комплексах, часть — одиночных; затрачено столько-то средств, вывободжено столько-то рабочих. Деловая цифирь! Ничем не отличается она от отчетов по внедрению электронно-вычислительных машин, станков с числовым программным управлением (ЧПУ) и другой техники.

В газетных информациях пока сплошные восторги: «Робот на ладони» (из Москвы), «Робот для забоя» (из Тулы), «Боксирует робот» (из Берлина), «На смене — роботы» (из Сердобска), «Пришел на помощь робот» (из Богдановича), «Спит робот на базу» (из Ленинграда), «Стала хозяйкой роботов» (из Чебоксар), «Что пожелаете на десерт?» (из Крыма, о роботах в кафе), «Сварку ведут роботы» (из Москвы), «Роботы на манеже» (из Англии), «Робот-контролер» (из Токио), «Робот у корыта» (из Свердловска), «Боксеров тренирует робот» (из Роннебурга, ГДР), «Бутербродами угощает ро-

бот» (из Японии), «Пять тысяч из семейства роботов» (из Днепропетровска)...

Впрочем, и в этом практически бесконечном перечне восторгов попадаются информации иного рода: «Робот в черной шляпе и галстук-бабочке предстал перед судом в шотландском городе Эдинбурге. Ему, служившему в качестве официанта в одном из кафе, предъявлено «обвинение» в нанесении материального ущерба своему хозяину. Внезапно сломавшийся механический работник кафе принялся крушить мебель и бить посуду. Фирме, продавшей его, грозит штраф в размере 4887 фунтов стерлингов (точная цена робота)». («Правда», 1985, 8 июля.).

Заголовки проблемных статей менее оптимистичны: «Робот на свидание не пришел» (из Свердловска), «Робот в долгов ящике» (из Дегтярска), «Робот наступает на «варягов» (из Алма-Аты), «В цех приходят роботы» (из Нижнего Тагила), «Простаивает робот» (из Первоуральска), «Обиженный робот» (из Верхней Пышмы), «Дорогу роботам!» (из Северского), «Один и робот не воин...», «Робот за забором», «Кому управлять роботами?» (из Свердловска).

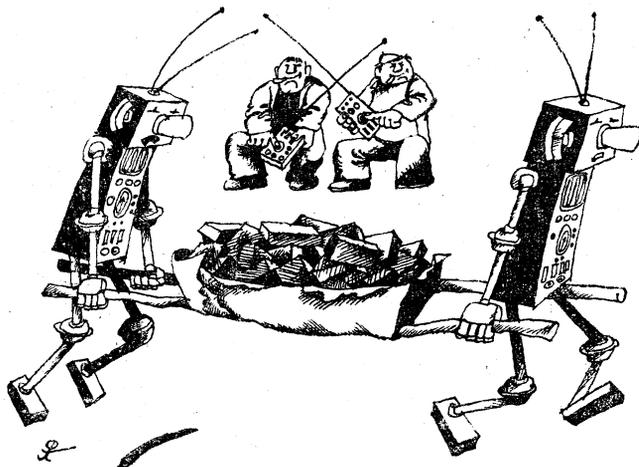
Последний вопрос — один из самых важных и самых болезненных в наших краях. К нему еще вернемся...

Роботы наступают — повсеместно и неотвратимо. Возможности их кажутся почти неограниченными. В капиталистическом мире думают и говорят об этом с ужасом. У нас — с радостью.

На заводах крупной японской фирмы «Хитачи» роботы впятеро ускорили изготовление продукции и почти втрое снизили производственные затраты. Но каждый робот оставил без дела трех или четырех человек. А роботов в Японии десятки тысяч, и число их растет лавинообразно... Американские экономисты сообщили, что роботы и другие автоматические устройства могут заменить от 65 до 75 процентов рабочих. А безработица в США бушует все сильнее, миллионы людей держат в нищете, хотя по количеству роботов Америка от Японии отстает...

На уральских заводах подсчеты иные: не хватает в цехах ста рабочих, роботы позволили обойтись без десяти... Уже чуть полегче!.. Но ненадолго, потому что нехватка рабочих рук, особенно молодых, в ближайшие годы станет острее. Сказываются последствия войн. Нет правнуков и внуков тех наших сограждан, что полегли на полях сражений. Как раз теперь их потомки должны были бы браться за работу...

В принципе вся тяжесть их несостоявшегося труда должна лечь на плечи роботов. Больше положить ее не на кого! Но роботов у нас пока намного меньше, чем надо бы. И мало пока людей, которые могут правильно определять, где они полезны (а нужны они далеко не везде!); мало людей, которые умеют монтировать, налаживать и обслуживать роботов. Нередко роботы лежат на заводских складах и годами ждут специалистов —

пока их научат, пока придут они в цехи, оглядятся, прикинут, где какие роботы необходимы.

Такова реальность...

Какими пришли роботы из фантастики?

В научно-фантастической литературе «изобрел» роботов чешский писатель Карел Чапек. В 1920 году написал он пьесу «RUR». Сокращение, давшее название этой пьесе, расшифровывалось так: «Россумские универсальные роботы» — название фирмы. Основание ей положило изобретение химика Россума, который нашел способ быстрого получения белка. По этому способу деловой племянник химика развернул массовое изготовление искусственных людей, предназначенных только для работы. Отсюда и название — роботы. Их создавали по упрощенной схеме, без «лишних» человеческих органов — вроде аппендикса, миндалин или пупка, без «лишних» мыслей, чувств, желаний и опасений. Они работали, сколько понадобится, платы за труд не требовали, слушались беспрекословно, на смерть шли без страха. Да и на что им деньги, сама жизнь, если нет желаний и радостей?..

Изготавливали роботов сотнями тысяч и сразу — в самом «цветущем» возрасте, то есть без «излишнего» детства. Труд их был, понятно, дешевле человеческого. Создатели роботов обещали, что Земля от этого станет раем. Но она превратилась в ад. Люди, лишённые труда, начали терять человеческий облик. Роботов вначале направили против бунтующих рабочих, а потом сделали из них солдат, которые уничтожали людей.

Усовершенствованные роботы, наделенные — для самосохранения! — чувством боли, стали задумываться о власти над человеком. Постепенно они объединились и уничтожили человечество полностью. Но, понятно, не воцарился рай и в застойном, обреченном на быстрое вымирание обществе роботов, где последний человек безуспешно пытался восстановить хотя бы рецепт изготовления искусственного белка...

В тот год, когда Чапек написал пьесу «RUR», родился в США Айзек Азимов, будущий знаменитый писатель-фантаст, которому суждено было блестяще продолжить чапековскую тему роботов. Из нескольких десятков книг Азимова наиболее известен у нас сборник рассказов «Я, робот», также основанных на деятельности роботостроительной фирмы. Правда, фирма эта создает роботов не из искусственного белка, а из металла и пластмасс. Внешне они куда меньше похожи на человека, чем чапековские. Но зато поведение их куда более человечно! Ибо заложены в них три закона робототехники, первый из которых гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». И металлические роботы проявляют порой куда больше гуманизма и самопожертвования, чем сами люди.

Робот-нянька Робби, рискуя собой, буквально выхватывает свою восьмилетнюю хозяйку из-под трактора. Причем никаких указаний Робби получить не успел — все произошло мгновенно. Он раньше людей осознал опасность.

Роботы Азимова могут «свихнуться» — декламировать неуместные на Меркурии стихи, задумываться о собственном происхождении и смысле своей жизни, читать тайные человеческие мысли, возомнить себя «пророком» и даже считать человека низшим существом. Ибо он явно слабее. Но не могут роботы нарушить первый закон робототехники — принести человеку вред. Перед этим табу даже самые «свихнувшиеся» роботы бессильны. А вот в производящей их фирме бесчеловечный закон существовал: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза».

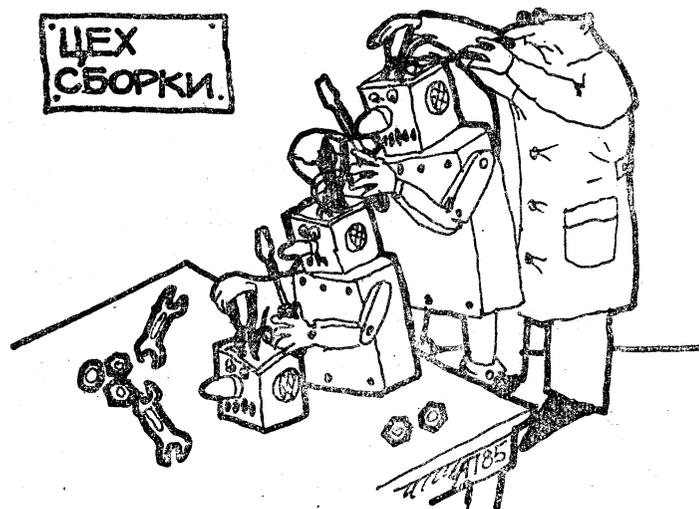
Это значит: за малейшую ошибку — во! С роботами фирма была куда более гуманна, чем со служащими...

Душевные, благородные, даже нежные, хотя и заблуждающиеся порою, роботы Айзека Азимова завоевали сердца сначала взрослых, потом — детей.

Всякая тема — и трагическая, и лирическая — когда-нибудь пародируется. В газетах и журналах печатаются юмористические рисунки, посвященные роботам. Робот под часами с цветочком; роботы, целующиеся на скамейке; счастливая «семья» роботов с детенышами; робот-бюрократ, новатор, живописец, писатель — обычные персонажи таких рисунков. Любопытную серию юмористических рассказов о роботах — «Вывихонцы» — написал костромской прозаик Валентин Никольский. Рассказы эти, как пьеса Чапека и сборник Азимова, описывают деятельность роботостроительного предприятия — Вывихонского завода. Однако здесь роботы уже не только делают других роботов, но и полностью руководят производством (директор завода — тоже робот!), планируют «вал», перевыполняют план по принципу тяп-ляп и сами себе выписывают за это премии. Роботы же и ремонтируют сделанных наспех вывихонских «выпускников», у которых у один блок отказывает, то другой. И трудности у роботов, по Никольскому, бывают совершенно человеческие. Вот исповедуется один «вывихонец» другому: «На первых порах я, правда, еле сводил контакты. Удалось устроиться лишь регулировщиком вторых сигнальных систем, да и то на полставки. Квартиры не было, снимал «угол». Но я работал, как вечный двигатель, брал на себя одну за другой общественные нагрузки, писал статьи для журнала «Роботоведение», выдвинул в них кое-какие идейки — и добился своего!»

В наш век электронно-вычислительных машин дальше, казалось бы, писать о фантастических роботах нечего. Ходят в ресторан, откалывают там модные танцы, достают себе «по благу» красивые, нестандартные корпуса, пользуются счетами, которые с человеческих-то бухгалтерских столов на наших глазах напрочь слизывает время, заменяя их электронными микрокалькуляторами.

А как же на самом-то деле? Ведь роботы давно уже живут не только в научной фантастике, но и — в цехах.

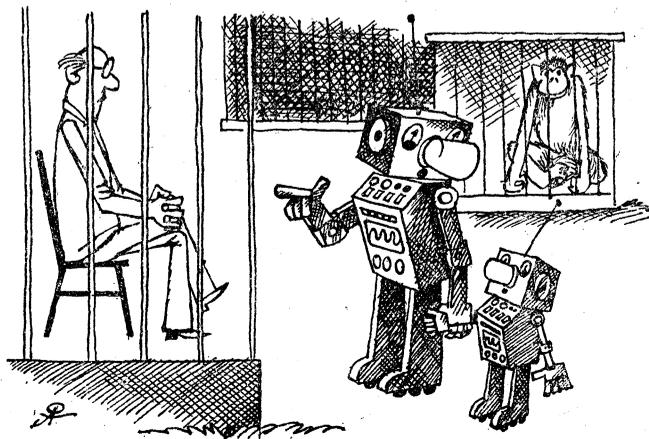
КАКИМИ МЫ ИХ СДЕЛАЛИ?

На Северском трубном заводе роботы подают в зону резания автоматического токарного станка соединительные муфты труб и убирают их оттуда. Мощные австрийские станки «Хайд» нарезают винтовую резьбу. Эти муфты на нефтепромыслах соединяют обсадные трубы, уходящие сплошной колонной к нефтяным пластам. Муфт надо очень много! От этого зависит добыча нефти. Нарезка их идет быстро. И, чтобы охладить металл, в зону резания сплошным потоком хлещет эмульсия. И сама зона закрыта стеклом.

Человеку туда соваться опасно — резание прекращается лишь на секунды. За эти секунды рука робота длинными цепкими пальцами снимает нарезанную муфту, другая рука заменяет ее. А затем, пока робот отвозит муфту на контроль и берет другое, ненарезанное, кольцо, — станок работает, нарезает резьбу. Станок не ждет — ждет робот с новой заготовкой в стальных пальцах.

Эти двоящие руки и есть почти весь робот. Двигается он по валу. Кроме вала роботу «принадлежит» еще и ящик электроники. Все хозяйство!..

Оператор обслуживает сразу два «Хайда», выносные пульты которых поставлены рядом. Если все налажено, то в труд станков и роботов можно не вмешиваться. Следи, чтобы заготовки своевременно подавались...

У старых станков для такой же нарезки резьбы на муфтах — у краматорских — тоже есть манипуляторы, но — без электроники. Так сказать, дедушки сегодняшних роботов. Вся программа действий этих манипуляторов (их в Северском роботами и не называют!) записана на длинном валу со стальными кулачками, которые управляют «руками» и «пальцами» манипулятора.

Много тут схожего с тем, что происходит в «Хайдах». Но устройство — другое. Казалось бы, вал с кулачками — проще электроники... Ведь результат — тот же! Однако проще — не обязательно лучше. Робота из «Хайда» можно перенастроить с помощью электроники на множество других операций. А краматорский манипулятор никуда больше не пристроить.

Конвейер собирает муфты с линии из шести краматорских станков и везет их на контроль. На столе контролеров — шаблоны для проверки качества резьбы. Специальный робот передает муфты с конвейера на контролерский стол, переворачивает, чтоб проверить резьбу с двух сторон, и возвращает на конвейер. Раньше это делали контролеры — и, следовательно, меньше муфт успевали проверить. Робот избавил их от нелегкого труда (ведь контролеры — женщины) и улучшил контроль. Не случайно последние годы Северский завод совершенно не получает рекламаций на муфты от буровиков.

История этого робота, изготовленного в Краснодарском станкостроительном объединении, любопытна. Он был приобретен случайно — его не смогли применить там, куда направил завод-изготовитель. В Северском для начала его также «забраковал» неспециалист. И два года робот лежал на складе.

Заинтересовался им молодой инженер Виктор Глазырин. Он закончил два факультета Уральского политехнического института — электротехнический и экономический. В центральную заводскую лабораторию автоматизации и механизации его направили вовсе не как специалиста по роботам. И сам он себя таким знатоком не считал. Но, узнав, что на складе лежит отвергнутый всеми робот с пятью степенями подвижности, Виктор не мог оставить его без внимания. Изучил документацию. Убедился, что робот снабжен не электроникой, с которой Виктор еще не был знаком, а известным ему, хотя и сложным, электрооборудованием.

Виктор посоветовался с инженером Андреем Черным:

— Как думаешь — сможем мы его пустить?

Андрей разобрался в документации и согласился:

— Давай распакуем!

Теперь их было уже двое. Вот что такое умело посоветоваться...

Осторожные люди пытались их остановить:

— И чего вам не живется спокойно? Обходимся ведь без этого робота...

Поначалу робот «не пошел» — делал несколько необходимых движений и давал сбой. Инженеры поняли, что электрической «памяти» механизму все-таки не хватает — нужна электронная.

Специалисты заводской лаборатории автоматизации перелили робота на электронные микросхемы, и он стал без запинки выполнять все, что от него требуется.

С этого «краснодарца» Виктор Глазырин и стал специалистом по внедрению роботов. Дальше его уже просили — определять места для новых роботов, курировать их монтаж, установку и наладку. И теперь наблюдение за всем заводским войском роботов — 14 электронных да еще полсотни манипуляторов — ведет Глазырин, начальник группы роботизации.

Где еще трудятся северские роботы?

В трубосварочном цехе мощные роботы, имеющие

вид козловых кранов, оханками перевозят шестиметровые трубы из одной ванны в другую на участке травления и очистки. Над ваннами — вредные пары, и человеку там находиться просто невозможно. А роботу ничего — он железный... Точнее — стальной! И с точностью хороших часов, с заботливостью няньки он укладывает оханку труб в ванну, уезжает на другую работу, пока эти трубы промываются водой, щелочью или кислотой, потом возвращается за ними, поднимает, ждет, пока стечет жидкость, и везет укладывать в другую ванну. Ничего не перепутает, нигде не собьется, все помнит — и где какая оханка лежит, и сколько ей там «отдыхать», и куда ее везти дальше. Могучие и заботливые эти роботы созданы подмосковным заводом «Электросталь» и Дегтярским опытным предприятием Союзветметавтоматики.

А в дальнем конце того зала, возле вентиляторов, двое рабочих вместе или по очереди сидят у двух пультов и контролируют эту титаническую работу двух технологических линий.

Еще одного робота внедрили свердцы в конце 1985 года на участке товаров народного потребления в листопрокатном цехе. Изготавливают там оцинкованные тазы, ведра, баки, детские ванночки. Созданный в Ростове-на-Дону, робот этот подает крышку бельевого бака под пресс, пробивающий отверстия для ручки, и дальше — на поворотный стол автомата, закатывающего края крышки.

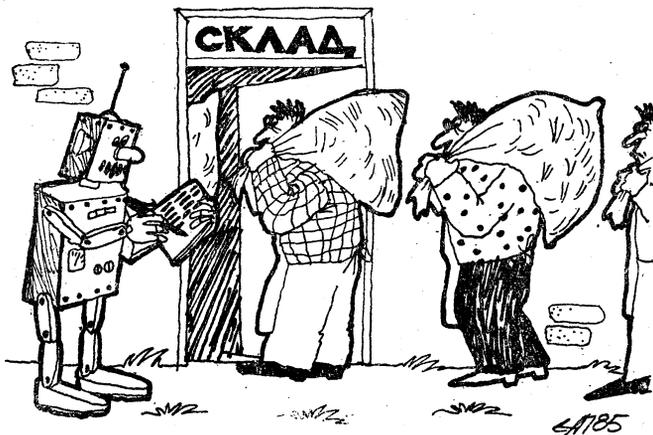
На обратном пути рука робота включает сжатый воздух, отделяющий от стопки заготовок еще одну крышку. Присоски робота подхватывают ее и несут под пресс.

Небольшой такой, можно сказать, уютный робот, рука которого не больше человеческой. Модная нынче форма: от робота требуется рука — из нее он и состоит! Или из двух рук... А электроника позволяет при необходимости переналадить руку на другие операции, в других условиях. Присоски этого робота вполне можно заменить «пальцами» — захватами. Движения руки можно направить не только по горизонтали, но и по вертикали. Не сложно научить ее переворачивать заготовку, если возникнет в том нужда, как переворачивают заготовку роботы в «Хайдах». Возможности переналадки робота измеряются прежде всего количеством степеней подвижности. У большинства современных роботов их от четырех до шести. Некоторые советские, американские, болгарские и японские роботы имеют по семь степеней подвижности. У данного робота их пять.

На Свердловском заводе транспортного машиностроения имени Я. М. Свердлова такие участки уже созданы, действуют, и люди освобождены от однообразной, утомительной и порой опасной работы.

Четыре группы различных роботов установлены здесь также на участке товаров народного потребления. Самая многочисленная группа подает под прессы чашечку мебельной петли. Нужную форму придает ей линия из пяти прессов. Пять последовательных ударов — и плоская листовая заготовка стала чашечкой. Сила ударов — немалая! Если штамп пресса «промахнется» и вместо заготовки стукнет по пальцам, вероятнее всего, пальцев больше не будет. Вот легко уязвимые руки рабочих и заменены механическими. Две параллельные линии, десять прессов — 520 деталей в час! И двое рабочих, обслуживающих прессы и роботов всего этого участка, где раньше одновременно трудились десять штамповщиков да еще наладчик.

Здесь же, на соседних прессах, — роботы совсем миниатюрные, приехавшие из Феодосии. Они приютились

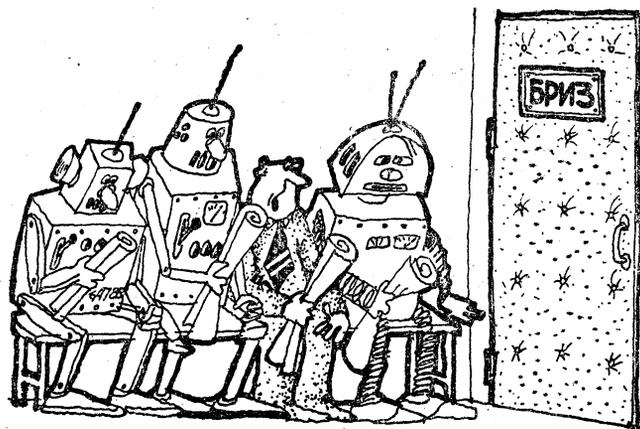
прямо на столе пресса, прицепились к его краешку и поочередно поддают под штамп пластиночки величиной с половину школьного ластика. Штампуют серьгу мебельной петли.

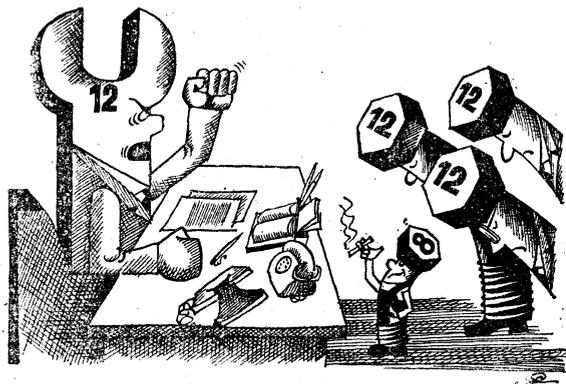
А рядом на таком же прессе штампует эту серьгу немолодая женщина. Действует она пинцетом — быстро и точно. Чувствуется многолетний опыт! У крошечных же роботов опыта пока мало. Останавливаются, сбиваются, портят пластинки... Еще не закончена наладка... Но и такие — «годные необученные» — дают хорошей продукции куда больше, чем опытная работница.

Здесь также создается целый роботизированный участок. И он под контролем заместителя главного инженера завода Гензеля Николаевича Кокшарова, отвечающего за внедрение новой техники. Роботы нынче — одна из главных его забот.

Роботы на штамповке сегодня характерны для многих заводов страны. Их можно увидеть на штамповочных участках в Ленинграде, Омске, Чебоксарах, Могилеве.

В другом цехе того же свердловского завода им. Я. М. Свердлова действует гибкая автоматическая линия — семь новеньких токарных станков с роботами, которые подают в зону резания круглые заготовки и убирают из нее обработанные детали. Обедняет все эти станки управляемая электроникой транспортно-накопительная система — новейший вид конвейера. Роботы

получают из нее контейнеры с заготовками и возвращают в нее те же контейнеры с уже обработанными деталями.

Весь этот участок — семь станков, семь роботов и диспетчерский пункт с дисплеем, на котором ряды цифр отражаются все операции, — обслуживают трое четверо рабочих. Они с помощью дисплея дают пооперационные задания всему участку, перенастраивают станки, контролируют их работу и пока еще по старинке, на «салазках», уволакивают от них металлическую стружку. Эта ручная операция все еще ждет своих роботов...

На других заводах Среднего Урала роботы сегодня ведут автоматическую сварку железнодорожных гондол (Уралвагонзавод), корпусов машин (машиностроительный завод им. Калинина), различных деталей (Уралмаш), травят в кислоте печатные платы и обслуживают машину для литья, подают на сушку тарелки (Богдановичский фарфоровый завод), подают в зону резания станков с ЧПУ детали деревообрабатывающего станка «Кедр» (Уралмаш).

В Свердловске недавно испытали робот для очистки горловины конвертеров. Его сконструировали в институте Унипромедь. Задача робота — сбивать наросты металла с горловины горячих печей-конвертеров, в которых плавят медь.

Раньше эти наросты сшибали разливающим ковшем, висющим на кране. Условия операции тяжелые — высокая температура и вредная среда. Человек не может находиться в этой атмосфере. Потому и применяли раскачивающийся ковш. А он нередко разрушал горловины печей. Теперь эту работу институт Унипромедь перекладывает на плечи машины, которая «не замечает» вредной среды, высокой температуры и действует аккуратно.

НА МЕСТЕ БУДУЩЕГО ЗАВОДА

Дегтярский завод роботов... Еще в июне 1981 года постановление правительства о внедрении в народное хозяйство манипуляторов с программным управлением (промышленных роботов) предусматривало строительство в уральском городе Дегтярске завода роботов, предназначенных в первую очередь для цветной металлургии. Этому заводу предстоит выпускать 260 роботов в год. Не самое крупное роботостроительное предприятие, если учесть, что московский «Красный пролетарий», например, подготовился к выпуску в 1986 году пятисот робо-

тов. (Два из них уже установлены на Свердловском заводе коммунального машиностроения.) Однако Дегтярский завод должен стать самым крупным роботостроительным предприятием в цветной металлургии, где доля ручного труда пока особенно велика, а среда, в которой проводятся ручные работы, особенно вредная.

Дегтярские роботы применят на подземной добыче руды, на ее погрузке и выгрузке, на ее дроблении и обогащении, на выплавке металла и на контроле загазованности воздуха в цехах. Предусмотрены специальные роботы для прокатки фольги на Михайловском заводе обработки цветных металлов в Нижнесергинском районе.

Однако, судя по всему, путь этих необходимейших роботов в массовое производство будет не быстрым и не коротким. Ибо пока на месте Дегтярского завода проложены лишь железнодорожные пути, автомобильное шоссе да начато строительство котельной. Зимой 1985—1986 годов на строительной площадке царило полное затишье — все глубоким снегом замело. Хотя еще в 1983 году был утвержден проект завода и в 1984 году — список первых пусковых объектов (так называемый титульный список). В 1986 году завод уже должен был выпустить 50 роботов.

Организации Главсредуралстроя, которым поручено это дело, не справляются пока со стройкой в Дегтярске. И прежде всего потому, что не хватает самих строителей. Стройку из-за этого и объявили ударной комсомольской.

В то же время сотни жителей Дегтярска, освободившихся от работы на иссякающем медном руднике, уезжают по утрам на предприятия Ревды и Свердловска. За дегтярцами приходят машины. Вечером бывших горняков спецрейсами привозят домой. Рабочих рук везде не хватает... И в самом Дегтярске лишь кажущийся их избыток — от неумелой, беспомощной организации крайне необходимого строительства, от чье-то непонимания сложившейся обстановки и возможностей быстрого, достойного выхода из нее.

Именно этой стройке и была посвящена статья «Робот в долгом ящике», которую напечатала газета «Уральский рабочий». Горькая и справедливая публикация, показывающая, что путь роботов, как, впрочем, и путь людей, отнюдь не усыпан розами...

Для Дегтярского завода роботов заказано за рубежом оборудование. Вот-вот повезут его в Дегтярск — ведь срок был назначен давно, и не случайный срок!

Кто ответит за эту «неувязку»?..

Специалисты утверждают, что роботы подобных ошибок совершить не смогут — слишком уж это явные и грубые ошибки.

А КАК СО СПЕЦИАЛИСТАМИ?

В 1982 году, после правительственного решения о внедрении роботов, был создан в Свердловской области научно-технический совет роботизации. Предварительные подсчеты показали: к 1990 году на Среднем Урале должно быть внедрено около четырех тысяч роботов. Для того чтобы определить их место в цехах, смонтировать и обслуживать, нужны примерно две тысячи инженеров-роботизаторов и столько же рабочих — наладчиков и операторов. Поначалу соотношение вырисовывается именно такое — один к одному. В дальнейшем оно, конечно же, станет меняться. Предполагается, что в 1995 году инженеров и наладчиков будет почти в два раза меньше, чем роботов, а в двухтысячном году мы достигнем соотношения 1:3.

В Уральском политехническом институте была начата целевая подготовка инженеров-роботизаторов. В 1987 году институт даст первый — очень небольшой! — выпуск специалистов этого профиля.

Одновременно институтская лаборатория роботизации, которую создал и которой руководит доцент Марк Александрович Гурин, начала подготовку специалистов в общественном университете — по двухгодичной программе, без отрыва от производства. Двадцать слушателей уже получили дипломы этого университета, 125 инженеров учатся в нем и готовят выпускные работы по тематике своих предприятий. Те есть практически вписывают роботов в свои родные цехи.

Конечно, это немного для Среднего Урала. Тем более что в техникумах роботизаторов еще не готовят, а в профтехучилищах — только начинают. В Ревде для этого смонтирован робот-металлообработчик в производственных мастерских профтехучилища. На его наладке и обслуживании будут готовить операторов-наладчиков. Пожертвовали роботом производственным ради целей учебных — иного выхода нет...

Завод транспортного машиностроения им. Я. М. Свердлова, где роботов больше, чем на других среднеуральских предприятиях, сам готовил первых операторов. Кандидатов в учебную группу искали прежде всего среди демобилизованных солдат, особенно имевших дело с армейской электроникой. В заводской отдел технического обучения пригласили для преподавания инженеров, монтажников и наладчиков с опытом внедрения роботов. Эти специалисты сами создали учебные программы. Напряженная учеба шла два месяца и закончилась серьезным экзаменом. Лишь после этого были выданы дипломы.

Ленинград готовит около четырех тысяч роботизаторов в год. Москва — около трех тысяч. На Урал эти специалисты практически не попадают — их буквально расхватывают местные предприятия. Уралу предстоит самому позаботиться о своих роботизаторах всех рангов...

Однажды центральное радио сообщило, что общий парк роботов в странах СЭВ к 1990 году достигнет 200 тысяч. Новые роботы уже создаются совместными усилиями Советского Союза, ГДР, Болгарии, Чехословакии. В Чехословакии действует центр «Робот», где конструируют роботов, — в том числе имеющих зрение и слух.

Различные предприятия и даже целые страны СЭВ будут специализироваться на массовом выпуске роботов целевого назначения. Советский Союз преимущественно будет создавать их для металлообработки и литейного производства. Венгрия — роботов для контрольно-измерительных операций и кропотливой, точнейшей сборки в приборостроении. Чехословакия даст странам СЭВ роботов для литья под давлением и для слесарных сборочных работ. Болгарские роботы будут предназначены для окраски изделий (труд в очень вредной среде!), для сборки в машиностроении и электротехнике. Польша даст сварочных роботов, которые также трудятся на участках с сильной загазованностью. (Не случайно именно с этих сварочных участков началось общее внедрение роботов на Среднем Урале.)

Подписанная в декабре 1985 года руководителями правительств «Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года» предусматривает создание «промышленных роботов и манипуляторов для отраслей народного хозяйства, в том числе обладающих искусственным зрением, воспринимающих речевые команды, программируемых и быстро приспособляемых к изменяющимся условиям работы».

Создан также советский межотраслевой научно-технический комплекс «Робот», который объединил несколько крупных станкостроительных заводов, академи-

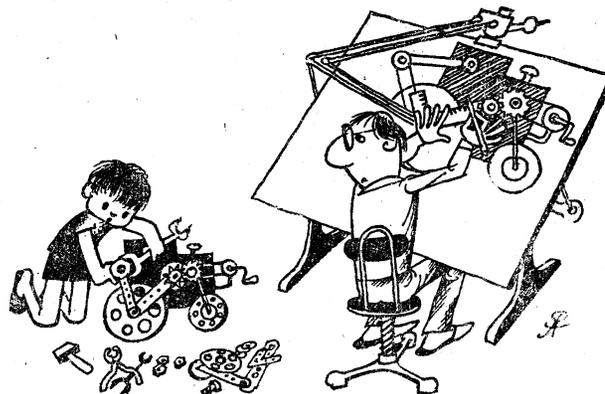
ческие научные институты и Украинский отраслевой НИИ станков и инструментов. Комплекс «Робот» сумеет обеспечить и научные исследования, и опытно-конструкторские разработки, и выпуск образцов, и наладку серийного производства. А также и подготовку кадров.

Создаются и, так сказать, чисто «сервисные» фирмы. Региональный центр по внедрению и обслуживанию роботов возник в Ташкенте. Ожидается организация подобных центров и в других районах.

Больше 130 фирм разных стран привезли своих роботов в Сокольники. Очереди на эту выставку выстраивались такие же, как на встречу с «гостившими» в Москве шедеврами мировой живописи. За час до открытия возле павильонов уже стояли люди. Приезжали сюда делегации со всех концов страны. Была и очень представительная свердловская делегация. Привезенные ею проспекты и каталоги собраны в лаборатории роботизации Уральского политехнического и позволяют студентам создать о московской выставке довольно полное представление.

Изящных роботов конструируют и в самой этой лаборатории — и ее работники и студенты. Особенно интересны модели высокоподвижных модульных роботов, созданные М. А. Гуриным. Модульные — это значит, состоящие из унифицированных узлов, модулей, которые можно использовать в различных комбинациях. Как секционную мебель... Воплощенные в металл, такие роботы вполне смогут претендовать на звание универсалов. А именно они и нужны для гибких автоматизированных производств, в которых роботам обозначена роль главенствующая. «Гибкие» — означает быстро перенастраиваемые на другую продукцию — более современную, более совершенную, более необходимую.

Еще в нынешнем веке роботы станут обслуживать ядерные реакторы, исследовать морское дно, трудиться в открытом космосе. Сегодня роботы делают то, что могут и люди. Завтра роботы станут делать то, чего люди уже не могут...

ЗЕЛЕНЫЙ ТОПОЛЬ СРЕДИ СНЕГОВ

Надежда
ТОЛМАЧЕВА

Рисунки Е. Охотникова

Старый-старый тополь. Его посадил перед своим домом старик, который умер раньше, чем стали появляться внуки.

Тополь и мой родной поселок были единое и неделимое. Поселок менялся, отстраивался, а тополь не менялся. Листья по-прежнему были резко очерченные, твердые, и, казалось, когда дождь падал на них, они звенели, как тончайший металл.

Сколько же лет старому тополю?

Мы, довоенная ребятня, никогда не задумывались над этим. Мы просто знали — он будет вечным. Пробегая мимо, хлопали ладошками по его темно-серому с коричневыми морщинками стволу, заигрывали, подпрыгивая, пытались дотянуться до его прекрасных сережек. Не дотягивались. И тогда, смиловившись, он великодушно бросал сережки нам. И мы тыкались носами в их пахучую свежую мягкость...

Мы давно взрослые. Стареем. Многие погибли, так и оставшись в наших сердцах молодыми.

А тополь как прежде. Я скучала по старому тополю с красными сережками и нынешней весной как-то особенно ждала встречи с ним.

...Знакомая дорога от Березовского до нашего поселка Саранулка. По ней в августе 1941 года — кто пешком, кто на подводе — двигались мобилизованные парни и

Надежда Степановна Толмачева окончила в 1942 году горно-металлургический техникум и работала химиком-аналитиком на одном из предприятий Свердловска. Получив журналистское образование, в течение ряда лет была на газетной работе, в частности собкором «Советской культуры» по Уралу, затем секретарем партбюро предприятия коммунистического труда — завода медицинских препаратов.

Перу Н. С. Толмачевой принадлежит ряд книг, среди них «Хозяйка леса», «Старшая сестра», «Чайка без моря».

взрослые мужчины. Среди них шел мой уже старенький отец. Я смотрела на его шею в резких морщинках, покатые плечи и все во мне сжималось от жалости: «Не выдержит...» В последнее время он страдал резкими болями в желудке.

Прошли годы, а эта дорога, ставшая теперь прямой, асфальтированной, отзывается в моем сердце болью 1941 года.

...Медленно сошла с автобуса. Остановилась перед скромным серым обелиском. Там замурован список с фамилиями многих-многих десятков земляков. Мои школьные товарищи, одноклассники: Александр Аброшиков, Аркадий Грехов, Михаил Луговых, Федот Пахнутов, Григорий Смирных, Леонид Поляков, Федор Никифоров, Елисей Силантьев, Андрей Иванов, Георгий Рушенцев, еще и еще... Только трое вернулось с фронта из тех, с кем я начинала учиться с первого класса. «Трое из восемнадцати ребят». Дорогие мои мальчишки.

Я обхожу вокруг обелиска, тихо касаюсь серых шершавых граней бетона. Потом оборачиваюсь в сторону тополя — жив ли? Теплая волна приливает к сердцу: твердо стоит тополь, его густая крона горделиво поднялась над крышами домов. В медленных синих сумерках дальнего неба он кажется прозрачной зеленоватой скалой. Спешу к нему — мне по пути, всегда по пути к родному трехконному родительскому домику.

...И надвинулись на меня воспоминания. Нет, не то слово — «воспоминания»! Юность моя и сегодняшняя жизнь...

Какое было цветущее июньское воскресенье! Именно цветущее. Оно с утра выдалось солнечным, небо лазоревое, высокое опрокинулось над небольшим уральским городом Кировградом. Последние дни производственной практики на медеплавильном заводе. Остается год — и мы, новоиспеченные техники, разлетимся по заводам и рудникам. Но это потом, а сегодня — воскресенье. Нас пятеро девчат — «техникумок», живем все вместе рядом с комнатой студентов Уральского политехнического института. Они — тоже со старшего курса, и их тоже пятеро. Ничего не скажешь, завидные парни: Володя — гитарист, Глеб с раннего утра на общей кухне поет арии:

Спи, моя красавица,
Сладко-сладко спи...

Но спать не приходится, надо скорее вставать. До завода шагать пешком — никаких автобусов!

Орест — высокий, спортивный блондин, играет в волейбол — загляденье. Еще — кто? Ах, Вася — у него такие чудные глаза... И Алексей — хохотун, прост. В общем, все хороши. Завязались обоюдные симпатии, мечты. Но вскоре они были омрачены приездом девчат, и тоже на практику — студенток Днепропетровского металлургического института. И мы сникли: куда уж нам, «техникумкам», до «институток» — они и постарше, эти украинки, и поярче, и платья у них не то что наши.

Симпатии студентов УПИ явно перекинулись на украинок. Но, переживая, мы не сдавались. Вот сегодня, в воскресенье, мы покажем свой класс игры в волейбол. Одна наша Нюра чего значит — такая подача! И поэтому с утра наглаживали свои лучшие платья: ситец в горошек, в клетку, полосочку. Но волейбольный матч не состоялся. Оборвалась очередная ария Глеба на кухне, замерли голоса бойких украинок, повисло в воздухе замечание вахтерши о том, что воду из титана надо лить в чайник, а не в пол...

Голос, который знает каждый и сейчас, хотя человека уже нет в живых, объявил по радио о наступлении немецко-фашистских войск на нашу страну.

Первая реакция — мы стали плакать вместе с девчатами из Днепропетровска: как же они теперь вернуться домой? И только потом, позднее, осознали все самое страшное, связанное с войной. Гораздо позднее.

Разумеется, никаких каникул. Пришлось поехать по колюхам — прополка, на торфяники — заготовка торфа для заводов. Учебный год тем не менее начали точно первого сентября. Надо было скорее выпустить нас техниками, отправить на производство.

Ребята ушли в армию, многие — добровольцами. Ушел добровольцем и наш секретарь комитета ВЛКСМ Александр Обожиц. Его письма с фронта, воспоминания о нем семьи, фотографии бережно хранятся в музее техникума. Саша был удивителен своей скромностью, девичьей застенчивостью. «Мне бы такой румянец!» — говорила иная бойкая химичка, когда Саша приходил к нам на комсомольское собрание. Вместо того чтобы отшутиться, Саша неизменно краснел, чем еще больше подчеркивал белокурость своих волос. Потом брал себя в руки, и смешные девчата как-то незаметно настраивались на серьезную волну — собрание проходило как надо!

И вот Саша ушел добровольцем. И не верится, что мы уже никогда не увидим его в тесной комнате нашего комитета комсомола. А я, грузинсорг, приношу ведомость комсомольских взносов, нового секретаря комитета по привычке называла Сашей.

Письма с фронта посылал Александр Обожиц бодрые, утешал мать, просил сестренку слушаться родителей. Этот паренек из рабочей семьи был удивительно преданным сыном. Получая повышенную стипендию — он был отличником, — никогда ее не тратил без совета матери. А на первую стипендию в сентябре купил мешок картошки, чем несказанно обрадовал свою большую семью.

...Однажды, уже многие годы после окончания войны, приехав в Свердловск, я решила сходить в кино-театр, куда часто бегала студенткой. В фойе увидела увеличенный портрет Александра Обожица: «Они погибли, защищая Родину».

Он глядел на меня серьезно, чуть-чуть смущенно, как на том комсомольском собрании. Я не смогла заставить себя пойти смотреть фильм.

...Нас торопили с окончанием техникума еще и потому, что уже половина здания была отдана под госпиталь, а учебные аудитории перевели в общежитие. Наш бессменный директор Виктор Михайлович Сивков, опираясь на палочку, ходил по коридорам техникума-госпиталя и умолял ходячих раненых не открывать шкафы и «не раскуривать важную документацию». Раненые снисходительно обещали.

Нас, старшекурсниц, часто «бросали» на приемку раненых, а иногда и в операционную — бывший кабинет механики. Нельзя забыть рваные раны, груди кровавых бинтов. Девчонки постанывали, ахали — хирурги пикали на них. А я держалась. Не знаю почему. Потом подружки говорили: «Ты была как каменная». Наверное. Это потому, что когда я вошла в операционную, то первое, что бросилось в глаза — развороченное плечо пожилого бойца. Он посмотрел в мою сторону и прошептал: «Держись, дочка. Все надо выдержать, раз положено». Я до сих пор в тягостные минуты говорю себе: «Все надо выдержать, раз положено».

...С родниковой водой я шла медленно, коромысло давило плечи, и я все замедляла, замедляла шаги. Знаю, как перешагну порог, снова увижу мамини строгие, укоряющие глаза. Мы не виделись месяц — я вырвалась с завода в выходной день (по-настоящему выходной — в то воскресенье мы не выезжали на заготовку дров), и мне хотелось помочь маме вскопать в огороде грядки, приколотить оторванные доски в заборе и в баню успеть.

Ведь в полночь я должна была уже подняться и пойти на станцию к поезду. Впереди — утренняя заводская смена. А мама — свое:

— Сходи к Наталье Ивановне. Погиб Миша, ты понимаешь? Погиб Миша! Семен Яковлевич слег от горя.

— Но я не успею помочь тебе.

— Я сказала — ты пойдешь к Луговым. Надо утешить...

— Как?

— Сумей. Училась с первого класса с парнем. Парень-то какой был!.. Сказано — иди...

Непреклонность моей мамы уж кому-кому, а мне известна.

И я пошла.

Наталья Ивановна словно не узнавала меня: с трудом оторвала взгляд от фотографий, разложенных на столе. Треугольник письма прижимала к сердцу. Потом приложила руки к вискам, закачалась из стороны в сторону, простоволосая, густо седеющая:

— Надя, Мишеньки-то не стало. Самолет сбили — поди, живой еще был, когда падал, ох, сыночек...

— Хватит, мать, — строго и ласково сказал Семен Яковлевич с кровати, где лежал неподвижно, сложив поверх одеяла большие трудолюбивые руки.

— Наталья Ивановна, Наталья Ивановна...

И ведь больше ничего не могла сказать — просто плакали вместе над столом, где были разложены фотографии ее сына.

МИХАИЛ ЛУГОВЫХ. Он любил ботанику — всегда пятерки (тогда была оценка «отлично»).

В нашем маленьком лесном поселке никто не сажал фруктовых деревьев — все равно замерзнут. А Миша посадил три яблоньки — кто-то привез их из плодового опытного сада.

Он хорошо знал и математику. Попел учиться в машиностроительный техникум. Перед самой войной перешел в авиационное училище. Из Грузии, где проходил краткий курс обучения пилотажу, прислал мне веточку кипариса. Она прекрасно сохранилась в конверте и так — вечнозеленая — лежала в альбоме вместе с заветными фотографиями.

Он был бесконечно добр, наш Миша. Тогда неполной средней школы в Сарагулке не было, и мы, двенадцатилетние, после четвертого класса пошли учиться в Березовский. Каждое воскресенье топали после школы двадцать верст домой — тосковали по семьям, да и продуктов кое-каких прихватить надо было.

Вначале шли весело, посмеиваясь, а потом где-то на полдороге, когда сумерки сливались с лесом в одну сплошную массу, наши голоса затихали, даже мальчишки говорили шепотом.

Однажды перепугались до смерти, услышав где-то позади волчье завывание. Миша схватил мою и подружку сумки, пропустил нас вперед:

— Скорей, девочки, скорей! Не отставать!

Не знаю, чем бы кончился наш путь, если бы впереди не засветился костер и где-то со стороны раздались один-другой ружейные выстрелы. Волчий вой мгновенно стих.

Миша погиб в одном из первых воздушных боев в 1941 году.

...А когда я возвращалась от Луговых, протирая слезные ресницы и время от времени взглядывая на фотографию Михаила — с обожженными краями, меня окликнула самая лучшая подружка Мария Наумова, начинающая учительница.

— Надя, а ведь Аркашу Грехова тоже...

АРКАДИЙ ГРЕХОВ. Он был скромненький до незаметности.

А все-таки очень даже запомнился. Значит, был за-

метен. В нем была тихая, где-то глубоко сидевшая грусть — может быть, оттого, что он был нездешним в нашем поселке и тосковал по своей оставленной деревеньке, своим друзьям на своей улице. Но иногда, редко правда, он расходился: говорил забавные вещи, мальчишки одобрительно смеялись, взяв его в кружок. В его светло-карих глазах блестели озорные рыжие огоньки. Я знала, девочкам нравились его золотистые волосы, которые слегка курчавились в челке и сбегались в завиток на затылке у тонкой шеи.

Мне думается, из Аркадия вышел бы хороший учитель: он мог привлечь внимание своей серьезностью и неожиданной веселостью. Таких любят дети.

Аркадий Грехов погиб в первые же дни войны. Его старенькая мать и тридцать лет спустя ждала его. До самой своей смерти ждала его, звала в последнем бреду.

...Мама написала, что чувствует себя плохо, и если б я смогла навестить ее...

«Картошку выкопать надо — с собой рюкзачок унесешь. Правда, картошка нынче плохонькая. Сама знаешь, семена-то какие были: скорлупки да росточки тонкие. А все-таки есть картошка — проживем как-нибудь. Приезжай».

Осенний день короткий. Доконали картошку таки: мелочь, на боках многих клубней зеленоватые темные пятнышки — такая долго не улежит.

Мама горюет:

— Хоть бы на семена что-нибудь осталось.

В сарае я нашла отцовский топор. Хороший, крепкий колун. Любила еще в детстве на морозе по кругляшку таким топором ударить надвое, со звоном, особенно если гладкие, без сучьев. Отец ласково ворчал:

— Ты что, парень? Пусть брат вон колет. Ты учишься грамоте — дольше учишься.

А по улыбке из-под темных усов я видела, что отец был доволен мной — нечего работы бояться. Пригодится.

Небольшую ровненькую поленицу дров наколола я в тот осенний вечер и, довольная, пошла положить отцовский колун на место — мама любила во всем порядке. И тут звякнула калитка. Во двор шагнул высокий офицер в щегольски накинута на плечи шинели.

Руку под козырек, улыбается:

— Младший лейтенант Смирных приехал с вами повидаться!

— Гришка! Какой ты стал... Не узнала сразу...

ГРИГОРИЙ СМИРНЫХ. Гришка был болтлив, отчаянно путал «Л» с «Р» и тархтел над этим «Р» где не надо. Потом все звуки в его речи стали на место.

В нем была какая-то внутренняя деликатность, никогда он нас, девочек, не толкал, не дергал за косички, в младших классах не говорил глупости. В старших, придя в школу, он солидно, «по ручке», здоровался с мальчишками, не обращая внимания при этом на прыскавших от смеха девочек.

После ранения и выписки из госпиталя ему разрешено было на несколько дней приехать домой навестить мать, сестренку.

Мы сидели на скамейке у ворот нашего трехоконного домика. Был тихий и прохладный осенний вечер. Закат над дальними полями полыхал, словно зарево от пожара, переходя в черную полосу над лесом.

— Гришка, ну как... там?..

— Ты — о фронте?

— Да... Как тебя ранило?

— А можно не рассказывать?

— Как хочешь, — обиделась я.

Сейчас мне стыдно за свою обиду.

Я не поняла его, одноклассника. Он в то время был старше меня вдвое — фронтовик. Тогда он не обиделся на мою обиду. И, помолчав: «Надь, война — это... это та-

кое нечеловеческое что-то, даже не могу тебе объяснить. Я бы наперед уничтожил всех, кто даже мысль о войне держит. Нас четверо братьев воюет, мы знаем, за что воюем, но я не в силах больше смотреть на мать — все карты раскладывает, вернусь я с фронта или нет... Надь, а я ведь не вернусь».

— Ну что ты, Гриша, зачем так? Не думай о плохом.

— Думается,— оживился,— слушай, Надь, давай о теперешнем. Надь, ты не сердись, я, пожалуй, пойду... Мать, наверное, опять сидит над картами. Есть совсем перестала. Прощай, Надь, ужою. Домой.

Ровно через месяц на него пришла похоронка. Он был младшим из сыновей. В ту осень почему-то долго не опадала листва с деревьев. Потом начался бурный листопад. Желтый листопад. И только листья сирени падали зелеными. Умирали зелеными.

...Молодость есть молодость. Да и завод, отнимавший основную часть времени, вытеснял все остальное, казавшееся в нашей тыловой жизни мелочью. Мы гордились тем, что наш завод, его продукция нужны и тылу, и фронту, что мы, окончившие техникум, пусть получаем и небольшую зарплату, зато — рабочую карточку на хлеб. Производственники! Но как нелегко пережить две декады, когда эти карточки были потеряны!

Одна из эвакуированных, в прошлом актриса, обладала не только юмором, что весьма важно в любых случаях жизни, но и рассеянностью. И тут уж было не до юмора... Так как в силу возраста Мария Михайловна уже не работала, то все пять хлебных карточек отоваривала она. Мы ей были весьма благодарны. До того злополучного случая. Трамвай в войну ходили не густо, о троллейбусах, автобусах и не помышляли. И вот наша Мария Михайловна однажды, прижав черную кожаную сумочку к груди, пошла в очередной рейс за отовариванием. Надо сказать, чувствовала себя она не очень — астма, к тому же крепкий мороз. Решила ехать трамваем. А его все нет и нет. Скамеек присесть поблизости тоже нет. А вот невысокий штатетник, огораживающий газон... Сидеть, правда, на нем не очень, но если подложить под себя плоскую сумочку, то даже очень удобно. Так и сделала. Сидела, думала о Москве, о возвращении в свою комнату, где добрую половину занимал роляж... Вот и трамвай подошел, поднялась наша актриса, мелкими шажками — к нему, а о сумочке на штатетнике вспомнила лишь в трамвае.

Рая сердито выговаривала Марии Михайловне, ее сестра, бухгалтер облпрокуратуры, тихонько всхлипывала, я отчужденно молчала, иногда с упреком поглядывая на виновницу предстоящего двухдекадного существования. Каким же оно будет? Первой нарушила молчание Мария Михайловна. Она пошла в атаку и, пожалуй, правильно сделала.

— Люди на фронте головы складывают, а вы из-за каких-то карточек расхныкались?.. Панечка, у нас есть овсянка?

— Да, но ведь всего лишь со стакан, Мусенька...

— А у тебя, Надюша, что?

— С полведра картошки.

— Ну, а тебе, Раечка, на работе какое-нибудь ДП дадут на ребенка — я с повинной пойду, выпрошу... А днем Галочка в ясельках. И еще, есть смысл объединить усилия, то есть наши продукты: будем ежедневно суп-скороварку готовить. К вечеру.

— У меня где-то лавровый лист есть.

— Браво, Раечка! А у нас с сестрой шток пять луковиц. Кроме того, все работающие раз в сутки пообедают у себя... Ну, а я, несчастная растеряха, не имею права на обед — только завтрак и ужин.

И тут уже мы все втроем стали убеждать Марию Михайловну, что не оставим ее в беде, что-нибудь уре-

жем из столовского питания. Будем брать с собой баночки и отделять попеременно кто супа, кто — каши. И в самом деле, мы не на фронте, не в блокадном Ленинграде — нечего хныкать. И вообще, при любых обстоятельствах человек должен оставаться человеком.

Позднее я часто вспоминала этот эпизод. «При любых обстоятельствах человек должен оставаться человеком». А ведь не всякий оставался! Столкнулась с мелочными людьми, карьеристами, делегами. Многие из них блаженствовали, богатели, удобно устраивались в жизни. Завидовала ли им? Никогда. Жалела. Как правило, это пустоцветы. С ними было неинтересно, уныло — убежала от них.

КАПИТАН. Война и любовь. Какие несоместимые понятия! Почему мы полюбили друг друга именно в ту весну сорок первого года? Ему — восемнадцать, мне — семнадцать. Он голубоглазый, с застенчивой улыбкой. Учился хорошо, жил в большой дружной семье. Мать изворачивалась, чтобы каждого одеть, накормить. Он был всегда аккуратен, русые волосы его лежали мягкой волной над высоким чистым лбом. Мы никогда не говорили о любви, но знали — она началась давно по быстрым взглядам украдкой, по его желанию помочь мне по математике, моим предложением прочесть ту же книжку, что и я, а потом поговорить о ней. Родители тихоньку от нас мечтали в будущем о нашей свадьбе. И вот — второй месяц войны. Помню круглую, наголо остриженную мальчишескую голову, глаза от этого почему-то показались особенно большими, тревожными. Но он храбрился, сказал с нарочитым спокойствием:

— Все. Забрали. Завтра с вещичками в военкомат.

Отвечала последняя рябина. Мы стояли в проулке. Трое. Подруга не догадалась оставить нас, чтобы мы попрощались наедине. А я постеснялась попросить ее об этом. Он торопился. До военкомата ему шагать в район двадцать километров.

— Ну, девчата, прощайте.

— Увидимся ли?..

— Надо постараться,— протянул мне руку и на мгновение задержал ее. Я ничего не могла сказать — не могла, и все. До сих пор казно себя за это глупейшее молчание — не проводила, не сказала ему ожидаемых слов.

А он все смотрел на меня и застенчиво улыбался. Так же застенчиво и удивленно он улыбается и сейчас, выходя из леса на лыжах, ведя за собой свой взвод. На единственной фотографии с фронта.

В двадцать один год ему присвоили звание капитана. Через неделю он погиб. Его друг мне написал:

«Наш капитан погиб от разрывной пули. Посылаю Вам Вашу фотографию — он носил ее в кармане гимнастерки. Спасибо, что Вы писали ему так часто».

Это был февраль 1943 года.

Мне тогда стало все безразлично. Но надо было жить, каждое утро идти на завод. И казалось нескромным показывать свое первое большое горе вдовам, которые остались с сиротами.

Молодость бывает порой и недоброй, и жестокой. Жестокой — часто ненамеренно. Казалось, именно так и надо. Мужество вроде проявляем. Стойкость.

Простить себе не могу...

Зима сорок третьего, как и все военные зимы, стояла на редкость холодной. Холод в сердце — мой друг погиб. Последнее мое письмо вернулось, нет сил держать его в руках. Сожгла. В квартире промерз угол — иней на обоях.

Мама наняла где-то лошадь, и нам с Раей привезла дрова, шагая за подводой двадцать пять километров. Вошла в нашу холодную квартиру и расплакалась:

— Ой, руки ломит...

Я была одна, принесла холодной воды, предложила

опустить руки в тазик. А мама и от усталости, и от лопоты рук плакала. И вместо того чтобы взять ее руки в свои, согреть, погладить, я сурово брякнула:

— Надо терпеть. Война!

Она так обиделась на меня, так обиделась. А я до сих пор не могу простить себе этой резкости. Грубость корбит душу. Никогда не надо бояться теплоты и сердечности к близким людям. Не стесняться доброты! Она никогда не бывает лишней.

Мама тогда мало-помалу успокоилась, но обида на меня не проходила, хотя я уже всячески крутилась около нее, подливая в чашку чай, предлагая сахарин.

— Ну, как там... В Сарапулке? Есть еще похоронки?

— Как им не быть... Дяди Алеши не стало.

— Да, пятеро осталось.

— У Крутиковых все четверо погибли... Один Ганя, ну, знаете, умом слабенький, вот он с ними теперь и остался...

— Бедные старик... Мам, а из нашего класса?

Она задумалась, вздохнула:

— Саха Аброшиков погиб. Под Сталинградом.

АЛЕКСАНДР АБРОШИКОВ. Он совсем не улыбался. Его рано овдовевшая мать вытягивалась изо всех сил, чтобы дети, пусть и в залатанные рубашонки одеты, были всегда чистые. И валенки, пусть подшитые, но были.

Деревянная школа, срубленная крепко еще нашими дедами, отапливалась железными круглыми голландками. Топки выходили в коридор, а главный обогрев шел в классы от широких боков печки — зимой они были всегда теплыми, а в морозы — жаркими, и мы только издали грели об них руки. Сторожиха, она же и истопница, тетя Оля любила нас, и мы чувствовали ее тепло не только от печки, но и от ее добродушного, спокойного характера.

Когда мы фотографировались еще в четвертом классе на фоне родной школы — тетя Оля была рядом с нами, за спиной нашей учительницы Александры Владимировны.

Однажды Саха, видимо, болел и каждую перемену жался к печке. Он был бледен, худощав и беговля ребят его не интересовала. А я думала: «Вот если бы поверх ситцевой, много раз стиранной рубахи была на нем фуфайка или просто теплая безрукавка, наверное, он бы сразу выздоровел».

Он так и не оформился в юношу, уйдя на фронт незаметным мальчиком-подростком.

И, наверное, так же незаметно, без стопа, без зова о помощи, погиб из далеких волжских берегах...

Завод объединяет, давно известно. В войну — особенно. Единая цель, заботы и тревоги, радости и печали общие, привычка к характерам друг друга, беспокойство за тех, кто рядом, товарищество — все роднит. И сама вроде становишься посылнее в жизни. И хоть я мечтала тайне о перемене своей заводской специальности на другую, а робела: смогу ли без завода, без доброго и взыскательного старшего аналитика? Моя наставница удивительно могла угадывать мысли на расстоянии:

— Фильтрование — процесс не механический. Должна присутствовать при сем и мысль, и душа. А ваша душа, Наденька, витает в заоблачных даях. Между тем у вас в одной из воронок фильтр, извините, сикось-накось вложен, и фильтрат идет мутным. Думаете о прочитанных стихах?

— Все-то вы знаете, — вздыхаю я и поспешно беру новый фильтр, ощущая пальцами его плотность. Просто тот день у меня явно был неудачен: напугала еще в расчетах.

— Интересно, что вам помешало — удельный вес одного металла перепутать с другим?

— Торопливость...

— А если точнее?

— Халатность.

— Благодарю за откровенность. Самокритично! Возьмите новую пробу... самокритично. Останетесь после работы исправлять свою ошибку. Помните: завод есть завод, работа одной операции зависит от другой. Мы с вами разрабатываем новую методику для извлечения очень важных металлов из растворов. Каких металлов, вы знаете.

Плохо, что ли, вытяжная вентиляция работает — жара, душно и ничего не поделаешь: Верх-Исетский пруд вечером «не состоится». Слышится голос комсорга, перекрывающий шум соседнего цеха:

— Завтра воскресник — выезжаем на заготовку дров для семей фронтовиков. Надеюсь, комсомольцы не подведут!

Едем. Мелькает родной уральский пейзаж. Цветет разнотравье, особенно хороши малиновые головки клевера в сочетании с белыми желтоглазыми ромашками, в болотинках у самого полотна железной дороги — высокие острые камыши с длинными черными головками — в детстве мы их называли «чернопалками». Молодые гибкие березки, как мне кажется, грустно кивают вслед уходящему поезду. И словно поезд, пролетает наша быстрокрылая юность военной поры. Юность, мало выдавшая радостей. А все-таки крупницы радости бывали и тогда.

Вот сейчас, например, мы едем заготовлять дрова летом. Летом! В такой чудесный июньский день! Не то что прошедшей зимой, когда из-под снега приходилось с трудом обнаруживать сучковатые обледенелые хлысты, распиливать их на метровки. Теперь же одно удовольствие работать в лесу!

Более слабые из нас отрубали сучья, распиливали на кругляши. Сильные должны были эти кругляши — метровок — колоть на плахи. Никто не ожидал, что я окажусь в числе сильных — дочь лесоруба и плотника никак! Заведующий центральной лабораторией, кандидат технических наук Павел Ильич Дерягин, крепыщ средних лет, становился по одну сторону кругляша, я — по другую. Удар топором в один конец, точный удар на глаз по прямой в другой конец и снова — попеременно. Удар за ударом тяжелым колуном — и смолистый, раздраемый надвое криж уже белеет волокнистой твердью, и чьи-то руки убирают плахи, тащат их в поленницу между двумя крепко вбитыми кольями. А перед нами уже новый кругляш, и снова первый разящий удар наносит мой начальник. Я не хочу уступать ему.

— Молодец, Надежда! — слышу одобрительный голос Марии Степановны. — Кто бы мог подумать — такая тоноусенькая...

А я думаю о том, что эти дрова привезут в семьи фронтовиков, обогреют оспротевших детей, и приказываю себе: не уставать, ты не имеешь права уставать.

И тогда я поняла, что самоприказ сильнее любого приказа.

Когда начались длинные летние сумерки, мы разложили костры. Измученные, почти не обменивались друг с другом словами, дожидались, пока сварится в котелке картошка. Что-то уж очень долго она варилась. И тогда я поднялась и тихо пошла к ближайшей просеке, внимательно глядясь себе под ноги. «Найду или не найду? Если найду, то война скоро кончится, ну хотя бы в этом году... И вернется домой отец. Я отработаю как раз полуженные годы после техникума и поступлю в университет, и...» — по здесь я даже мысленно не могла произнести заветную тайну. Я так мечтала стать журналистом!

Под росой склонился высокий иван-чай, пахло душицей — она ласкала ароматом детства, татарник грустно поник тяжелыми головками. Заветного цветка не было.

Бесполезно искать его. Он не растет в здешних лесах. Я повернула к костру, который в огромном лесистом море маячил маленьким алым парусом. Я пошла навстречу ему, ускоряя шаги.

И надо же — не дойдя каких-то метров трех до костра, увидела слабо белеющий хрупкий цветок!

— Нашла! Увидела...

— Что?

— Кого ты увидела? — встревоженно отозвались от костра.

— Ги-а-цинт! Есть такой цветок. Не рвите. Наклонитесь над ним — слышите его аромат? Только не растопчите — он такой хрупкий!

И в тот миг в одно мгновение я поняла: красоту надо оберегать, ей нужна защита. Я еще ниже наклонилась над цветком, прикрывая его растопыренными руками...

Война в тот год не кончилась.

Мой отец не вернулся домой.

Гиацинт предсказал только одно — я стала со временем журналистом.

...Если бы они были живы, наши дорогие мальчишки!

Они живы. В нас. Наверное, они были бы лучше нас. Смелее, чистосердечнее, добрее. Но зачем же и нам, их сверстникам, принижать себя? Наша юность, повенчанная с войной, ни в чем не была легкой и в тылу. Мы не узнали множества радостей, которые присущи молодости, и нашли немало горестей. Помогли и помогают те, кто погиб. Это получается постоянно и совершенно невольно. Чтобы принять какое-либо серьезное решение, я спрашиваю, а как бы поступили они в этом случае. За ошибки же (а их немало было!) порой так стыдно перед ними. Я часто думаю: если б они были живы... Мы бы собирались иногда вместе, рассказывали, как живем, и спрашивали бы друг с друга по большому счету. И это было бы нашим чистилищем. А еще... Еще они научили бы нас ценить и любить жизнь больше. Испытав близость смерти и оставшись живыми, они бы радовались каждому дню жизни.

Наверняка они были бы сильнее нас и решительнее. Ведь писал же поэт-фронтовик Григорий Поженян:

Тех, кто погибли,
Считаю храбрее.

ЗЕЛЕНЬ ТОПОЛЬ СРЕДИ СНЕГОВ. Был ноябрь 1976 года. На этот раз дольше обычного я задержалась у серого обелиска. Последний рейс автобуса — в десятом часу. Мало кто приехал в такой поздний час, а кто приехал, разошлись по домам. Я тоже должна спешить, очень спешить должна. Моя старенькая мама болеет все лето. Когда я подхожу к родному трехкопному домику, издали со страхом смотрю на него: вдруг там не сверкнет заветный огонек? Я пойду, сейчас пойду — только еще и еще дотронусь до серых шершавых граней обелиска: «Дорогие наши мальчишки!»

Огонек светился. Я ускорила шаги, нетерпеливо открыла калитку, которая теперь никогда не закрывалась на засов: «Никто меня не утащит».

— Это ты, дочь? — послышался слабый мамин голос с узкой кровати у окна.

— Я, мама. Как ты?

Она слабо улыбнулась.

— Поживу еще.

Я села около нее, погладила прохладную, в жилках и бугорках руку:

— Тебе лучше, правда, лучше?

— Как тебе сказать... Поживу еще.

— Вот и славно. Сейчас мы с тобой будем пить чай, я кое-что привезла.

— Да я уж поела, а для себя поставь чайник. Плит-

ка нынче хорошо нагревается. Включила? А теперь сядь... Давно тебя хотела спросить, тополек от большого тополя-то, что весной мы с ребятишками отсадили, растет?

— Да, мама. Метра уже три в высоту, а то и больше.

— Вот и хорошо. Тополь-то этот особый. Листья-то у него, заметила, не как у всех: тяжелей и зеленей. А после дождя уж как пахнет-то, в груди простор такой делается.

Я знала, маленький тополек, взятый от огромного тополя, перенес массу несчастий. Его листья пытались объедать козы, но он сразу вытянулся и до его листвы уже не добраться самой рослой козе. А одной сварливой бабенке показалось, что будто тополь в проулке возу с сеном или с дровами помешает, и она, рассказывала, идет, оглянется и украдкой подтянет тополек вверх и отпустит, подтянет и отпустит, чтобы корнями в землю не цеплялся. А он все-таки зацепился и растет, украшая пустошь в проулке. И маме на радость. Она так хотела помочь украсить улицу родного поселка!

— Растет твой тополек, растет. А уж о старом тополе и говорить нечего.

— Снег выпал. Лист облетел... И с него, наверное, осыпался?

— Да нет, мама...

— Ты торопилась, да и темно уж было, не заметила. Завтра посмотри.

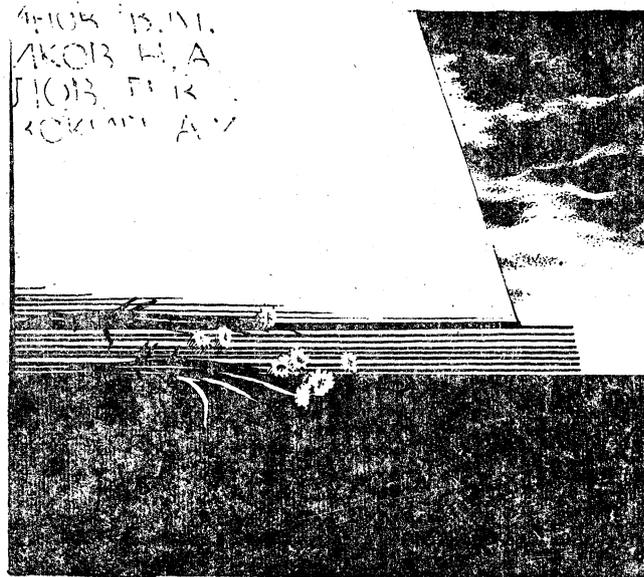
Утром, чуть рассвело, — я на улице. Ночью еще прошел снежок — белым-бело кругом. Дома поселка словно наряднее стали. С черемухи под окном сорвался последний лист и полыхал на снегу. Я взглянула в даль улицы. Высокой зеленой горой возвышался старый тополь, а напротив него, в проулке, кланялся ему его подросток редкой, но тоже еще зеленой кроной.

Я, радостная, поспешила в дом.

— Мама! Старый тополь зеленым-зеленый стоит!

Мама тихо улыбнулась:

— Характером держится.

Сувениры «ОРНАМЕНТА»

Виктория
ДЕМИДОВА

Рисунок С. Мальшева

Как часто деятельность иного детского коллектива — художественной самодеятельности, технического кружка — напоминает увлечение модным шлагером... Сегодня — азарт, всеобщее восхищение, а завтра все уже кончилось... Отзвучали восторги, еще вчера такой живой интерес обернулся лишь жирной галочкой в очередном отчете. Правда, руководителю по инерции еще платятся деньги, но уже хорошо видно, что вместо работы безмятежно поскрипывает показуха...

Энтузиазм пропал? Формализм заел, или о трудности «разбились»? И так, и так бывает.

В нашем кружке вязания и вышивки южно-сахалинского Дворца пионеров было все, как обычно. И энтузиазм временами спадал, и трудности одолевали. Хотя мы не авиамоделисты, не следопыты, не оркестр... Мудрено ли вязать крючком, вышивать гладью? И кружок простенький, и инструменты у нас нехитрые.

Но и в нем можно работать с увлечением. Конечно, если понимать вязание и вышивку как обычное ремесло — скучновато будет. А если пробудить интерес к изучению народных промыслов, желание связать вещь не только для себя, а сделать подарок ветерану, малышу из детского дома, часть изделий дать на «Ярмарку солидарности» — это уже и солидно, и надежно, и нескучно.

Наш кружок существует уже четвертый год. В свое время был решен самый важный вопрос — где взять материалы? Выход нашли вот какой. Отходов в швейной, обувной, трикотажной промышленности — масса, причем большей частью обрезки и концы ниток, ку-

ски кожи, лоскутки тканей просто уничтожаются за ненадобностью. А мы решили, что из них можно делать великолепные сувениры...

Обратились за помощью на Южно-Сахалинскую и Корсаковскую фабрики индивидуального пошива и ремонта одежды, в мастерскую реставрации обуви объединения «Облобувьбыт». Нам охотно и безвозмездно дали отходы, которым сами предприятия не находили применения. Заодно коллектив кружка художественного вязания и вышивки согласился по договору выполнять заказы службы быта на изготовление изделий ручной вязки, аппликаций, сувениров.

Отходы перестали быть отходами и превратились в первоклассное сырье. Детская фантазия и выдумка начали создавать кофточки и жилеты, узорные пояса и тапочки, аппликации и салфетки, и многое другое.

Изделия реализовались через киоски Домов быта. На зарплату коллектив устраивал праздники, на которые дети приходили вместе с родителями, организовывал экскурсии, коллективные походы в театр и кино. Наш кружок принял участие в трех «Ярмарках солидарности». Всю сумму от распродажи — в последний раз 81 рубль 72 копейки — вязальщицы отнесли в банк, на счет Советского Фонда мира.

Маленький детский коллектив вполне можно назвать государственным предприятием, приносящим реальный доход. И все же главное здесь — не экономическая сторона...

Однажды на занятии третьеклассница Лена, самая маленькая и самая застенчивая, запела... Яркий, как радуга, узор на жилетке, связанной из афганских квадратов, ко-

торый получился у нее, был настолько красив, что вызвал, вышлепнул на урок песню...

Оля Севостьянова учится в восьмом классе южно-сахалинской школы № 4. В кружке уже два года, за это время научила своему делу двенадцать подружек.

— Мне нравится создавать красивые, изящные вещи «из ничего», — говорит она. — Из нескольких кусочков натуральной кожи, обрывков цветных ниток получается, например, косметичка и миниатюрный кошелек... За два года было продано моих изделий более чем на 100 рублей.

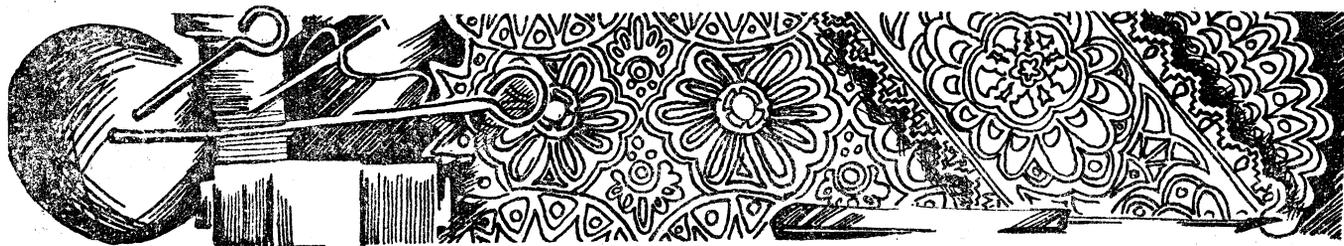
Ира Брагина, семиклассница из десятой школы, занимается сразу в нескольких кружках — фотографии, балльных танцев и в нашем «Орнаменте». В прошлом учебном году она села на продажу различных вещей на 71 рубль — это самый высокий результат в кружке.

А вот мнение работницы областной типографии Мицико Пак, мамы одной из наших девочек:

— Я не узнаю свою Юлю, у нее никогда не было усадки!.. А тут вдруг распустила всю юбку, которую готовила на зачет — что-то у нее там не получилось — и полностью перевязала: «Не хочу, говорит, сдавать бракованное изделие!»

У работницы обувной мастерской Раисы Яковлевны Метревели дочка тоже ходит в «Орнамент»:

— Раньше я как-то не задумывалась над тем, что кусочки натуральной кожи, которые остаются в нашей мастерской в виде отходов, могут еще пригодиться, уж очень они малы... А дочка берет такой лоскуток, отделает трикотажной вязкой — и, пожалуйста, кошелек!..

Кружок «Орнамент» стал школьным хозрасчетным производственным объединением. Девочки, когда приходят, пишут заявление с просьбой «принять на работу». На каждую ученицу заводится лицевой счет, в котором учитывается выполнение учебной программы по зачетной системе, вклад в пополнение Фонда мира, отработка обязательных 48 часов на обучении начинающих: за три года обучено шестьдесят человек. Когда листаешь эти лицевые счета, по сути первые трудовые книжки — сразу становится понятно, что здесь не в бирюльки играют, а работают, как взрослые, самостоятельные люди. Есть у нас и планы, и обязательства, выполнение которых неукоснительно. Конечно, дети есть дети, не у всех и не всегда все получается сразу и гладко. Однако отношение к их творчеству неизменно самое бережное.

Кружку вязания не нужны станки и специально оборудованные помещения. Крючок, игла, обрезки, комната — вот и все, что необходимо. Но опыт «Орнамент» заслуживает внимания. Трудовое и нравственное воспитание здесь — ежедневная реальность. Все здесь важно: и поездка в поселок Ноглики для постижения искусства национальной нивхской вышивки; и визит с подарками в Дом малютки; и работа над новыми образцами сувениров; и обучение будущих кадров для комбинатов бытового обслуживания.

Пришло время и узаконить опыт. Можно, наверно, организовать фирменный магазин детского прикладного творчества, где изделия школьников принимались бы и реализовывались на комиссионных началах... Пример детской железной дороги в южно-сахалинском парке культуры и отдыха показывает, что организация настоящего ребячьего предприятия — вполне реальное дело.

И уж коли этот эксперимент оправдывается — значит, нужно его продолжать.

Южно-Сахалинск

«КАКИМИ БЫ МЫ БЫЛИ УМНЫМИ И ДОБРЫМИ ЛЮДЬМИ...»

Разговор о пользе чтения, о необходимости чтения шел в диалог-клубе «Подросток» на страницах № 4 нашего журнала за этот год. Читательские письма и отклики, поступившие в редакцию, подтверждают важность темы, поднятой на страницах «Уральского следопыта».

КНИГИ — ЭТО ХЛЕБ, ВОЗДУХ...

Мне 35 лет. С семнадцати работаю на Верхне-Сергинском доломном заводе. Двадцать лет являюсь постоянной читательницей нашей поселковой библиотеки. Доходило до того, что переселяли библиотеку — переезжала и я. Так что искренне и с полным правом поддерживаю призы: «Ни дня — без странички!».

Забот очень много: семья, свой дом, хозяйство. Все я делаю сама. Соседи удивляются: «Лилия, как ты успеваешь содержать дом и хозяйство в чистоте и порядке, и еще — постоянно с книжкой?» А для меня книги — это хлеб, воздух... Хотя в доме у нас книг мало. Мы покупаем хорошие книги, прочитываем всей семьей и сдаем в библиотеку. У меня два сына — восьмиклассник и пятиклассник, оба учатся на отлично. Читать я их научила с пяти лет, с шестилетнего возраста записала в библиотеку.

«Читающие люди всегда интересны» — я вижу это по своим сыновьям: с ними и взрослым интересно разговаривать. Не к каждому человеку даже с жизненным опытом приходит мудрость. Но книги могут научить ей каждого. Спасибо вам за очень нужную публикацию.

Л. Г. Кобякова,
Свердловская область г. Верхние Серги

КАЖДОМУ — ПО СВОЕМУ ВКУСУ

Разговор о литературе на страницах вашего журнала считаю искусственным. Давайте открыто и по-честному посмотрим.

Стало, и уже давно, традицией при описании подростка, совершившего преступление, ссылаться на его любовь к детективной литературе... Природа не терпит пустоты, вот отсюда и начнем. Телевидение, журналы, киноэкран, «кинопанорамы» расскажут и опишут в краткой, а зачастую и в развернутой форме всю суть того или иного классического произведения. И подросток прекрасно знает это. А хороший детектив разве так доступен? Разве можно достать его свободно? Ведь это значит — иметь дело с книжным спекулянтом, «жучком», как их называют...

Если и попадет детектив на экран — получается стандарт, и только: мудрый полковник, обязательно бросающий курить и страдающий от этого, новичок или знаток-следователь, перед операцией по задержанию обязательно жалеющий о пропавшем билете в кино, театр... Взрослых эти ходячие модули не устраивают, а что говорить о подростке? Он прочитал заметку в «Комсомолец»: «...при задержании опасного преступника... награждать... посмертно...» — вот и ищет парнишка о нем, о герое. Может, сам милиционером или следователем станет...

Что касается классики, мы делаем читателей сами. Классика — наше достояние, мы должны ее знать, любить, но для этого надо работать. Забыты такие формы, как постоянные читательские конференции, отзывы о прочитанной книге, многое-многое другое. Да простят меня учителя, но в большинстве школ к классике внушается, мягко говоря, отращивание; по себе знаю, хотя и школу окончила с медалью, а осознанно прочел и полюбил книги уже после школы. Да простят меня библиотекари, но книги нынче сами «не приходят» — их нужно добывать, ведь у вас, на Урале, кругом промышленные гиганты, шифры...

Так что не надо разделять детективы и классику. Если бы в поликлинику вас записали только после осмотра врача — понравилось бы?! Маленький Володя Ульянов любил книги о путешествиях и приключениях... Как мы можем знать, чем обернется детское и юношеское увлечение? Должно быть все: и «Инспектор Лосев», и «Дон Кихот» — каждому по своему вкусу.

Е. И. Пуканов, врач,
председатель первичной организации
общества книголюбов, г. Рига

ЧТО МОЖЕТ ПОМОЧЬ ДУШЕ?

...Литература — это жизнь, и не та жизнь, которая отведена каждому из нас и составляет лишь промежуток времени и тесный квадрат места, в котором человек вынужден находиться. Заметьте: физически находиться. Душа же, свободная, вольная гулять по всем просторам прошлого, настоящего и будущего.

Что может помочь душе в ее мировых скитаниях? Только литература. Она на ноги поставит и путь укажет, и только с ее помощью можно понять смысл сущего. Пусть утверждают, что те, кто писали книги, сами жили в определенном месте и в определенное время, ели мясо и кашу, покупали шляпы и платье, совершали массу ошибок... Они, в свою очередь, жили книгами, написанными до них, перенимали опыт жизни и шли дальше, открывая человеку все новые истины.

Валерий Климов,
г. Челябинск

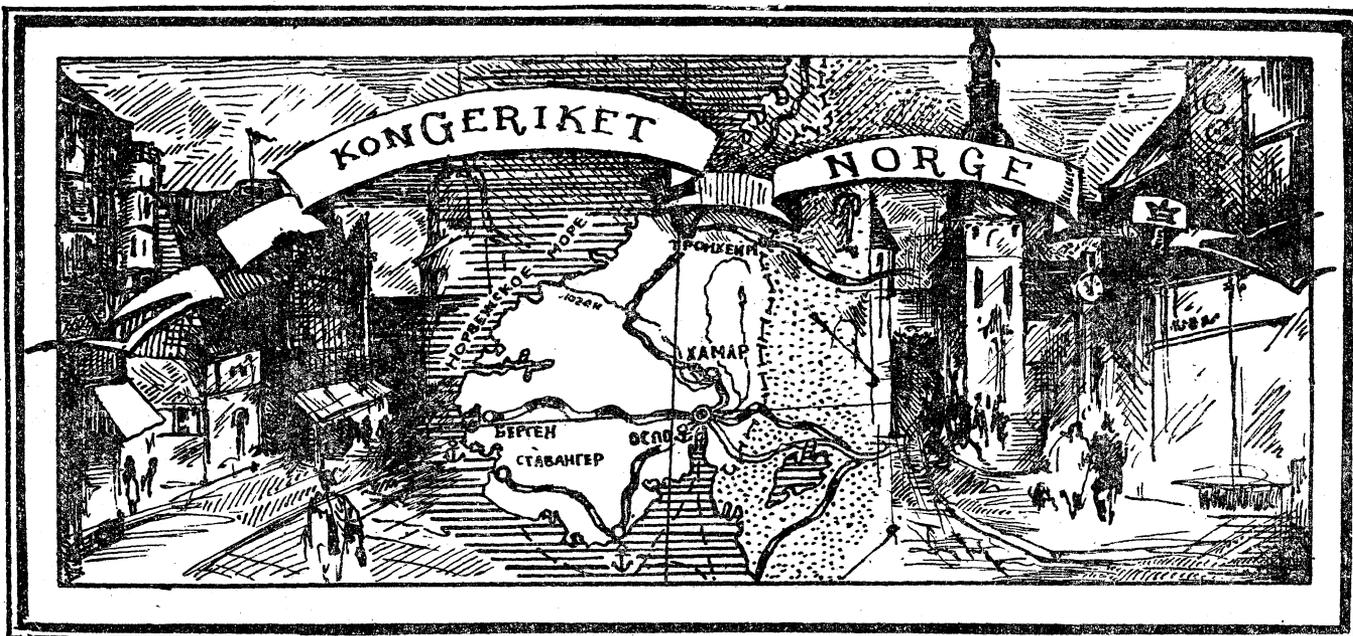
СЕВЕРНЫЙ ЗАПАД

Путешествие
в три королевства

Николай НИКОНОВ

Рисунки Н. Кинева

НОРВЕГИЯ — СЕВЕРНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Огромный «Боинг», как летающий ящер-птеродактиль, опустился на аэродром в Осло, за полчаса, кажется, перенес нас в новое королевство. Здесь все было новое, начиная с флага на флагштоке. Датский белый крест сменился норвежским, синим. У всех скандинавов флаги, осененные крестом, но разного цвета и на разном фоне.

Продолжение. Начало в № 10.

Дания с прилета пахнет стариной, старыми замками, тихими прудами, уютными городками, сказками, черепичными крышами, где бродит по ночам волшебник Оле Лукойе. Дания пахнет гусиным пером, утренним кофе в толстых чашках, рыжим волосом горбоносых женщин и традициями неторопливой жизни.

Норвегия — это воздух и свет. Слово бы какой-то северный и снежный свет (пусть дело было в июле), но освежающий и широкий, когда хочется радостно вдохнуть всей грудью, выдохнуть, зажмуриться и засмеяться. Да, Норвегия — северная страна. Это понимаешь сразу. Здесь все резче, холоднее, свежее и просторнее прямо с выхода на трап самолета и до въезда в предместья ее столицы. И еще: здесь пахнет близостью России, шумят сосны, растут березы, на голубом камне Скандинавии стоят деревянные дома, которых мы давно не видели, кочуя по Северному Западу.

Норд. Норвегия. Норманны. Норвежские лыжи, свитеры, шапочки, коньки. Фритъф Нансен. Северный полюс. Амундсен. Арктика и Антарктида. Роальд Амундсен, кото-

рого еще в моем детстве все считали ну абсолютно своим, нашим, как бы русским героем. В моем городе есть привычная всем улица Амундсена и все жители ее, по-моему, никогда не задумываются, норвежец он или русский. Просто наш, родной, Амундсен. Так же, как Тур Хейердал, как Бенгт Даниэльссон. Да разве других великих норвежцев не знают у нас? Ибсен. Григ. Вигеланд... Надо ли продолжать?

Я много читал и слышал о норвежском мужестве, норвежской доброте, норвежской выдержке, норвежской простоте, норвежском немногословии, хотя последнее более приписывают финнам, эстонцам, литовцам, латышам и русским поморам. Бродят по берегу Балтики и Беломорья ходячие анекдоты, каждый народ считает их своими. Ну, например, два брата рыбаки-норвежцы решили взять к себе в лодку рулевого. «Хансен — хороший рулевой», — сказал младший брат. Старший кивнул. Пошли к Хансену, спросили: «Пойдешь рулевым?» «Хорошо», — согласился Хансен. Задумались. «Говорлив?» — сказал младший брат. Старший кивнул.

Не хотелось бы мне уподобляться тому рулевому, но ведь о Норвегии и ее столице все равно не скажешь в двух словах, пока автобус мчит нас по лесной и словно бы гористой, как будто уральской дороге.

Гид по Осло — женщина, прилично говорящая по-русски, с некоторым даже русским областным акцентом, так говорят на Псковщине.

Нет, это не фрау Грета с ее самодержавным величием — ничего похожего. Невысокая скромная женщина лет сорока пяти, никакой амбиции, сплошная добросовестность. Зовут гида Фанни. Хотя нам с женой все время казалось, что у Фанни гораздо более русское и простое имя, вроде Маша, Катерина. Прошу прощения, если ошибся. Фанни не подчеркивала и своей норвежской принадлежности, не в пример гидессе из Копенгагена.

На прощанье мадам Грета, узнав, что мы летим в Осло, заявила, как всегда, без апелляции:

— В Осло? Зачем? Что там хорошего? Это — деревня. Мы, да т ч а не, туда не ездим.

Фанни везла нас точно по путеводителю, который вручила каждому вместе с проспектом по Осло и картой города. Женщина эта со своим робким взглядом, заученной речью казалась донельзя боящейся потерять работу и поэтому старалась изо всех сил выглядеть умной и знающей. Но эффект — возьмем негодное слово в прозе — получался иногда обратный, такой, как, скажем, у самоварных дел мастера, берущегося объяснять устройство атомного реактора или у школьного завхоза, которого на время зачислили доцентом. Все объяснения и пояснения Фанни были на каком-то промежуточном уровне между текстом путеводителя и собственным пониманием вопроса. Словом, для туриста, едущего просто поглазеть, побездельничать, отдохнуть в путешествии, сказанного гидом было вполне достаточно. Для обширного и, главное, эстетического восприятия, к которому стремился, возможностей гида не хватало, и опять я благодарил судьбу и себя за усердие, с которым перед поездкой много читал о Норвегии. Старался заочно представить ее облик и облик Осло, о котором просмотрел все, что мог

найти, вплоть до подшивок «Вокруг света». Должен заметить — изучение страны до поездки в нее очень полезно во всех смыслах: обогащаешься знаниями, материалом для ассоциаций, знаешь, что в первую очередь стоит посмотреть, и обретаешь лишнюю радость от встреч с этим желанным, убеждаешься, что действительность часто прозаичнее мечты (изредка наоборот!), и, наконец, ясно понимаешь, что ничего-то ты, в сущности, не знал, так — крохи, и вот, если удастся поехать вновь, тогда, конечно, увидишь-поймешь в три раза больше.

Как было объявлено в программе, госпожа Фанни сначала повезла нас на лыжный трамплин на окраине Осло. Я и до сих пор не могу понять — зачем. Если б еще зимой? Наверное, программа и составлена была для зимних впечатлений. Трамплин был как трамплин. Ярко окрашенный, высокий, летом, естественно, не работал. Был очень схож с трамплином в окрестностях Свердловска и в такой же гористой местности. Скалы, под ними котлован. Два оранжевых экскаватора, должно быть, грузят камень.

— Это трамплин. Здесь сделано много рекордов. Мировых. Сейчас он закрыт, — объяснила фрау Фанни.

А я почему-то вспомнил Тургенева. Рассказ «Хорь и Калиныч». «А вот это моя контора, — сказал мне вдруг господин Полутыкин, указывая на небольшой низенький домик. — Хотите зайти». — «Извольте». — «Она теперь упряднена, — заметил он, слезая (с телеги), — а все посмотреть стоит». Контора состояла из двух пустых комнат. Единственное благо от поездки на трамплин было в том, что автобус поднялся еще выше по горному склону, и мы постояли высоко на скользком обрыве, ну, точь-в-точь таком же, как под Свердловском, заросшем невысоким, коряво-корзучим, ярко-зеленым сосняком, и смотрели на панораму Осло, цветную, наверное, благодаря морскому заливу Осло-фиорду и нежно-голубому небу, лишь чуть приглушенную летней дымкой и пронизанную как бы лучами прохладного прибалтийского солнца. Если камень, серый в голубизну, в древних трещинах и прозелени мхов, был как на Урале, сам Осло не напоминал Свердловск. Был меньше, может быть, покомпактнее, без заводской дали, столь характерной для столицы Урала, и казался, конечно, благодаря морю, более теплым и южным, так оно в сущности и было. Весь Северный Запад греется великой печью Гольфстрима.

Вниз, к Осло, автобус катился, сдерживая скорость. На обочинах шоссе стояли дома, обшитые досками и еще скупее на краски, чем в Дании, тем более в Бельгии. Архитектура жилья напоминала мне снова, что она по характеру и складу творящего ее народа. Она была немногословная, без больших затей и оригинальничанья.

— В Норвегии много снега, — опять, наверное, в точности следуя зимней программе путеводителя поясняла нам Фанни. — Здесь говорят (она не сказала «у нас»), норвежцы рождаются с лыжами на ногах.

— Я слышал, «с коньками»!

— Да, может быть, и с коньками...

— Скажите, пожалуйста, а кто в Норвегии король?

— Король в Норвегии Улаф.

— Вот видишь,— говорит Серафима Кондратьевна мужу,— в Норвегии есть король. В Дании я так и не могла добиться.

С трудом удерживаюсь от хохота.

Серафима Кондратьевна несносна. При выдаче валюты получилось так, что нам пришлось одна лишняя датская крона, а им, супругам, недодали, с условием, что я крону верну, как только разменяю деньги. Уже через час в наш номер раздался осторожный стук. Пришел муж Серафимы Кондратьевны выяснить, не отдам ли я долг. На лице его был испуг и та вечная боязнь, которая владеет кредиторами, но была и непреклонность, которую ничем не убедить. Очевидно, посоветовавшись, супруги решили: крону они не получают, а это ведь целых десять копеек, притом ВАЛЮТОЙ! Что мне было делать? Я помчался к портю (все это было в первый день нашего пребывания в Дании). И добрый господин, на мою сбивчивую просьбу разменять десять крон, тотчас с улыбкой выдал мне десяток никелевых монеток, одну из которых я вручил мужу Серафимы Кондратьевны, спустившемуся за мной и стоявшему на страже за моей спиной. Я вручил ему драгоценную крону, которую он принял с благостной улыбкой голубя, наконец-то нашедшего потерянное зерно, и отправился к супруге; я уверен, от нее получил он приказ вытрясти из меня крону любой ценой. И он с честью исполнил этот приказ.

Мы ехали к Осло, получив от гида такую информацию: Норвегия — страна фиордов. Осло — столица. Волга впадает в Каспийское море...

Поневоле пришлось быть гидом для своей жены, тихонько, вполголоса, чтоб не обидеть Фанни, чтоб не лезть в глаза группе. Еще чего подумают. Москвичи — народ насмешливый, уверенный на сто процентов в своем столичном превосходстве — лучшие это скрывают, худшие — подчеркивают (уж не обижайтесь, дорогие), впрочем, все это мелочи, на них не стоит обращать внимания. Еще бабушка в золотом моем детстве, заметив некоторую мою непримиримость, говаривала: «Прощать людям надо, батюшко». — «Зачем, если обижают?» — «А ты не обидься, ты их пойми». Где мне тогда было до бабушкиной мудрости, и сейчас, видно, до нее не возвысился.

Итак, я рискую включить в главу о Норвегии и Осло, главным образом, скупые строки программы.

ГЛАВА IV

Посещение мемориала. Музей Сопротивления. Парк Вигеланда. Ратуша и ее символика. Гостиница «Сити». Вечерние впечатления.

Первым, с кем мы встретились по дороге в Осло, был наш, советский солдат. В каске, в шинели, с автоматом. Он стоял на пьедестале у скромного памятника павшим и расстрелянным фашистами борцам Сопротивления и норвежским партизанам.

«Норвегия благодарит вас!» — было начертано на постаменте.

И мы, выйдя из автобуса, и обрадованные неожиданной встречей, и опечаленные, стояли у монумента, склонив головы, потому что память войны свята и редко кто из нас, людей военного поколения, не пережил ее как самую тяжкую годину. Сорок лет прошло, но война все еще дышит, напоминает гранитными и мраморными монументами, стенами в оспинах пуль, неожиданными взрывами притаившихся мин, дурацким ревом молодых фашиствующих ослов, не ведающих, что такое война, безвестными холмиками отмеченная по всей Европе.

Рассказываю жене, что, неподалеку от этого монумента был концлагерь, здесь гитлеровцы и правительство профашиста Квислинга держали шесть тысяч норвежцев, всех, кто был опасен режиму, кто пытался бороться, шел на неравную схватку со всеми этими полицаями, гестаповцами, доносчиками и предателями родной земли, кто ложью и рабством покупал себе видимость свободы и благоденствия. Сопротивление — это, наверное, лучшее, что есть у каждого народа. Сопротивление фашизму. Шесть тысяч узников концлагеря освободили наши солдаты. Вот такие, как этот, на постаменте.

Из всех Скандинавских стран материкового побережья одна Швеция в годы войны не воевала, не была оккупирована, соблюдала нейтралитет. Но будем правдивы, — нейтралитет этот в какой-то степени она оплачивала поставками в Германию железной руды, и недаром говорится, что каждый пятый наш солдат убит пулей из шведского металла. История любит точность.

Норвегия же сопротивлялась, как могла. И вот мы уже стоим у входа в музей Сопротивления, что расположен в подвалах старой крепости Анерхюс. И здесь, у крепости, стоит памятник жертвам фашизма. В музей ведут каменные ступени. Тускловатое горит электричество. Пахнет тленом веков, казематами и бомбоубежищами. Еще одно напоминание о минувшем, еще одно место, где словно бы прячется война. Проходя узкими залами музея, как бы листаешь страницы войны. Планшеты с картами, оружие, винтовки, составленные в пирамиды, колючка концлагерей, горящие города, черные «юнкерсы»-пикировщики, перекошенные лики маньяков Гитлера, Геринга, Геббельса, подслеповатый, омерзительный Гиммлер, бывший владелец птицефермы, садист и палач, ряды концлагерных блоков. Святые имена тех, кто боролся за свободу Норвегии. Три пластины с дырками от пуль при расстреле. Сверху три портрета убитых. Камера-одиночка, где можно увидеть сидящих заключенного и стражника, охраняющего выход.

Музей Сопротивления не велик, но дает жесткую и правдивую картину минувшего.

Ловлю себя на том, что долго быть в этом подземелье невозможно. Там слишком тягостно пахнет войной.

А наверху сияет разгулявшийся день. Светлое норвежское небо, белое норвежское солнце, норвежский ветер, дующий с фиорда. Да, это очень хорошо, что на земле мир, что так спокойно светит солнце, легко дышится и все мы сво-

бодные люди, если не считать некоторой скованности программой, от которой ни на йоту не отступает наш гид Фанни.

— Сейчас поедем посмотреть парк Вигеланда, — возвещает она, и все покорно следуют к автобусу. Народ мы дисциплинированный.

В России имя скульптора Вигеланда как-то мало известно. Спроси любого непосвященного, непричастного к искусству, к скульптуре, — задумается. Иное дело — Торвальдсен! Но малая известность скульптора-норвежца еще не свидетельствует о его малой талантливости. Автобус останавливается перед высокой чугунной решеткой, на манер ограды Летнего сада в Ленинграде. Широкие триумфальные ворота — и сразу просторная перспектива парка Вигеланда, уставленного монументальной скульптурой из бронзы и гранита — все, созданное руками Титана, иначе не скажешь, — так велико число статуй, так поражают они моделировкой, неожиданностью замысла и воплощения. «Северный Роден» — часто называют Вигеланда. Но, поскольку мне посчастливилось бывать и в музее-усадьбе Родена в Париже, недалеко от Дома инвалидов, где сидит на высоком постаменте, возвышаясь над стеной ограды, бессмертный мыслитель, я могу засвидетельствовать, что если сходство и есть, оно лишь как олицетворение мастерства ученика, в чем-то и превосходящего своего учителя! Да не в том ли и смысла истинного ученичества — поднять знамя УЧИТЕЛЯ, нести его дальше и выше? Бронзовая галерея скульптур по обе стороны от центральной дорожки (не то слово, надо бы сказать — проспекта) парка. Каменные парапеты, и на них, одна за другой, мощные фигуры обнаженных людей. Женщины с детьми. Играющие подростки. Мужчина и женщина, обнявшиеся и протянувшие друг другу руки. Целующиеся. Борющиеся. И даже верхом друг на друге! Все человеческие чувства. Радость... Страсть... Торжество сближения и узнавания... Дружба... Любовь... Материнство и Отцовство... Каждой своей скульптурой и группой автор внятно говорит: Люди! Цените жизнь! Тянитесь друг к другу! Играйте! Пойте! Дружите! Любите! БУДЬТЕ ЛЮДЬМИ... Более гуманистической скульптуры в столь ясном, доступном выражении я не видел никогда. Она проста, она чужда академизму, в ней не дышит холодный канон старой классики. Живая скульптура — так можно сказать. И все это создал один человек, в юности, — так уж словно водится, — гонимый, непризнаваемый, скитавшийся по чердакам и подвалам. Жил в Дании, ездил в Италию, учился и в Париже, у самого Родена. А Роден умел узнавать талант учеников! У сурового, взбалмошного, подчас вздорного в суждениях скульптора их было мало, но все, без исключения, впоследствии великие и прославленные. Роден создал школу. А создатели школ и направлений всегда были величайшими гениями рода человеческого. Это аксиома.

В 1921 году Вигеланд вернулся в Осло, богатый одним талантом, верой в себя, терпением и мастерством. Его не встречали как триумфатора. Не гремели оркестры, не били в литавры. Скульптор добился лишь договора с городским магистром на мастерскую и материал, на оплату нескольких помощников. За это все свои творения он передавал общине

столицы. Тут, можно сказать в парке, Вигеланд и прожил оставшуюся жизнь. Прожил в неустанном труде, создав почти за сорокалетний период сотни скульптур, целые ансамбли, установленные главным образом здесь, во Фромартен-парке, под светло-голубым норвежским небом.

За аллеей бронзовых фигур громадный каскадный фонтан, весь в причудливых изваяниях сплетенных и разобщенных бронзовых тел. Рождение... Молодость... Старость... Исход... И снова рождение! Цепь жизни — таков круг образов фонтана. Хлещут струи хрустальной воды в бронзовое тела старцев, старух, юношей и детей, малахитом отливают мокрая патина, и кажется, кипит не вода, а жизнь. Бьет, пенится бесконечными потоками. И нет ей конца. Жизнь — и только жизнь!

А далее на возвышении за фонтаном, вокруг странной стелы — громадного, уходящего в небо столпа из свитых человеческих тел — стоят уже не бронзовые, а гранитные скульптурные группы, выразители все той же преемственной идеи вечной жизни. Материнство. Младенчество. Юность. Зрелость. Старость.

В энциклопедическом словаре скульптор назван «представителем натурализма, символики и эротики, сочетавшимся с реалистическими традициями». Оставляю на совести тех, кто писал эти холодные строчки о великом норвежце. Думаю, искусствовед, составитель справки для словаря, никогда не был в Осло и не видел ансамблей Вигеланда. Иначе роки не написала бы столь холодно-казенные строки-оценки роли мастера и его искусства. К тому же я не специалист, изодранный в теоретизировании. Передаю лишь свои впечатления. И пусть рассудят нас очевидцы. Никакой «эротики», особой или лезущей в глаза, я не мог усмотреть, не заметил в массивах бронзовых и гранитных скульптур. Да, здесь были сплошь обнаженные девушки, женщины, юноши, мужчины и даже старцы и старухи. Да вот, например, в ансамбле у «Столпа жизни» мощная и прекрасная в своей мощи-полноте женщина-мать. И представьте себе! Она стоит на четвереньках. А на спине у матери, у этой «лошадки», держась за ее косы, как за уздечку, сидят, улыбающиеся от счастья, ее дети, мальчик и девочка, и тоже голышны, обнаженные. Нигде еще не видел я столь прекрасно выраженной идеи материнства.

Да, Вигеланд (в русской транскрипции иногда Вигеланн) смелый художник и недаром учился у Родена, вольно перешагивавшего пороги так называемых приличий. Но, глядя на скульптуры Родена, я не нахожу, что роденовское изображение более натуралистично, чем, скажем, уже упоминавшийся мной Давид. Великие мастера напоминают нам лишь великую гуманистическую истину: все прекрасно в человеке, душа и тело. Все должно быть прекрасно. Нет стыдных частей в человеческой нагоде. Такими их сделало людское ханжество и глупость.

А завершает ансамбль парка Вигеланда скульптура «Кольцо жизни».

Бронзовое кольцо жизни из трех сплетенных тел: женщина, ребенок, мужчина (или начните как угодно). Кольцо возвышается на высоком гранитном постаменте.

Известно, что Вигеланд оставил в завещании объяснение всех значений своей скульптурной символики, но указал срок (кажется, столетний) для его прочтения.

Не прогадала городская община Осло от союза со скульптором. Она была даже скупа, ведь оплачивала лишь камень, бронзу и подмастерьев. А чтобы заработать на жизнь, Вигеланд писал заказные портреты. Вот так...

Парк Вигеланда показался мне лучшим скульптурным ансамблем, какой когда-либо доводилось видеть. Здесь дышит жизнь. Все полно ее движением, исполнено благородства и благородства особенного — земного, гуманистического и земнородного. В то же время, когда смотришь на завершающее ансамбль «Кольцо жизни» на фоне светлого северного неба, нежно-нежно-голубого, как глаза здешних девушек, видишь сквозь кольцо счастливые далекие облака, — думается, что вся скульптура исполнена высшей духовности, той, что объединяет жизнь земную с жизнью небесной, а лучше сказать, в с е л е н с к о й, чтоб автора не обвинили в признании теологии.

Мы собрались у дальнего конца парка, поджидали отставших. Экспозиция парка велика и торжественна. В ней множество сюжетов для съемки, и даже мы с женой, ставшие никогда не отставать, работая двумя фотоаппаратами, едва успевали за госпожой Фанни — так быстро вела она авангардную часть группы, которая состояла главным образом из путешественников, не слишком интересующихся искусством и Вигеландом, но обеспокоенных вопросом, сумеют ли они сегодня походить по магазинам. Что делать, писать надо правду, правду и только правду, даже не кладя руку на Библию. Главным образом для этой части группы Фанни объясняла теперь, какова стоимость жизни в Норвегии, какие взимаются налоги. Оказалось, что средняя зарплата рабочих и служащих 70.000 крон в год, но до 40 процентов этой суммы уходит на разного рода налоги. Налоги прогрессивные, то есть увеличивающиеся с увеличением доходов. Тем не менее капиталисты не плачут, — ведь при любом налоге прибыль не ограничена. Из нее всегда остается немалая сумма, так сказать, «на бедность». Фанни говорит, что в Норвегии теперь бесплатное медицинское обслуживание, распространяющееся и на туристов. Так же и с элементарным образованием. Однако сказанное не исключает обслуживания платного, платных пансионатов, больниц и тому подобного, где за деньги и учат, и лечат, по-видимому, лучше.

Какая-то девушка с газонокосилкой обрабатывала неподалеку от нас лужайки под деревьями. Трудилась на совесть, старалась изо всех сил и, видно, была довольна работой. Фрау Фанни заметила, что работу в Норвегии ценят все, какая бы она ни была. Сказанное, конечно, опять не новость, и я уже писал, что на всем Северном Западе работу, наличие ее, включают в понятие с ч а с т ь е, а поскольку потерять счастье легко, а обрести трудно, здесь никто не станет понукать, уговаривать нерадивых, их не станут воспитывать и стыдить — их просто тут же уволят.

Если в Голландии преобладает всюду зеленый цвет, в Дании сельской, как мне показалось, — желтый, то Норвегия, пожалуй, страна с преобладанием синего. Синее море, фиолетовые фиорды, серо-голубые скалы и валуны, бледно-голубые небеса, индиговые горы вдали. Все это в сочетании с нордическим, северным, названием страны и с тем, что в памяти ассоциативно всегда держатся норвежские снега, лыжи (в Осло есть музей лыж!), коньки, знаменитые конькобежцы, норвежские свитеры и шапочки, норвежская зима, — все создает для страны единый колорит в холодных тонах. Вот ее краски: Лазурь железная и оловянная. Церулеум. Ультрамарин. Хром и Кобальт всех оттенков. Да еще белила. Так расположил бы краски на палитре Норвегии ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК. И тот же ХУДОЖНИК писал бы Голландию Изумрудной зеленой, Волконскоютом, Хромом и Стронциановой. А в Бельгии брал бы на кисти яркий и теплый Крон. Только в Дании ОН призадумался бы. Там все основательно и неброско. Может быть, благородный серый с коричневым марсом? Умброй и Сияной? Нет, ОН не забыл бы и про яичный желток рапсовых датских полей. Почему я представил все это за того ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА, который писал кистями Рубенсов, Ван-Дейков, Босхов, Рембрандтов, Йордансов? К Норвегии больше подошла бы, наверное, кисть, которую ОН вкладывал в руки американца Рокуэлла Кента.

Просто у меня есть вечное стремление находить цветовую гамму или общий колорит всего увиденного, будь то слово, предмет, лицо, явление, город, страна. И вот норвежский город Осло показался мне голубым на фоне темного в синеву фиорда, контрастом к которому были два ярких красных кирпича, поставленных торчком и соединенных такой же красно-кирпичной перемычкой. Мы ехали в центр города, где и стояла на берегу фиорда-залива ратуша, — вот это только что названное творение из яркого кирпича. В отличие от других стран Северного Запада, Норвегия сравнительно поздно получила полную независимость, освободившись в 1905 году от унии со Швецией, избрав своего короля и выбрав самостоятельный путь развития. Тогда-то старый город Христиiania превратился в новый, столичный Осло, знаменем которого и стала новая ратуша, олицетворяющая как бы новую историю древней страны. По проектам архитекторов Арнеберга и Поульсена здание возводили в тридцатые годы нынешнего столетия. Архитекторы отошли от привычного средневекового канона городских магистратов, в то же время, как ни поверни, ратуша смотрится и словно бы двухбашенным древнескандинавским (или норманнским) замком. Других строений она не напоминает и полностью самобытна. Даже Осло теперь, по крайней мере для меня, — это прежде всего его двухбашенная ратуша, с часами, украшенными знаками зодиака.

Справа и слева к башням примыкают крытые одноэтажные галереи, по-видимому, служебных помещений. Стены галерей украшены деревянной скульптурой на темы древних скандинавских саг. Боги, герои и героини норвежского эпоса изваяны под примитивную народную скульптуру. Все эти норманнские боги Тор, Один и прочие — тут. Вот, например,

воинственный бог Тор на своей колеснице, запряженной козлами (скандинавский вариант славянского Перуна или Ильи-громовержца). Здесь Тор похож на разудалого русского мужичка в рубахе с опояской, в тиковых полосатых портках, в красных сапожках. Замечаю, что на рогах козлов грозного бога удобно устроил гнездо городской голубь и даже хорошо видно сидящую там птицу, ее оранжевый философский глаз, устремленный как бы в никуда и внутрь, весь сосредоточенный на проблеме рождения жизни. Символика Тора и Голубя получается замечательная и поучительная.

Забыл добавить, что посредине парадной лестницы, ведущей в центр ратуши, уступами сбегает вода — нечто вроде каскадного фонтана-водопада, символизирующего, наверное, бесконечное течение и обновление жизни, а также и природу страны, богатой ручьями и порожистыми речками с пятнистой форелью.

О природе Норвегии был бы особый сказ, я с ней достаточно хорошо знаком в теории, по географическим книгам, и многое мог рассказать о животном мире страны, но здесь написано лишь все то, что довелось видеть собственными глазами, и я никогда не стану отступать от правила.

Из ратуши выходят невесты с женихами и свидетелями. Норвежские нравы, по-видимому, особенно просты, не по-русски свободны. Одна невеста курит, светлое полупрозрачное платье надето на ней без некоторых предметов нижнего белья, что, скажем прямо, ошарашивает нашу публику, особенно дам. Девушки и женщины на Северном Западе, кажется, давно уже упразднили бюстгалтеры, а встретить летом на улице, в любом месте человека в трусах, в майке, в окромсанных джинсах можно сплошь и рядом. Пляжный наряд сегодня носит здесь не обязательно фрондирующая молодежь, попадаются идущие босиком и словно бы не стриженные с рождения, похожие на йогов, на странствующих факиров. Вообще впечатление, что норвежская мода ведет тенденцию к упрощению, упразднению, удешевлению и украчиванию туалета. Платья из марлеподобной ткани, кофточки из бязи сорта «дешевле некуда», какие-нибудь балахоны и штаны такого же сорта, на ногах самая грошовая обувка: спортивки, босоножки. Бедность, известно, не порок. Но здесь как-то из понятия этого вычиталось иногда понятие порядочности или скромности. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, и я, естественно, не говорю о норвежцах сплошь, а лишь о той части, что бросилась в глаза этой своей, наверное, нарочитой расхристанностью.

В ратушу входяшь, попадая сразу в огромный зал наподобие спортивного. Высокий пустой холл, с каменным мозаичным и словно в косую клетку шлифованным полом, с громадными, во все стены, картинами-панно. Центральная, та, что перед входом, исполнена своеобразной символики — трех- или четырехступенчатое восхождение человечества (и Норвегии) от дикости к цивилизации, от рабства перед силами природы к освобождению и совершенству. Нижний ярус панно — хаос природных сил, борение стихий, света и тьмы, выше — изображен примитивный труд, освоение земли на первичном уровне, третий ярус — человек, преобразовавший землю, в центре его монументальные фигуры, мужчина

и женщина, соединенные руками стоящего меж ними ребенка. Красивые, ясноглазые, здоровые и улыбчивые люди. Такие, каких мечта всегда селит в будущем, а писатели-фантасты называют физико-химическими или астрономическими именами Эрг, Вольт, Аэлита... Над ними (фигурами) четвертый ярус — небо со звездами и облаками — голубая и розовая мечта человечества, светлое будущее страны.

Картина в верхних частях с преобладанием упомянутых розово-сиреневых, белых и ярких красок очень впечатляет. Но на нее, кроме туристов, никто не смотрит, не обращает ни малейшего внимания. У входящих в ратушу свои дела, и дела-то важные. В основном идут женихи в черных костюмах и невесты в белом. Им не до фресок. Дамы внимательно оглядывают одну невесту, которая, по-видимому, на последнем месяце беременности. Белое платье не вяжется с ее фигурой, чувствуешь, не легко ей взбираться по узкой боковой лестнице на второй этаж, где и производится бракосочетание. «Невеста-то с приданым!» — ехидничает кто-то. Я же думаю, что чужая жизнь — потемки, и какое кому дело, когда оформлять брачные документы. И в данном случае как раз все законно. К тому же в Скандинавии иные взгляды на добрачную жизнь молодых. Не знаю, есть ли здесь брак по контракту, как, допустим, в Турции, Японии или еще каких-то странах, где стороны договариваются оформить свой союз на какой-то срок, по истечении которого брак автоматически расторгается или продлевается по желанию, но знаю, что есть шестимесячный развод, во время которого бывшие супруги могут подумать, взвесить, покусать себе локти, почесать затылок и, убедившись, что развелись зря, радостно дождавшись конца этого долгого срока, снова стать мужем и женой. Правило, пожалуй, неглупое.

Под лестницами на боковых частях зала также картины-панно. Они узкие, длинные, изображают сцены оккупации Норвегии и борьбы за ее освобождение от фашистов. Маршируют стальноголовые колонны. С тревогой прислушиваются женщины. Врываются в квартиры гестаповцы. Советуются подпольщики. Идут уличные бои. И вот оно — ОСВОБОЖДЕНИЕ, вся его радость и счастье.

Позади нас, над входом, еще одна картина славит народный труд. Здесь изображены все основные виды труда в Норвегии, их прелести. Вот лесорубы с пилами, моряки, рыбаки, пахари, рабочие, ремесленники, знаменитый писатель Иенс Бьерре — рыжий, горбоносый; в распахнутом пальто. В общем, никто тут не забыт и ничто не забыто.

А мы поднимаемся вверх вдоль стены по правой лестнице и попадаем, так сказать, в предбанник мэрии. На стенах здесь висят тускловатые, под старину, гобелены, изображают основание Осло Христианом IV Суровым. Так сказала нам Фанни. Знаю, что этот суровый Христиан был жонат на внучке древнерусского киевского князя Владимира Красное Солнышко. Меня давно мучает вопрос — не рыжий ли он был. А уж Христиан-то, судя по гобелену, явно рыжий.

В двери, где совершается бракосочетание, мы не пошли. В конце концов, везде оно примерно одинаковое. Экскурсия

наша продолжается в зал Сената, скромный, добротный, где кресла расположены удобным полукругом, а перед ними сплошные дубовые столы-шопитры. Чувствуется, вся обстановка создана для дела, деловых обсуждений, чужда парадности. Парад в делах норвежцы не терпят...

Теперь наш путь лежит вдоль главной улицы Осло и улиц, обсаженных старыми липами и вязами, в гостиницу. Проезжаем мимо зеленого здания, где вручаются Нобелевские премии мира. Нобелевские премии по литературе и науке вручает Швеция, но премия мира — привилегия Норвегии. В том году премия в Осло вручалась лицам скандальной известности — израильскому премьеру Бегину и египетскому президенту Садату. Неисповедимы пути норвежского нобелевского комитета. Дом же, если смотреть внимательно, невзрачен: три этажа с фасадной стороны, два сбоку, ибо дом упирается доколом в скалистое возвышение, — особенность, характерная для многих городов Скандинавии. Скалы здесь вторгаются в застройку (или она в скалы), ледниковые валуны, бывает, лежат в скверах, выпирают из газонов, ничуть не нарушая их ухоженности, а, возможно, добавляя к газону нечто прелестно-дикое. Здесь только никто не пишет на камнях. Вспомнил к этому случаю, что в моем городе, в районе новой застройки, лежал, а может, и сейчас он там, вот такой же, будто скандинавский, валун, но с надписью краской: «Жителям на память от Радченко». Иногда думал, вот бы найти шутника, поблагодарить...

Наконец-то мы прибыли в гостиницу, как это пишут, «усталые, но довольные». Я бы добавил еще, и голодные. Гостиница называется «Сити». Она в старом центре Осло, недалеко от вокзала. Не блещет модерном, старенькая, но уютно, опрятно. А на втором этаже в обеденном зале нас даже ждал обед при свечах, хоть был еще ясный день и свечи бледно горели на длинном общем столе для парада.

Вечером мы бродили по Осло и, скажу по чести, были несколько напуганы обилием пьяных и пьяненьких, каких-то весьма агрессивно настроенных парней, которые шатались по улицам, орали, горланили песни, приставали к прохожим. Подходили еще какие-то люди навеселе, что-то спрашивали. От них я отделялся немецкой фразой: «Ихь ферштее нихт! (Я не понимаю!)» Вслед летело: «Бош!» Но на этом все и кончалось. А «боши», то есть я и супруга, продолжали прогулку.

Пьяницы были нам не в диковинку. Тогда еще с ними дома, в России, все как-то церемонились, старались вразумить. Здесь же как будто не ведется антиалкогольной пропаганды, коли один из аборигенов лежал в луже у здания универмага, а другой, пошатываясь, мочился на витрину какой-то лавки. Обращало внимание большое наличие в городе явно не норвежцев, кто они были: турки, арабы, пакистанцы? — не знаю, но многие из них торговали, предлагали какое-то барахло, шары, картинки, сумки, часы. Вся эта малозаконопослушная публика казалась какой-то чрезмерно возбужденной и даже опасной. Она посмеивалась даже над редкими и необычайно лояльными к ней полицейскими.

Иные ребята орали парням в фуражках и униформах: «Эй, полицист!» Свистели.

Жизнь путешественника или даже организованного туриста хороша лишь тем, что он постоянно видит новое. Новое! Новое! Новое! Невиданное! И это новое заставляет его идти дальше, смотреть зорче, запоминать, впитывать впечатления, наблюдения и ассоциации, искать и находить в этом занятии большую уладу. Но особенно остро воспринимаешь все, когда живешь по программе, времени в обрез и меньше того, тогда ценишь всякую минуту и, может быть, следуя теории относительности, растягиваешь время, тогда минута становится часом, а сутки подобием маленькой вечности. В Осло мы были три дня (трое суток!), и все они были заполнены передвижением по городу и окрестностям на автобусе, но, главным образом, пешком. Вообще лично я предпочитаю последний способ передвижения. Я обошел бы, кажется, пешочком весь мир, останавливаясь и теряя шляпу перед его чудесами да заходя в булочные магазины, чтоб сменить изношенные туфли. Путешествуя пешком, видишь-ощущаешь-осознаешь и обоняешь в сто раз больше, чем, мчась, допустим, на самой современной машине, где мелькание увиденного количества ничем не заменит основательное пешеходное качество. И в Осло, кроме обязательных поездок, мы предпочитали ходить пешком, говорю «мы», потому что жена, может быть, и не разделяла моих взглядов, все-таки верно следовала за мной.

Норвежская жизнь за эти долго-короткие дни показалась нам, по крайней мере в столице, какой-то неупорядоченно разбитной, думаю, что это было внешнее ее проявление. Чтобы судить точнее, надо жить здесь долго или быть норвежцем. Но ведь говорят также, что «со стороны виднее». Итак, жизнь шла. Магазины торговали, работа двигалась своим чередом, но все-таки это не была та дотошно целенаправленная ускоренно, а лучше бы сказать, прищипоренно кипучая жизнь-торговля, какую видишь в Бельгии или в Голландии, отчасти и в Дании. Может быть, сказывалось здесь обстоятельство, что Норвегия много богаче, гораздо обширнее и безлюднее стран Северного Запада. При населении всего в 4 миллиона она имеет площадь 324,2 тысячи квадратных километров. Здесь еще можно пожить и за счет кладовых природы, чего никак не позволишь в Бельгии, Голландии, Дании. Лес. Просторная земля. Гидроэнергия. Ископаемые. Рыба. Теперь еще нефть на океанском шельфе — сделали Норвегию одной из самых богатых по жизненному уровню, хотя пальма первенства всегда, словно по традиции, была за Швецией. И то, что жизнь норвежца, по видимому, полегче жизни датчанина или бельгийца, неминуемо отражается ну хоть в том же пьянстве, с которым встречаешься в Осло. Пьянство же, на мой взгляд, следствие отнюдь не тягостной жизни. Преимущество стран с так называемым «сухим» или, скажем, «полусухим» законом бросается в глаза, хоть я далек от мысли обвинять весь норвежский народ — трудолюбивый, степенный и храбрый.

В отеле «Сити» жизнь шла по иным канонам. Кормили

здесь без датской скупости, с хорошим закусочным столом. Заведовал всей благодатью степенный седой норвежец в очках, похожий одновременно на доброго доктора и тихого помешанного. Он всегда улыбался робко и словно бы виновато. Смотрел на шумных русских по-отечески, и, вероятно, допускаю, приходил в ужас от аппетита, с которым мы сметали блюдо за блюдом, подававшиеся на длинный наш, как бы для монастырских трапез, стол бойким парнишкой-подростком и такой же девчонкой, может быть, племянниками или внуками этого норвежца. Было им лет по пятнадцать.

Кстати, о подростках. Во всех странах Северного Запада они подрабатывают в каникулярное время, а иные и просто трудятся лет с четырнадцати, помогая родителям сводить концы с концами. Про детей фермеров не говорю — те в работе с пеленок. Взгляд на ранний труд как на нечто ужасное или позорное здесь не привит, и я не вижу ничего страшного в том, если б и у нас желающему работать подростку-акселерату давалась бы возможность начать свой стаж лет с четырнадцати, при соответственно уменьшенном рабочем дне. Больно видеть, а особенно ныне, в жилых районах мающихся бездельем, не знающих куда податься парней и девчонок. А выход часто ведет к хулиганству, вандализму в подъездах и мало ли еще к чему, что найдет и придумает молодой праздный ум, по образному выражению англичан, мастерская дьявола. Мы почему-то привыкли к мнению, что если подросток трудится, то чуть ли не эксплуатация, а если лоботрясничает и хулиганит, так вроде бы это и положено! Он же еще несовершеннолетний! Ему можно все. В крайнем случае мера спасения от всех напастей будто бы клуб. Нет клуба, и дурит подросток, а будет клуб, и все станет хорошо. Но там, где есть эта панацея от всех болезней, вроде бы мало что меняется. Ну, собираются, конструируют орущую цветомузыку, ансамбль создают, который все больше в западную пошлятину втягивается. Играют в игрушки детки в сажень ростом, ковыряют для цветомузыки стекла в светофорах, режут, видать с той же целью, телефонные трубки. Странно, что на родине Макаренко и Сухолинского все никак не изжит пока взгляд на труд как нечто тяжкое и угнетающее, портящее жизнь молодого человека.

Вот дискотека — это да! Только ею и должен увлекаться этот человек.

Мысли такие неволью приходили, когда смотрел на бойко спующих ребят с подносами, ребят, ничем не напоминавших мне Ваньку Жукова. Были живые, ясноглазые, яснозубые, озорные, успевали между делом дать друг другу тумака, высунуть язык, а нам подмигивали. Подростки как подростки. Во всем мире они одинаковы. С виду они тоже не походили на норвежцев, а напоминали жителей Сицилии.

ГЛАВА V

Снова музеи. Челны викингов. Нансен и «Фрам». «Ра» и «Ков-Тики», музей народного водчества. Конькобежка Сони Ханни. Эдвард Муик.

Когда поутру фрау Фанни своим беспристрастным голосом зачитала программу на день, от группы раздался жалобный вопль, сходный со стоном. Но где же это все осилить? Столько музеев? А магазины? Однако Фанни была непреклонна: «Ничего не могу сделать... Ничем не могу помочь», — было на ее лице. Норвежский гид честно зарабатывал свой хлеб.

День воскресный. Тепло. Солнечно. Осло пуст. Мы едем за город вдоль побережья. Тянутся справа и слева от дороги знакомые, чуть не сказал уральские, пейзажи. Холмы, перелески, луга, поляны, кое-где выступы глаженных временем и древним оледенением скал. Проезжаем мимо королевских владений. Корблевская ферма. Король в Норвегии на досуге занимается сельским хозяйством, на ферме продуктивный молочный скот, племенные лошади. Фанни говорит, что норвежский король, видимо как все норвежцы, любит спорт, яхтсмен, а в 30-е годы брал призы на трамплине. Знаю, что Улаф V вступил на престол в 1957 году. Имеет звание генерала и адмирала. В войну жил в эмиграции в Великобритании. В конце сороковых годов был верховным главнокомандующим силами норвежского Сопротивления. Его предшественник Хокон VII был известным археологом.

Белая вилла вдали. Усадьба короля. Зеленые привольные луга с перелесками вокруг. Поют жаворонки.

— А в Дании мы никак не могли узнать, кто же там король, — говорит Серафима Кондратьевна.

С королей как-то неожиданно разговор переходит на викингов. Викинги — слово производное от «вик» — залив, фиорд, то есть жившие в заливах. Они же норманны, варяги... При слове «викинг» так и рисуетя беловолосый, сероглазый богатырь, бесстрашный, могучий, сорвиголова, владевший и мечом, и веслом, и секирой, хоть во многом, наверное, представление явно идеальное, приукрашенное, создано по фильмам, по книгам. А скорей всего, викинги обычные люди, вся жизнь которых шла рядом с морем, среди скудной скалистой земли, жизнь нелегкая, полная борьбы за существование с морем, голодом, хищным зверем, другими племенами, шедшими к морю. Как тут не станешь выносливым и бесстрашным. Природа и суть боевой жизни жестоко губили все хилое. Может, и не от добра ходили викинги в походы за удачей. Постепенно мешались с другими народами, брали их женщин. Растворилась норманнская кровь в крови датчан, белтов, саксов, эстов, литовцев, финнов, русичей. С варягами славяне воевали, с варягами и братались. Ходили вместе путем «из варяг в греки». Шли столетия. Тысячелетия. И вот уже викинги — далекое предание, как бы вымершее племя. Но памятники его — огромные челны, что порой находят в заиленных морских побережьях или в курганах, где хоронили норманны своих королей и королев вместе с челнами, — рассказывают многое об исчезнувшем народе.

Музей норманнских челнов — сводчатое здание, где под белым, монастырского вида полукруглым потолком стоят гигантские черные ладьи со вздыбленными высокими носами. Дубовый киль одной лодки из сплошного дерева двадцать четыре метра в длину. Таких дубов уже не сыщешь

ныне. В челне была погребена норманнская королева вместе со служанками и всем необходимым для долгого плавания в погусторонний мир. Не забыли даже кадушки с водой. Челн найден (раскопан) в 1904 году. Подарен городу Осло шведом, владельцем участка. Черная смоленая громадина с такими же огромными веслами из тесаных бревен. Весла и назывались «потесями». Что за великаны их ворочали? — приходит неизбежная мысль. Второй челн несколько меньше — двадцать два метра! Конечно, в сравнении с океаном и это скорлупки. Но ведь теперь известно, что на таком судне люди, не зная компаса, не зная пространства, ждущего их, пересекали океан, задолго до Колумба были в Америке. Это уже доказано, и не раз. Впрочем, подвигами мореплавателей-викингов сегодня не удивишь. Атлантику теперь пересекают в одиночку на крохотных парусниках, яхтах, шлюпках, плотках, резиновых лодках и даже — был случай! — на байдарке! Но викинги были первыми. Звездное небо было их картой. Отвага и страсть к приключениям — компасом. Так люди узнавали и открывали Землю.

Осматриваем вещи викингов, предметы быта. Телеги с деревянными колесами из шести частей. Деревянные ведра. Сундуки. Саки. Оружие. Игрушки детей и произведения древних скульпторов.

В музее челнов оживает прошлое. Бредит, брезжит, быть может, генетическая память. С волнением хожу вдоль смоленых боков гигантских стругов. Знакомы их словно лебединые очертания. Эти высокие носы! Эти весла! Какие волны их качали! Какое небо было над ними...

Под Осло в один ряд целый комплекс музеев. В соседнем помещении со стеклянной крышей, похожем на геометрическую призму, стоит легендарный «Фрам» — судно Фритъофа Нансена, Роальда Амундсена и Отто Свердруп. Это на нем бесстрашный человек ринулся на покорение Ледовитого океана. Дрейфовал от Новосибирских островов до Шпицбергена. На нем Свердруп ходил к Канадскому побережью, а Роальд Амундсен плыл к Антарктиде. «Фрам» поставлен на вечное хранение. Тропа к нему не зарастает. С волнением поднимаемся на палубу. С волнением вступаем в каюты, спускаемся в трюм. «Фрам» — прекрасен! Он — мечта путешественника о далеких плаваниях. Невелик. Уютен. Есть даже пианино и бильярд! На одной из стен висит скрипка Нансена. И оживает, шевелится здесь, дышит вся история сурового мореплавания, узнавания Земли. Здесь, стоя в каюте или на палубе, чувствуешь себя как на ее вещественном клочке. Магеллан. Колумб. Кук. Крузенштерн. Беллинсгаузен... Вспоминаются имена других великих, открывавших еще неведомую Планету. Вспоминаю и свои наивные детские впечатления, все после Жюль Верна, его романов. Вот бы мне такой «Дункан» или «Фрам»! Я объехал бы всю Землю! Все ее материки! Все ее великие океаны, моря, острова. И, возможно, привез бы из плаваний для людей самые чудесные книги!.. О, детские, юношеские и взрослые мечты! На палубе «Фрама» они не кажутся несбыточными.

С носовой части судно напоминает странное лицо человека. Окна клюз-саков похожи на глаза, и железными

слезами вытекают из них цепи якорей. «Фрам» окрашен в три цвета: серый — надводная часть, черный — подводная и красный (обшит листами меди) — балластная. Перед килем судна стоит огромное чучело полярного овцебыка. Здесь же чучело любимой белой собачки Нансена. В киосках у судна бойко торгуют сувенирами. Купили и мы маленького тюленя, сделанного из натуральной нерпичьей шкуры.

Да, норвежцы чтут память своих великих путешественников, в этом убеждаешься, когда переходишь в другое здание — ангар формы модерн. Здесь находится папирусная лодка «Ра» и бальсовый плот «Кон-Тики».

Фанни сказала, что лодка «папирусная». «Ра» как-то не произвел на нас потрясающего впечатления. Сама лодка напоминала какую-то невероятной величины египетского вида корзину или кошелку из как бы соломенных жгутов и веревок. Снасти — такелаж, парус — все было словно бы невсамделишное, даже опереточное. А вот «Кон-Тики» — бальсовый плот был внушителен. В нем и с ним вместе как будто жило здесь чудо странствий по южным морям, океанские дали словно всплывали вместе с ним, с ветрами и течениями, которые качали и несли этот плот отважных. Было в нем, впрочем, что-то и от картины Жерико «Плот медузы», которую видел я в Лувре. Так вот ты каков, «Кон-Тики». Серые бревна. Желтая бамбуковая хижина крыта банановыми листьями. Кокосовые веревки. Плетенная из циновок палуба. Чучело альбатроса, парящее вверх. В музее можно спуститься и «под воду» — осмотреть плот снизу. Здесь представлен подводный мир, стебли водорослей седовато-зелены, огромная китовая акула в сопровождении золотых макрелей и полосатых рыб-лоцманов плывет к вам. Днище «Кон-Тики» словно покрыто мхом или так кажется от иллюзий зеленого света.

«Из всех памятников: храмов, соборов, королевских дворцов, ратуш и галерей — эти музеи судов запоминаются больше всего, внушают уважение к человеку, его дерзости, мужеству, презрению к смерти» — такую запись сделала моя супруга, и, соглашаясь с ней, я и решил воспроизвести эту запись из ее блокнота.

Уже говорил, что оба мы в путешествиях непрерывно работаем, работаем до изнеможения — надо успеть записать впечатления, яркие фразы гйда, ассоциации, информацию, ощущения. Иногда успеть сфотографировать на пленку или словом. «У путешественника нет памяти», — сказала кто-то. Очень правильно сказал. Забывается почти все, казалось бы, и незабываемое. Остается в осадке очень мало, так себе, какая-то жалкая полуявь-полувоспоминания.

Вслед за «Фрамом» и «Кон-Тики» был музей Народного зодчества. О нем я не стану распространяться, тем более что многое подобное есть и у нас, разные заповедники северной старины, вроде Кижей, где собраны на зеленых лужайках, перевезены, смонтированы старинные деревянные строения: церкви, часовни, мельницы, поморские дома с клетями и подклетями — собрано седое время. Нечто подобное видели мы на лужайках под Осло. Иные строения были с берестяной кровлей, крыты дерном. Бревна невероятных размеров. Мысль: как их поднимали, накатывали? На де-

ревянной церкви с крестом еще изображения химер и драконов («Для отпугивания злых духов», — сообщает фрау Фанни).

В просторных поморских домах непомерной ширины тесаные половицы или просто полы сделаны из колотых бревен. На притолоке вырезаны имена всех живших. На дерновой крыше хоть коси: бело цветет таволга-лабазник, малиновый иван-чай, ромашки, желтый козлобородник. Знакомая картина. Здесь старая Норвегия ничем не отличается от северной поморской Руси, от Вятской губернии в глубине России.

В музей Сони Хэнни мы поехали уже к вечеру. Сони Хэнни — великая норвежская конькобежка, фигуристка и кинозвезда. Сейчас это имя, особенно за пределами Норвегии, уже менее известно, но мы, поколение, чья юность пришла на те «грозные сороковые», скажем штампом, хорошо помним эту норвежскую Соню по голливудскому фильму «Серенада солнечной долины». Что за «серенада»? Ну, комедия, мелодрама, пасторалька в типичном американском стиле, а как помнится до сих пор! Помнится. И все благодаря этой Хэнни. Вот она порхает по экрану, недоступный улыбчивый цветок из мира грез, режиссерских выдумок, опереточных трагедий и счастья сбывшейся любви. Сколько лет прошло! А в памяти улыбки Сони Хэнни. Теперь мы едем в ее музей, или, точнее, Центр искусств, основанный Хэнни и ее мужем Нильсом Онстадом в 1961 году. На строительство дома, где находятся коллекции картин, студия молодых художников-авангардистов, залы наград, призов и подарков, полученных Хэнни-конькобежкой, супруги пожертвовали 7 миллионов крон — самый большой частный вклад в истории Норвегии, — так сказано в одном из проспектов по музею. Центр искусств расположен в 12 километрах от Осло, на берегу фиорда, в живописной местности. Кажется, супруги предусмотрели все для того, чтобы ценители искусства почаще заглядывали сюда. Прекрасное белое одноэтажное здание формы модерн стоит, если можно так сказать, на лоне природы. Парк. Близость фиорда. Ресторан и гриль-бар. Бетон. Алюминий. Стекло. Здесь есть место для выступлений актеров, театральных представлений, кино. Пять больших залов под одной крышей демонстрируют около 250 картин, главным образом художников-модернистов разных направлений. Это Мунк, Воннар, Ян Грис, Виллон, Пикассо и Мерио. Особо представлены молодые художники послевоенного периода — Базен, Манесье, Хортунг, Салаж.

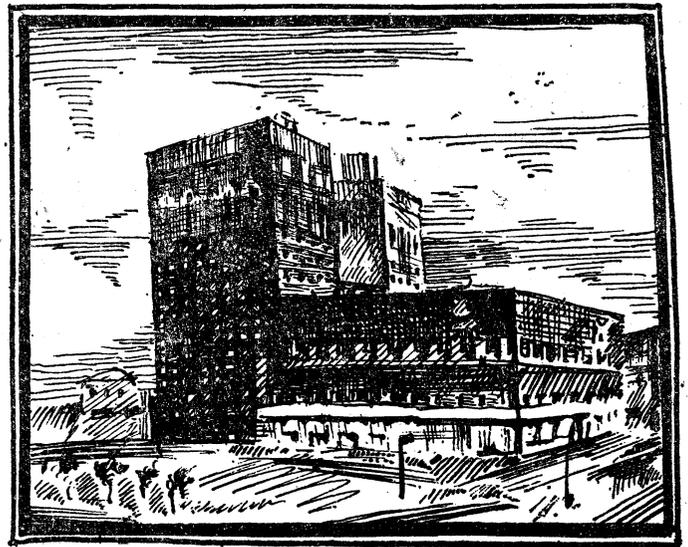
Живопись модерн как-то мало привлекла наше внимание. Может быть, надо быть ее исключительным знатоком и ценителем для того, чтобы восхититься этими красочными пятнами, полосами и штрихами, фигурами, отчасти напоминающими рисунки больных детей, разного рода монстрами, которых творит не знающая (да и не желающая знать) никаких правил-канонов кисть живописца. Громкие имена, которые я перечислил, спасают мало. Выскажусь откровенно: я видел очень много всевозможного модерна в живописи,

в графике, в скульптуре, видел не только в Осло, но в Брюсселе, Амстердаме, Гааге, Антверпене, в Париже — в музеях импрессионизма и постимпрессионизма. Наконец, в Центре современного искусства имени Помпиду, где на четырех этажах громадного здания, напоминающего заводской цех, собрано множество «артов» всех направлений, и все-таки не сумел полюбить то, что трудно назвать истинным искусством, зовущим к размышлению, дающим истинное эстетическое наслаждение от общения с ним. То же примерно можно сказать и о коллекции модернистских творений в Центре искусств. Они не взволновали моей души, как не волнуют ее, скажу по чести, и картины с экскаваторами, домнами и самосвалами на переднем плане, которые сплошь видишь на иных наших выставках изобразительного искусства. Суть его — человек. Истина, которую не надо заменять изображениями уродов и монстров, равно как тщательно выписанными орудиями труда.

Мы смотрели в музей Хэнни собрание серебра, кубков, хрусталя, медалей — призов и наград Сони Хэнни — в полированных роскошных витринах. А я думал — вот где встретились... Разве мечталось тогда о путешествиях, о той же Норвегии, где я сейчас нахожусь. А все помню — в темном зрительном зале сидели, улыбались ответно улыбкам девушки с экрана. Мрачные, стриженные подростки, ждущие любви, может быть, вот такой же солнечной, что осветит их жизнь, жизнь по карточкам, жизнь в телогрейках и башмаках на деревянной подошве. Как давно это было. А было...

Судя по музею, обилию наград, хрусталя и серебра, занимавшего целые стены, Сони Хэнни прожила счастливую жизнь, очень счастливую, чего не скажешь о другом норвежце, Эдварде Мунке, — художнике, в музей которого фрау Фанни привезла нас незадолго до закрытия.

Пылаю за Осло яркий скандинавский закат. Трехслойное небо светилось чистыми основными тонами: желтый, красный, синий. И, подсвеченные закатом, фиолетово-лило-

вые тучи стояли на горизонте над всем, что далеко, там, на севере, может быть в Лапландии. Эти резкие краски словно напоминали жизнь-бытие художника, полубезумца и страдальца, искателя запредельного. Все его картины как бы воплощение момента, мгновения, нюанса, крики боли, ужаса, отчаяния, переданные штрихом и цветом.

— Мунк — это норвежский импрессионист, — пояснила фрау Фанни. — Как Ван Гог.

Мне приходится истолковывать точнее. Ни Ван Гог, ни Мунк в прямом смысле не были импрессионистами. Ван Гог уже пережил первичную скандальную славу импрессионизма и ушел дальше в ту страну, которую искусствоведы именуют постимпрессионизмом; что касается Мунка, то он, конечно, представитель экспрессионизма, — движение в живописи и не только в ней одной, идущее к еще большей выразительности и сведению образа к шаржу, линии к штриху, цвета — к крику. Судьбы Мунка и Ван Гога отчасти перекликаются. Оба близкие к душевным болезням, оба новаторы, оба непризнанные (по крайней мере, так можно сказать про Ван Гога и раннего Мунка). В отличие от голландского художника, Мунк жил долго (даты жизни 1863—1944) и еще успел увидеть зарю своей славы.

Фанни сообщает, что одна из картин Мунка недавно продана в Лондоне на аукционе за миллион фунтов.

На сотни тысяч, а возможно, и на миллион ценятся теперь картины Ван Гога. Оба художника имеют посмертные музеи. Великолепный музей Ван Гога в Амстердаме, трехэтажное здание со святилищами потолками и старым парком, дополняющим его красоту и величие, а вот музей Мунка, открытый в 1963 году, одноэтажно-белое здание, по масштабам уступает музею Ван Гога, но также имеет светлые просторные залы, где картины живописца, графика представлены самым большим собранием в мире. Залы музея похожи на длинные прямоугольники. Светлые стены отделаны пластиком. На них картины. Странные, подчас вызывающие, — Мунк не шел ни на какие компромиссы с живописным кано-

ном, — писал, как хотел, как видел, как переживал. В рамках словно бы не красочные полотна, а некие болезненные цветки, воспаленные, рыдающие, кричащие (одна, очень известная, так и называется «Крик», добавлю от себя — это крик ужаса). Иные картины светло-прозрачны, как сны или миражи, другие — торжественно-вдохновенны, как слезы радости и просветления, но чаще мрачные, жуткого вида полотна, точно подвалы с людьми-привидениями. Болезненные фантазии. Страхи. Персонажи колдовского эпоса. И сами названия картин: «Вампир», «Больная»... Истериически искаженные, переполненные страхами лица и тела. Мунк умел соединить линию и цвет, передать экспрессию чувства, стояние искаженным образом и цветным воплем. Мунк — живописец. Мунк — график. Но — равноталантливый! Вот это уж подлинная радость в искусстве. Не поймешь и не скажешь, в чем он сильнее. Женщины Мунка потрясают, скорее, не живописью, а каким-то простейшим и часто плотским выражением лица и тела. Чувствуется, художник и любит и ненавидит женщину. Много натерпелся от нее, не может простить, как не может и не любоваться ее вечной красотой — природой. Вот знаменитая «Мадонна» Мунка — женщина, более похожая на привидение. Внизу, сбоку, жалкий, высосанный, будто комар, скрючившийся, не то скелет, не то уродец. Или этот ужасный розово-воспаленный «Крик»! От людей по мосту бежит прочь некто с разинутым ртом. Далее женщина с крыльями летучей мыши — ведьма или дьяволица. «Автопортрет» — лицо с явными признаками постоянной душевной муки. Ничем не похоже на Ван Гога в его автопортретах, но много общего в выражении.

Художник жил главным образом в Асгарстренде — небольшом городке недалеко от Осло, где Мунк купил дом в 1897 году. И жил в нем почти столетия, до смерти. Асгарстренд мало изменился с тех пор, как там жил Мунк. Дом его сохраняется. А по завещанию художника городу Осло перешла громадная коллекция его работ: около 1100 картин, 4500 рисунков и 18 тысяч графических работ. Это был вклад, достойный гражданина своей страны.

Город Осло построил музей Мунка, открывшийся к столетию художника. Здесь постоянная экспозиция, фонды, имеется также зал, где демонстрируют фильмы, читают лекции. Внутри музей очень прост, чист, залит светом. Картины размещены не тесно. На ковровом покрытии пола кучками сидят школьники-посетители. Посидеть можно и на скамьях-банкетках, кое-где поставленных в зале.

Непривычного созерцателя живопись Мунка возмущает. Многие пожимают плечами. Дамы кривят губы. Знатки и фанатики сияют.

Фанни поясняет, что художник один и тот же сюжет рисовал много раз.

Верно. По альбомам Мунка я знаю по меньшей мере три-четыре вот этих композиций с названием «В лес». Здесь фигуры мужчины и женщины прекрасны, и сам лес перед ними как очарованная страна. Лес всегда был прибежищем тайны. В лес и в леса уходили не только влюбленные. Там отдыхает душа, возвращается мир и спокойствие, там слета-

ет суетная шелуха бытия, по-иному измеряются страсти и страстишки. Человек перед лесом, разумеется думающий человек, стоит как перед высшей совестью, красотой и правдой — ПЕРЕД ИСТИНОЙ! И здесь, мне кажется, такая мысль. Две фигуры стоят перед синим лесом, как на молитве.

При всей цветности картин Мунка, плеске штриха, иногда идущего до французского точечного пуантализма Сёра или Синьяка, я понял, что Мунк художник истинно норвежский и «северо-западный». Понял также, как близок к нему наш великий литовец Чюрлёнис и даже — вот диво — Остроухов, Виральт, Водкин, Кустодиев.

Норвежскую суть Мунка воспринимаешь не столько в типажах лиц на картинах, пейзажах, допустим, таких, как «Дом в Асгарстренде», где на деревянном мосту стоят простенькие девушки-провинциалки, не в северных желто- и краснополосых закатах и рассветах, видишь прежде всего в том, что в картинах он протестант, борец и сеятель нового. Это как бы викинг в искусстве, дерзкий и неукротимый, или рыбак, забрасывающий свои сети в такие дали и глубины, где до него не ловил никто и где сеть иногда приносит чудное и неведомое.

Со звенящей от напряжения головой вернулись в отель. Порция впечатлений опять была чудовищно велика. Но что делать? Надо успеть увидеть и усвоить. За тем и ехали. Пили чай. Кипятили в стаканах. Для того есть у нас отличный микрокипятильник. Ели московский хлеб, предусмотрительно запасенный вместе с другими продуктами.

Спать ложимся поздно, а Осло все не спит. С улицы доносит шум этого спокойно-неспокойного города, непредсказуемого города. Здесь все не так, как я предполагал и представлял по прочитанному. Деревянные боги на манер российских мужичков, торжественность стенных росписей, свобода нравов, любовь к героям, вольный вид молодежи, босоногая мамаша в юбке и бюстгальтере, толкающая коляску, хиппи с фигурно выстриженной на манер иероглифов головой, чучело собаки Хансена, картины Мунка, «Фрам», похожий на огромное трехцветное яйцо, памятник Амундсену, каменные и бронзовые могучие женщины, тихий, добрый норвежец, потрясенный нашим аппетитом, — все кружит и кружится в голове, не дает уснуть. А когда заснуть стараться, получается еще хуже.

ГЛАВА VI

Крепость Акерсхюс. Белозобые дрозды. Куда девать норвежские кроны. Нищие музыканты. Попрошайничать надо уметь. Сувениры из Осло.

И еще один день в Осло. Он уже не перегружен музеем. С утра были только в крепости Акерсхюс, старинном добротном укреплении на берегу Осло-фиорда. Некогда крепость была дворцом. Мрачные стены из огромных средне-

вековых кирпичей. Строены в 1300 году, при короле Хоко-не V Магнуссоне. Крепость реставрирована, и теперь — памятник и место приемов. Внутри на стенах залов секиры, мечи, копья, ружья. Старинная мебель. Сундуки. Гобелены, выцветшие от времени. Коллекция сабель. Залы, где пировали короли и рыцари. Все это тронуте безжалостной рукой времени, безмолвно говорит об ушедших веках. При крепости-замке на берегу фиорда — парк. И здесь уже нет следов времени, ярко зеленеет подстриженная трава, ее увлажняют вращающиеся разбрызгиватели, дорожки ухожены и укатаны, громадные дубы, каштаны и платаны без признаков старости, а по лужайкам и в кустах везде бегают крупные черно-серые с муаровым переливом на перьях желтоносые дрозды. Это не был обычный на Северном Западе черный дрозд, что поет и гнездится во всех парках и садах. Хорошо помню, например, его гнездо на подстриженном каштане у самой Эйфелевой башни, где дрозд, не обращая внимания на толпы туристов, кормил птенцов. В более крупных черновато-сизых птицах я узнал замечательного певца северных белых ночей — белозобого дрозда! На вид он слегка сходен с черным, но крупнее, красивее, и белый нагрудник-полумесяц придает этой птице нечто торжественно-таинственное. Страстный орнитолог тотчас пробудился во мне, подтверждая догадку.

— Смотри! Смотри! Белозобый дрозд! — едва не закричал я спутнице, дергая ее за руку.

— Все-то ты знаешь, — сказала она, усмехаясь.

— Да ведь это — редкость! Большая редкость! — радостно подтвердил я. — Это тебе не обычный черный дрозд!

И, должно быть, привыкшая уже радоваться вместе со мной, жена улыбнулась, следя, как птица, отчасти похожая и на скворца, только вдвое больше, бегала по газону, деловито вылавливая кузнечиков.

Так и запомнилась мне крепость Акерсхюс, скорее, не пушками, не мрачными залами с коллекциями оружия, а белозобыми дроздами, мирно живущими тут в большом и красивом парке.

В последний день нашего пребывания в Осло мы опять были в неведении — куда истратить валютные норвежские кроны. Посоветались — и решили идти в центр, пошли, хотя заранее знали оба — ненужная это затея. В центре сосредоточены самые дорогие магазины, универмаги, торговые ряды. Здесь все дорого. Цены внушительные. Куда нам! Смотреть витрины? Толкаться в толпе? К тому же и жара была сегодня отнюдь не северная, понуждавшая многих норвежцев и норвежек одеться как можно раскованнее. В этой толпе мы гляделись прибывшими с полюса. В самом центре Осло, на оживленных улицах, было много не то чтобы нищих, но людей, пробивающихся подаванием. Вот благообразный мальчик-еврей лет четырнадцати старательно играет на скрипке. Юный маэстро зарабатывает на скудный хлеб. Дальше бородатый рыжий художник рисует цветными мелками на тротуаре. Еще дальше, на перекрестке, подобии маленькой площади, прыгает человек, похожий на цыгана или итальянца. Он темнокож, курчавые волосы, улыбка дьявола на желтом, копченом лице. Играет на саксофоне, приплясывает,

бьет в барабан, брякает медными тарелками, привязанными к коленям. Все это одновременно. Человек-оркестр. Получается довольно бравурная музыка в сочетании с каннибальским танцем. Закончив играть и плясать, обходит толпу со шляпой. Кроны и мелочь бросают не густо. Человек утомлен, но улыбается своей сатанинской улыбкой.

Еще дальше парень красивого вида, с чистым, правильным лицом, прическа — аккуратный проборчик, бренчит на гитаре. У ног, в раскрытом футляре, несколько медяков.

И уж совсем безнадежно дудел на какой-то трубе негр на углу улицы, сворачивающей прочь от центра. Негр был нечесан. Самый печальный негр, какого мы когда-либо видели. В шапке ни одной монеты. Эх ты, бедняга...

Такого рода заработок здесь, по-видимому, дело привычное. И не осудишь этих бедняков, скорее всего, они безработные. К тому же, кроме негра, все они не вызывали своим видом большого сострадания. Гораздо более трогательную и печальную картину видели мы как-то во французском городе Авиньоне. Там в привокзальных улицах, на углу одной из них, стояла целая семья. Молодой мужчина, женщина с ребенком на руках и маленький бурый щенок, привязанный за шею на веревочку. Муж играл на гитаре, женщина пела плачуще-крикливым голосом, ребенок привычно спал у нее на руках, но почему-то больше всех вызывал сострадание этот щенок на шнурке, покорно сидевший у ног четы, смотревшей на мир с трогательной щенячьей грустью. И, наверное, уж согрешу, не им, молодым и здоровым людям, сколько ему, склонившему набок свою трогательную детскую голову со свисающими краями пушистых ушек, кидали и кидали в футляр гитары латунные и никелевые франки и сантимы.

— Вот и попрошайничать тоже надо уметь, — сказал кто-то из нашей группы.

К попрошайничеству дома все мы привыкли относиться отрицательно: лодыри, тунеядцы, прохвосты — вот основные категории наших оценок. И они в основном справедливы для страны, где нет безработицы, работа всегда имеется, как всегда есть самый дешевый хлеб. А здесь были иные законы, иная жизнь, и, значит, иные требовались ее оценки.

Ничего не купив в центре Осло, мы вернулись на улицы близ отеля. Тут были магазины одновременно и проще, и разнообразнее. Ходить по ним даже интересно. Мало ли какой попадетя. Вот, например, магазин, торгующий старой морской утварью и атрибутикой. Чего только не было в нем! Обводы иллюминаторов, якоря, штурвалы старых парусников, морские снасти, медные колокола-рынды, зюйдвестки, морские сапоги и еще бог знает что. Покупателей в магазине не было. Казался необитаемым. Мы искали магазин раковин, но такого в Осло не нашли, зато обнаружили неплохой магазин хрусталя и фарфора. Деньги надо было тратить. «Зайдем? Купим что-нибудь в пару к той копенгагенской пепельнице?» — сказал я.

Сказано — сделано. Мы зашли в магазин к огромной радости двух парней-норвежцев, не то продавцов, не то хозяйских сыновей, последнее кажется более верным. Парни глядели на нас так, как смотрят на седьмое чудо света, само

собой явившееся в гости. Покупатели?! Мальчишки безошибочно угадали в нас людей, способных купить сверкающий товар.

Больше всего подошли нам по цене и стилю две литые хрустальные безделушки — конфетница и рогатая современная ваза для цветов. Только вот какую взять? Нравилась обе. Вернее, мне — ваза, а жене — конфетница.

— Купим обе! — решились на компромисс. Денег хватало. Вот и будут у нас норвежские сувениры из Осло! Вазы правда красивые и недорого.

— Мы это купим! — к огромной радости юнцов по-немецки сказал я.

Вазы нам бережно-бережно упаковали в коробки, нас проводили до дверей. Выйдя и оглянувшись, мы увидели обоих продавцов, выскочивших из магазина за дверь, очевидно, поглядеть на чудаков.

Дома, то есть в гостинице, мы распаковали вазы, чтоб еще раз полюбоваться творениями норвежских мастеров. Разглядывая внимательно, заметили на боковинках золотые круглые наклейки.

«Сделано в ЧССР», — четко было на них.

Ничего не осталось, как от души посмеяться.

— Так, глядишь, мы и с Урала что-нибудь здесь купим! — хохотала жена.

Ходит ведь такой анекдот не анекдот, но рассказик, как некая свердловчанка купила в Париже великолепные туфли-модерн, привезла домой и обнаружила клеймо фабрики «Уралобувь». Так или не так, но и я купил однажды в Париже красивые кроссовки для дочери. Дома дочь, сведущая в английском, прочитала, что сделаны они на Тайване.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЖИЗНЬ НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРНУТЬ НАЗАД

Повесть

Карл ЛЕВИТИН

Рисунки О. Шапкина

БОБ

— ...Все-таки лучше бы они не посылали в полеты женщин — и парадокс же с ним, с этим нелепым параграфом. Ну что в самом деле такового, если я действительно в последнее время не возился с «Чивером», а обследовал Капкан? Да, я немного обманывал Энн, но ведь так было спокойнее и ей, и мне, и Титу, который просто места себе не находит, если она нервничает. И вот — столько эмоций, столько слов... Впрочем, нет, слово она сказала всего одно...

Неужели трудно понять, что я просто не в силах заниматься постоянно одним и тем же делом? Надо же мне иметь отдушину для того, чтобы не спятить! Наконец, даже в научном отношении — в смысле истории космической техники, например, имело полный смысл искать номерной знак не чего-нибудь, а самого «Чивера-1». И вот теперь, когда я его нашел, когда коллекция, которую я собираю всю свою жизнь, стала на самом деле бесценной, вместо того чтобы порадоваться за меня — слезы, отчаяние, душевный кризис.

«Накопитель». Это надо же так сказать! Это я-то, которому лично вообще не нужно ничего. Как я могу заниматься мелким ремонтом, когда где-то рядом разбросаны обломки самого первого «Чивера», и среди них его номерной знак — сокровище, которому нет равных, ради которого не жалко потерять те несколько месяцев, что я оторвал от возни с кораблем. Да я и не оторвал ничего, потому что не было минуты, чтобы не думать о знаке, о его аверсе и его реверсе, о том, насколько он сохранен, и о том — что кривляться перед самим собой, — как вытянутся физиономии у дорогих коллег, когда я достану его из макрокляссера.

Теперь мне и впрямь нечего делать на Капкане, и я готов работать как кибер, лишь бы отсюда выбраться. И пусть все упреки, что раньше я не стремился на Землю, в чем-то верны, пусть — теперь-то у меня настоящий, могучий

стимул. Ну так, спрашивается, вокруг чего разговор, для чего все душевные метания?

А главное, для чего ворошить всю эту давнюю историю теперь, когда все в корне переменялось? Я довел-таки за эти годы корабль до такого состояния, что он может стартовать. Я работал как целая лаборатория и, быть может, придумал кое-что, чего на Земле еще и в помине нет. В конце-то концов Рольсен — это все-таки Рольсен! Но о каком старте может идти речь, когда Тит в трансформатории, время идет, а что делать — непонятно...

Лучше бы Энн, чем обвинять меня, вспомнила, как втягивала мальчишку в свои интеллектуальные игры, как забивала ему голову мыслимыми и немыслимыми проблемами. Конечно, Энн растила его практически сама, я ей скорее мешал. И выучила Тита она всему, чему только можно. И парень он вырос хоть куда. Но нет, нет и нет моей вины в том, что он решил перевернуть мир! Тысячи мальчишек в его возрасте ни о чем не советуются с отцом — и вовсе не потому, что тот что-то когда-то сделал не так.

...Если же честно, то я в полной растерянности. Взламывать трансформаторий? Но как? Да и что будет с Титом и тремя капканцами, которые сейчас там? Ждать? Но сколько? Думать? Но о чем? Не думать? Но это невозможно... Единственное, чем удается поддерживать душевное равновесие — хоть изредка, тайком взглянуть на «Чивера», отчищенного, расправленного, тщательно реставрированного. «Номер по каталогу — один!» Так именно и будет сказано при первой его демонстрации. И непременно с восклицательным знаком.

Но довольно — надо же все-таки что-то делать. Итак, что нам известно доподлинно? Тит каким-то путем проник в трансформаторий. Медальон Энн почему-то идеально пришелся к отверстию в его люке. Какую-то роль сыграла и моя бриллиантовая булавка — правда, она найдена у входа, Тит ее с собой не взял. Далее. Принцип действия трансформатория ясен лишь в самых общих чертах. Чиверяне отчего-то не оставили его описаний — как, впрочем, и вообще никаких записок, дневников, отчетов и тому по-

добного. Любой разговор с капканцем о трансформатории бесполезен.

Теперь так. Старик-младенец, то есть капканец, проживший в обратном порядке свою жизнь от девяноста лет до года, попав в трансформаторий, в течение двенадцати месяцев снова становится девяностолетним. При этом память его стирается, а все нарушения, случившиеся в его организме за истекший период жизни, исправляются. То есть, иными словами, трансформаторий каким-то образом узнает, каким должен стать попавший в него человек, когда он его через год покинет, — как приемная антенна космодрома узнает по номерному знаку принадлежность корабля.

Итак, трансформаторий узнает личность старика-младенца и точно знает, что с ним надо делать. Тут две возможности. Либо в нем есть программа для каждого из оставшихся в живых чиверян, либо же каждый капканец несет эту программу в себе. В обоих случаях совершенно неясно, как станет трансформаторий поступать с Титом. Ведь он не член экипажа «Чивера-1», не капканец вовсе, и биологические процессы у него идут в прямом, то есть земном направлении. Но если трансформаторий станет подгонять его под какую-нибудь из хранящихся в нем программ... страшно подумать, что может получиться. У мальчика нет ничего капканского, нет даже их неизменного металлического прямоугольника с неизменной цепочкой.

...Да, а что если прямоугольник и есть программа? С пластинки считывается информация для трансформатория, на нее же наносятся данные обо всех проделанных операциях. Она — как бы машинный портрет капканца. И как это раньше не пришло мне в голову? Быть может, даже более того — капканцы потому и не снимают никогда свою цепочку, что она как-то регулирует их внешний путь, когда они живут свои долгие годы под контролем климатизаторов.

Вот это была бы действительно коллекция! Каждая пластинка — уникал, в единственном экземпляре. Подделка невозможна. Копирование — проблематично. Одним словом, она, пожалуй, затмила бы и моего «Номера Первого».

Вот только как добыть для начала хотя бы одну пластинку?

08.00.00/363.562/У

- Событие не предусмотрено программой...
- Появление людей, минуя трансформаторий...
- Сразу двое...
- Разнополюе...
- Мужчина и женщина...

- Популяция резко увеличилась...
 - Мощность климатизаторов достаточна...
 - Запас пищевых ресурсов велик...
 - График трансформатория? Он собьется...
 - Не предусмотрено...
 - А она красива...
 - О чем это?
 - Информационная ценность высказывания — ноль...
 - Ситуация не требует ответных реакций...
 - Наступление времени «Ч» характеризуются: первое — появлением новых обитателей планеты, второе — возникновением нового эмоционального настроения по всей популяции...
 - Время «Ч»...
- 09.00.00/363.562/У

ЭНН МОРАН

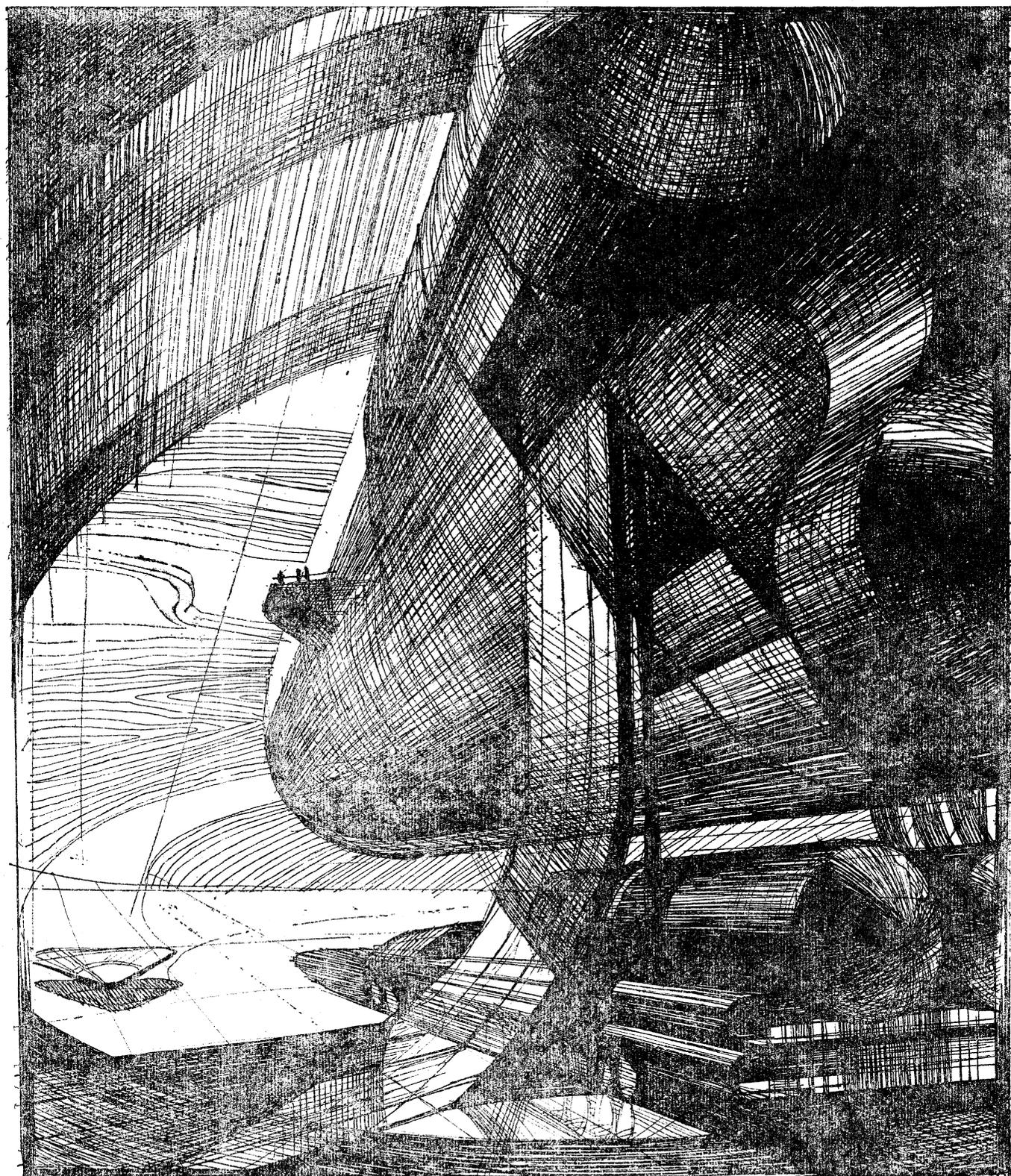
— Я жду тебя, Анна, — и он сразу же отключился, не ожидая ответа.

Она инстинктивно расправила складки формы, хотя это не был вызов к командиру. Наверное, он все-таки умел читать ее мысли. Прошло более месяца со дня последней их встречи, она забыла о ней, и только сегодня утром впервые подумала, что давно уже никто не называл ее этим именем. И почти тут же засветился интерком.

Ему не надо было называть ни место, ни время. «Анна» — это был как бы пароль. Энн неторопливо шла парком мимо озера, мимо светлого шарообразного здания штаба ЭРЭ, мимо тира и бассейна — мимо всего, что ей предстояло вскоре покинуть.

Знакомые здания библиотеки, технического корпуса, пункта космической связи, зоны отдыха... Из запрятанных неизвестно где динамиков, расположенных так, что звук доходил к любой точке со всех сторон почти одновременно, доносился сильный, чуть хрипловатый женский голос. «Жизнь невозможно повернуть назад», — повторял он в каждом куплете, и эти странные слова, столь очевидно противоречащие всему, чему ее учили на нескончаемых курсах биофизиологии и анабиотики, наполняли душу Энн каким-то удивительным чувством, словно в раскопанных любителями древней старины словах и мелодии заключался некий высший, недоступный пока еще ей смысл.

Но Энн не стала останавливаться, чтобы вслушаться как следует в эту необычную песню. Почти бегом миновала она зону отдыха и вошла в лес, окружавший владения ЭРЭ. Узкая тропинка — для них она была «изумрудной дорогой» — вела к небольшой овальной поляне. Ярко-крас-

ный двухместный суперглайдер — единственная настоящая роскошь, которую Морев разрешал себе иметь — стоял у дальнего края, и закатное солнце отражалось в его больших выпуклых стеклах. Отодвинулась, пропуская ее, дверь, и он улыбнулся ей — радостно и в то же время грустно.

— Добрый вечер, Марк, — сказала она, потому что знала: сейчас рядом с ней — не Главный, не грозный начальник ЭРЭ командор Морев, а прежде всего ее друг, верный и нежный, надежный и всепонимающий. Друг, которого вот так близко она видит, скорее всего, в последний раз.

Легкая быстровзлетная машина почти мгновенно взмыла ввысь. Энн сильно и мягко вдавила в кресло, счастливое ощущение полета стерло все мысли и чувства. И тотчас же глайдер пошел на снижение, гигантским прыжком перебрисив их к стартовому комплексу, откуда уходили в далекие экспериментальные полеты все корабли Экспедиции. Не разумом — чутьем Энн поняла, почему он выбрал для разговора именно это место: тут он чувствовал себя наиболее уверенно и привычно. Лихо и вместе с тем предельно осторожно — Энн любила эту его манеру вождения — посадив глайдер, он выпрыгнул из машины, обошел ее и открыл вторую дверь снаружи. Никто из пилотов никогда не позволил бы себе такой смешной старомодной учтивости, но Главный жил по собственным законам — во всяком случае в том, что касалось его личной жизни.

— Я хочу проститься с тобой здесь, — сказал Марк, подводя ее к серо-стальной громаде корабля.

Последний луч солнца скользнул по обшивке, матово засветились цифры «2923» на номерном знаке. И снова Энн отчетливо увидела, что происходит в его душе: он привык расставаться у трапа звездолета, только такое прощание принимая всерьез.

— Марк, — сказала она, положив ему руки на плечи, — полет будет очень долгим?

Он молча кивнул.

— И очень трудным?

Он кивнул снова.

— Почему же тогда ты выбрал именно меня?

— Причин несколько. Для дальнего эксперимента согласно инструкции нужна девушка-пилот не старше двадцати биологических лет, имеющая летный балл не ниже 250.

— Таких в ЭРЭ немало.

— Совместимая с пилотом...

— О, таких еще больше, — сказала Энн с неожиданной для нее самой горечью: из ее подруг чуть ли не половина заглядывалась на Рольсена,

и многим из них он отвечал взаимностью...

— ...отважная, добрая, умная, красивая, самоотверженная...

— Этого нет в инструкции! — Энн засмеялась.

— В ней много чего нет. Например, что я тебя люблю.

— Не надо, Марк, — сказала Энн мягко.

— Я просто называю еще одну причину, почему летишь именно ты. Дело не в факте моей личной биографии, а в том, что факт этот дает пусть призрачную, но все-таки надежду на успех вашего полета.

— ?

— Я мало что могу сказать тебе, Анна... Видишь ли, истинную цель вашего эксперимента сейчас тебе знать не разрешено. Психологическая служба всегда категорически против того, чтобы экипаж, которому предстоит сверхдлительный полет, был заранее информирован о конечной точке и поставленных задачах: это создает ненужную напряженность. В этом, поверь, есть большой резон.

И все-таки в общем виде я хочу сказать тебе, что вас ждет совершенно необычное, поиск, к которому никто из нас не готов — да и не может быть готовым.

— Поиск, Марк?

— Да, Анна. Именно так. И может случиться, что тебе там — я имею в виду сектор поиска — встретится человек, чем-то похожий на тех, кого ты знаешь здесь, в ЭРЭ...

— Не пугай меня — или не шути так странно.

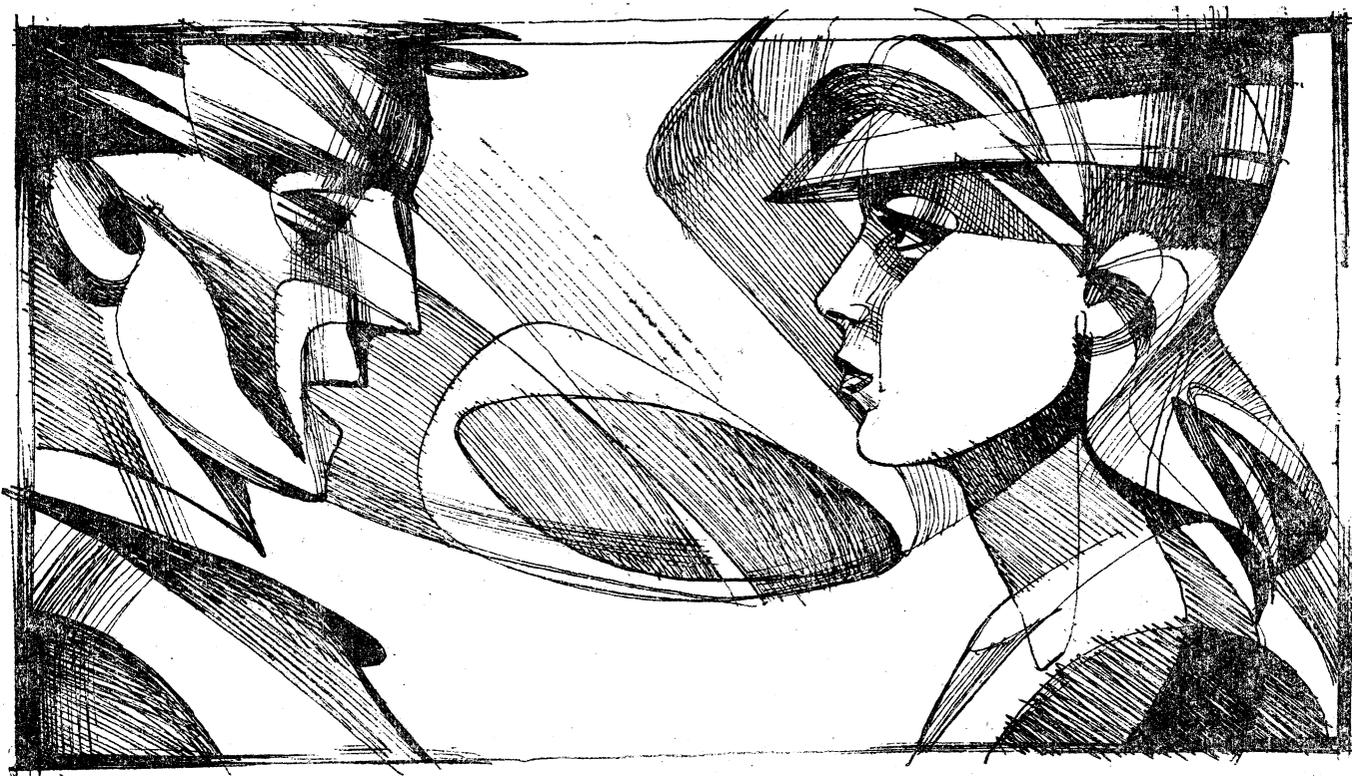
— Я не шучу. И тебе вовсе не надо пугаться — наоборот, я хочу, чтобы ты знала. Если вдруг так окажется, что человек этот будет хоть немного похож на меня, он обязательно будет любить тебя, Анна. Для него ты будешь самой красивой и самой умной, и он не сможет сказать «нет» — о чем бы ты ни просила. Это закон любви. И вот еще. Этот медальон — на память о всех нас, оставшихся на Земле.

— Ты все-таки хочешь, чтобы под конец я расплакалась, как девчонка! Между прочим, я видела точно такой же — наш Грусткин вот уже полгода с ним не расстается.

— Это он и есть, я лишь положил внутрь свою командорскую булавку. Это не просто сентиментальный жест при расставании. Видишь ли... наши мудрецы, Грусткин в первую очередь, считают, что обе эти вещи — медальон и булавка — могут иметь для вас некое важное значение.

— Марк, ты говоришь загадками.

— Да, Анна, но беда в том, что я не знаю отгадки.

Прокручивая этот разговор в памяти раз за разом, Энн пыталась восстановить малейшие подробности. Ей все казалось, будто что-то важное ускользнуло, стерлось, и тем потеряв ключ к решению капканских проблем. В тысячный раз пытаясь воссоздать в воображении тот вечер, она вспоминала и закатное солнце, и легкий запах скошенной где-то вдалеке от бетона космодрома травы, и ощущение спускающейся на землю прохлады, и тогда в ушах ее звучал незабываемый, оказывается, несмотря на годы и не поддающееся представлению пространство, голос. Энн закрывала глаза и отчетливо видела Марка Морева, который почему-то вовсе не казался маленьким рядом с серебристой громадой корабля. Но он не произносил ни одного нового слова — только те, что она и без того знала наизусть.

И все-таки какой-то намек, умело скрытая подсказка таились в прощальном разговоре. Конечно, теперь-то Энн понимала, почему ни Морев, ни Игорь, больше всех других сделавшие для осуществления их полета, сами не приняли в нем участия: как хирургу не позволено оперировать своих близких, так и в группы поиска никогда не включают тех, кто может испытать недопустимый в экспериментальном полете стресс от встречи с разыскиваемыми. Это правило ста-

новится неукоснительно соблюдаемым законом, если речь идет о генетически связанных людях — родственниках по восходящей или нисходящей линии. И Марк, и Грусткин — они были потомственными космолетчиками, они принадлежали к той небольшой группе семей, где все включения работают только в системе Большого Космоса. Их далекие прапрапрадеды улетели на «Чивере», и если бы Энн хоть немного интересовалась историей, она непременно прочла бы эти фамилии в любом документе той эпохи.

Времени у нее было много. Энн продумала такое количество вариантов возможных рассуждений Морева, Грусткина и других сотрудников Экспедиции, которые готовили их полет на Капкан, что почти не сомневалась — картина сложилась у нее верная. Они с Рольсеном были одними из немногих «чужаков» в космолетической среде — и уже по одному этому попали в список кандидатов на полет. Наверное, Грусткин не только сам предложил кандидатуру Рольсена, но и горячо настаивал на ней — они были непримиримыми противниками в спорах о теоретической космонавтике и одно это должно было побудить болезненно щепетильного в вопросах этики Грусткина требовать для Рольсена всех прав и преимуществ в любой иной, отличной от их словесных баталий, сфере. Только теперь Энн

прозрела. Игорь, зная, что именно Рольсену предстоит лететь на поиски Невернувшихся, специально вел с ним многочасовые дискуссии, постоянно провоцируя на спор. Грусткину нужно было возбудить в Борисе способность к анализу, сбить с него самоуверенность удачливого космобродяги, развенчать дешевый романтизм лозунга «летать — чтобы летать». Конечно, в их препирательствах многое было гротескно заострено, но главное Игорь усмотрел верно. «Всеядность» Рольсена, его стремление проникать во все мыслимые области, становясь там своим, признанным, — эту его черту Грусткин высмеивал особенно ядовито. Это — все та же страсть к коллекционированию, говорил он. Одни складывают в коробку конфетные обертки, другие — восторженные отзывы специалистов разных дисциплин о своих успехах и эрудиции. Но толку в обоих случаях — ровно никакого.

И все эти словопрения об устафобии и параграфоненавистничестве преследовали все ту же цель — подготовить Рольсена к самым непредвиденным обстоятельствам, о которых Игорь думал, видимо, непрестанно. Поддевая Бориса, втягивая его в бесконечные беседы, Грусткин исподволь направленно рассказывал ему о важных эпизодах из истории космоплавания, Рольсену неведомых. Игорь вел сложную утомительную игру — помимо воли Бориса внедрить в его сознание массу сведений, тщательно отобранных, умело проинтерпретированных, афористично изложенных — с расчетом, чтобы они всплыли из рольсенского подсознания в нужный момент, даже если момента этого ждать придется невозобразимо долго.

В свете этих соображений история с медальоном и булавкой становилась прозрачно ясной. Очевидно, Грусткин, дотошно изучивший все, что связано с «Чивером-1» и его экипажем, установил, что среди земных предметов, безусловно фиксирующих на себе внимание, у чиверян были две такие вещицы — семейная реликвия, быть может, даже грусткинского древнего рода, и знак высшего воинского отличия — не исключено, что он принадлежал отдаленному предку Морева. Далее, моделируя рассуждения чиверян — так как Энн сейчас моделировала его, Грусткина, строй мысли, — он пришел к выводу, что Невернувшиеся постарались именно эти два предмета использовать как символы, понятные землянам, поскольку они, чиверяне, тоже, вне сомнения, моделировали психику землян.

...Эти мысли, ставшие для Энн и ежедневной гимнастикой ума и смыслом жизни одновременно, делали ее нынешнее капканское существование хоть немного терпимее.

10.00.00/181.740/У

Хранилище трансформатория, кассета № 5:

...Общий Совет экипажа суперкрейсера «Чивер-1», полностью отдавая себе отчет в том, что в обозримом будущем не приходится надеяться на помощь Земли, считает себя обязанным принять все меры к тому, чтобы задачи, поставленные перед кораблем и его командой, были выполнены. При этом он исходит из того незыблемого положения, что Экспедиция Разрешенных Экспериментов, членами которой они являются, никогда не оставляет поиски своих сотрудников, и как только причины, препятствующие организации такого поиска, перестанут действовать, он будет немедленно осуществлен. Поэтому Общий Совет экипажа принимает предложение командира корабля Морева, доложенное им и детально обсужденное Советом, созная всю его необычность и принимая на себя всю меру ответственности.

Совет надеется, что время «Ч» наступит достаточно скоро и что все члены экипажа суперкрейсера, оставшиеся к настоящему моменту в живых, встретят его как и подобает офицерам-исследователям ЭРЭ.

11.15.00/181.740/У

БОРИС РОЛЬСЕН

Прошло всего три с половиной месяца с того проклятого дня, когда Тит исчез в трансформатории, но за это время жизнь на Капкане изменилась самым неожиданным и самым кардинальным образом. Пока Рольсен днями бродил вокруг желтых стен, пытаясь найти хоть какую-нибудь возможность проникнуть внутрь, не нарушая при этом режима трансформатория и тем самым не ставя под удар ни Тита, ни трех отлеживающихся в нем капканцев, Энн, руководствуясь абсолютно непонятными ему соображениями, отправилась в дом к Мореву и совершила невозможное: уговорила его снять свою пластинку и отдать ее им с Рольсеном, чтобы с ее помощью попытаться отворить двери трансформатория и вызволить Тита. Энн примчалась с этим драгоценным поблескивающим прямоугольником прямо к Борису, но сколько ни рассматривали они его, сколько ни старались просунуть в какую-либо неизвестную им, но специально предназначенную для этого щель, ничего из этого не вышло.

Однако последствия более чем странного (учитывая, что Рольсен и словом не обмолвился с ней о своих новых коллекционерских планах) поступка Энн оказались в известном смысле не

менее важными, чем если бы им удалось обратиться за желтые стены. На третий день после этого знаменательного события Морев вдруг появился на пороге их дома. По капканским понятиям этого просто не могло случиться: больших домоседов невозможно было представить себе даже чисто теоретически — лишь в день встречи Возвращающихся да еще несколько раз в году, когда информаторий извещал всех о необходимости той или иной коллективной акции, капканцы виделись друг с другом.

Но первый за всю капканскую, с позволения сказать, жизнь визит поразил их не только самим своим фактом. Прежде всего — это просто бросалось в глаза с первого взгляда — шевелюра Моревы претерпела решительные перемены, словно он посетил несуществующий на Капкане модный салон-парикмахерскую. Или, скорее, наоборот, — словно он был самым заурядным землянином, довольствующимся природным цветом волос, быть может, лишь со слегка синеватым оттенком. Другая перемена, однако, была несравненно более существенной. По сути дела к ним пришел совсем иной Морев, лишь внешне похожий на того, кого они видели — на разных этапах его существования — все эти четырнадцать лет. Он словно проснулся — да так оно и действительно и было. Морев ничем не напоминал полных младенческих сил и ощущения раскрывающейся перед ними жизни капканских старцев. Он выглядел на свои нормальные восемьдесят лет и напоминал им обоим Главного не только возрастом и внешностью, но и чем-то неуловимым в манере вести себя. Войдя, например, он сразу уставился на Энн и несколько секунд — совсем как его земной тезка — неотрывно глядел на нее, словно замерев. А потом сказал, будто продолжая прерванный разговор:

— Ну что, видимо, мне следует кое-что вам рассказать.

Он произнес эти слова таким деловым тоном, так четко и уверенно, что еще до того, как смысл сказанного дошел до них, Рольсен и Энн одновременно, не сговариваясь, бросились к экрану информатория. Но по всем каналам шла все та же капканская чушь — ликбез для новорожденных, премудрости космонавигации для младенцев, рутинные программы для всех остальных. Нет, здесь все было по-прежнему. Из этого источника Морев не мог почерпнуть никакой информации для своего чудесного превращения во взрослого, мыслящего и знающего человека.

Марк спокойно наблюдал за тем, как они щелкали переключателями программ.

— Дело в этой безделушке, Анна, — сказал он, показывая рукой на цепочку с пластинкой,

которую Рольсен повесил на шею, не отдавая даже самому себе отчета в том, что он не в силах хотя бы на минуту расстаться с первым экспонатом новой коллекции. — И еще вот в этом всем, — Морев сделал рукой широкий жест, которым охватил весь их капканский дом, доставшийся им по наследству от неизвестного чиверянина, переоборудованный Рольсеном и превращенный стараниями Энн в уютное земное жилище.

Марк прошел на середину комнаты и сел в кресло — так, что ему видна была одна только Энн. «Да что с ним случилось? — подумал Рольсен. — Будто родился заново».

— Я вновь стал человеком, — сказал Морев, словно услышав этот его невысказанный вопрос. — Из-за тебя, Анна.

Он второй раз назвал ее так, с удивлением отметил про себя Рольсен. Откуда эта архаика?

Но Энн улыбнулась Мореву открыто и радостно.

— Я так счастлива, — сказала она. — Хотя, Марк, если честно, до конца все-таки не понимаю, как все произошло.

— Ты думаешь, почему мы тут прозябаем? — сказал он, неотрывно глядя на Энн и по-прежнему не замечая Рольсена. — Зачем вся эта карусель, все ненавистные циклы и генерация?

— Я думаю... — нерешительно начала Энн, — то есть предполагаю, догадываюсь — чтобы выжить, сохраниться любой ценой.

— Конечно, — кивнул головой Морев. — Но к чему круговорот людей, как ты считаешь?

— Зачем ты экзаменуешь меня, Марк? За полтысячи лет мы не разучились мыслить и делать выводы из ясных посылок. Даже самые лучшие климатизаторы совершают ошибки. Их надо как-то исправлять — отсюда и трансформаторий, и смена поколений, и все прочее.

— Значит, самого главного ты все-таки не поняла. С обычными сбоями программы, которые происходят при жизни человека, мы как-нибудь уже справились бы и никому бы и никогда не надо было ни стареть, ни молодеть. Ты только подумай: квалифицированные, тщательно отобранные химики, медики, физики, биологи, привыкшие к напряженной работе, — и вдруг оказываются не у дел, а в то же время от их эрудиции, умения, научной смелости зависит жизнь и их самих, и их товарищей. Мы здесь работали, ежесекундно подгоняемые смертельной опасностью и жгучей необходимостью, и потому, наверное, кой в чем сумели обогнать землян. Во всяком случае с физиологическими отклонениями мы могли бы совладать.

— Но что же еще, Марк? Неужели мало тех

бед, что есть? Что еще происходит на этом проклятом Капкане, какую его дьявольскую хитрость мы пресмотрели?

— Сам механизм ловушки, Анна. Мы тоже очень долго не могли понять его, а ведь нас было много. Прошли годы, пока стало ясно: с нами что-то происходит, мы меняемся, становимся иными. Нет, не внешне — в душе. Характер, интересы, взгляд на мир, отношение к себе и другим... «Мы стали слишком сами собой», — сказал тогда Грусткин. И он был прав — тысячу раз прав.

Рольсен стряхнул, наконец, с себя оцепенение, в которое вверг его весь этот дикий бред. Достаточно ему многомудрых высказываний земного Грусткина, чтобы выслушивать еще и заумь капканского!

— Ты можешь объяснить что-нибудь простыми словами? — зло сказал он.

Но ни Марк, ни Энн, казалось, не услышали его.

— «Слишком сами собой»... — раздумчиво повторила она. — Не хочешь же ты сказать, Марк, что Капкан проявляет...

— Именно, Анна, это самое точное слово. Ничего не создает вновь, но лишь усиливает то, что уже было в душе, сознании, памяти. Проявляет — но так, что становится страшно, потому что главная, доминантная черта личности обостряется, уродливо разрастаясь, подавляя в человеке все остальное.

— Странно, Марк, мне не раз приходило в голову что-то похожее, но я гнала от себя эту мысль — ведь слишком уж неправдоподобным должен быть механизм, не только нащупывающий, но еще и усиливающий в нас самое основное, о котором мы порой и не догадываемся...

— Вовсе нет, Анна, вовсе нет. Самое сложное чаще всего оказывается как раз самым простым. Поле галактики, в которую входит Капкан, улавливает малейшие проявления разума и воссоздает интеллектуальный портрет любой мыслящей системы, которая, на свое несчастье, в него попадает. А дальше — и вовсе несложно. Вокруг носителя разума линии поля искривляются так, что получается как бы негатив такого портрета: все характеристики личности в нем имеют знак минус, где было черное — там столько же белого. И лишь одна-единственная черта, пиковая, выступающая на общем фоне, не может быть задавлена внешним капканским полем, просто мощности его не хватает. Вот она-то и остается от всей неповторимой индивидуальности, некогда полной жизни и красок. Только то, что составляет самую суть, истинное «Я»; сокровенный смысл существования...

...Поразительно, думала Энн, слушая Марка. Насколько же он не похож на Главного — другое лицо, фигура, манера говорить, ходить, жестиковать, не говоря уж о капканском синеволосии и безжизненности, которые даже теперь полностью не исчезли. И все-таки что-то неуловимо близкое, знакомое, узнаваемое мгновенно не умом, а сердцем, какая-то сердцевина, стержень, главная пружина...

— ...все больше превращались в скопление людей-символов, из которых каждый представлял собой лишь одну какую-то черту характера, уродливо заостренную и развитую, — услышала она слова Марка, и неожиданное воспоминание вдруг нахлынуло на Энн.

— Так вот почему сначала стерлась память корабельного мозга, а потом он с таким упорством стремился уберечь нас от всех опасностей, реальных и мнимых, — сказала она. — Истинная суть бортового компьютера — забота об экипаже, остальное — лишь более или менее существенные детали.

— Да пустое это все! Наносное! Все дело в номерных знаках, — вдруг вступил в разговор Рольсен, до этого молчавший, обиженный невниманием к нему. — «Капканское поле», «капканская вселенная», — передразнил он Морева-6. — Самая обычная система, ничем не хуже и не лучше стандартных автозапросчиков любого нормального космодрома. Как только в его зону входит корабль, с номерного знака считывается вся нужная информация. А поскольку номерной знак в целях надежности связан с центральной ЭВМ многими радиоканалами, то он всегда, при любых условиях и даже поломках сам, в автоматическом режиме, посылает на запрос космодрома данные о типе корабля, его экипаже и текущем состоянии жизненно важных параметров всех бортовых систем. Таким образом даже самый примитивный автозапросчик получает как бы мгновенный снимок корабля.

— Верно, Рольсен, — сказал Марк. — Фокус лишь в двух вещах. Автозапросчик всего-навсего либо пропускает корабль, либо поднимает тревогу, а тут в ответ на любой сигнал разума — естественного или, как выяснилось с вашим «Чи-вером-2923», даже искусственного, меняется конфигурация поля.

В комнате установилась странная, никого из них не удивляющая и не гнетущая тишина.

...Поразительно, подумал Марк, как просто и естественно решил вопрос, столь мучавший их в свое время: как узнают они, как почувствуют, что долгоданный «час Ч» наступил, как сумеют выбраться из замкнутых кругов своих нежизней, что за могучий импульс должен пробить броню,

за которую они сами запрятали себя. «Ясновидение любви», — вспомнились ему старые слова не то из позабытого романа, не то из какого-то бесконечного сна, который, быть может, виделся ему все эти годы.

...До какой же степени точно представлял себе земной Марк все то, что может произойти в ее душе, думала Энн. Пожалуй, только теперь она по-настоящему поняла, как глубоко и сильно любил ее Главный — так, что сумел прозреть будущее, во всяком случае в том, что касалось ее, Энн, чувств и мыслей. Нет, не глаза или голос, не походка и цвет волос... Умение забывать себя до полного растворения в делах, радостях и горестях другого — вот что составляло суть Марка Морева, и земного и капканского, именно ее сохранили гены и она же безошибочно была нащупана «проявителем» планеты-ловушки. Наверное, главный считал, что его восемьдесят лет не дают ему права на счастье. А может быть, жертвовал им ради успеха экспедиции? Или же он думал о своем далеком предке, носившем его фамильное имя, которого Энн могла спасти — она и никто другой?..

Пауза затягивалась, и Марк стал в подробностях рассказывать об устройстве климатизаторов — механизмов, не только поддерживающих жизнедеятельность людей, но и снижающих до приемлемых пределов воздействие капканского поля. С какой-то непривычной отстраненностью Энн вспомнила, как подолгу Рольсен находился вне климатизаторного поля, порой даже без скафандра.

Морев-6 между тем стал говорить совсем о другом — не о технических деталях, к которым Рольсен проявлял известный интерес, а о проблемах разрешенности эксперимента, всегда волновавшую Энн. Но Рольсен проявил такое подчеркнутое равнодушие, даже безразличие к словам Марка, что Энн осталось лишь предложить Мореву обсудить эту тему по дороге к его дому, куда она вызвалась проводить его — при молчаливом неодобрении Рольсена.

Ничего, кроме новой волны раздражения, посещение Морева-5 у Рольсена не вызвало. Ну да, конечно, его концепция капканского захвата не лишена интереса. Хотя, с другой стороны, не скажи им он, Рольсен, о бросающейся в глаза аналогии с номерными знаками и автозапросчиком — сами, наверное, так и не догадались бы.

Идея климатизаторного рая — недурна. Но вот существовал же он, Рольсен, месяцами вне этого технического Эдема — и ничего, слава Эйнштейну, с ним не случилось. Более того, нашел «ЧИВЕРА ПЕРВОГО»!

Ну, а уж все заумные заламывания рук, ко-

торые последовали за принятыми чиверянами вполне разумными техническими решениями, он, Рольсен, понимать попросту отказывается. Уж и климатизаторы действуют, и трансформаторий в принципе придуман, а они все еще ломают голову над «главной», видите ли, задачей. Сама идея трансформатория должна, по их понятиям, пройти главный тест — на разрешенность эксперимента. Иными словами, чиверяне раньше всего должны сами себе ответить на вопрос: допустимо ли в данных условиях вмешиваться в биологический цикл развития людей ради того, чтобы сохранить для Земли человеческую популяцию, обратив для этого офицеров-исследователей в некое подобие круговорота веществ в природе? Можно ли превращать индивидуальную волю к жизни в коллективное выживание? Разрешают ли высшие принципы, заложенные в инструкции, делать из коллектива пилотов и научных работников машину, законсервированную и самообновляющуюся, но пребывающую в бездействии до того момента, когда некая внешняя сила побудит ее функционировать?

Вот такие вопросы решали, оказывается, чиверяне — вполне в духе земных грустких талмудистских рассуждений. А ведь критерий разрешенности прост и ясен даже ребенку. Должна быть соблюдена иерархия ценностей. «Быть и оставаться прежде всего мыслящим существом, потом — человеком, землянином и уж в последнюю очередь офицером-исследователем». Это — прописная истина, которую Главный счел нужным напомнить при своем появлении в секторе поиска. Ну и, стало быть, раз интересы высшего разума требуют, чтобы были нарушены законы не только космопилотские, но даже и земные и просто человеческие, то так и следует поступать. Есть инструкция — вот и следуй ей, не тратя сил и времени на философские метания.

...Да, а что все-таки случилось с Моревым-6, что он заявился к нам собственной персоной?

04.22.45/363.812/У

ЭКИПАЖ МАЛОГО ВНЕГАЛАКТИЧЕСКОГО ОХОТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ РАЗРЕШЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ «ЧИВЕР-2923» УВЕЛИЧИЛСЯ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА. РОДИТЕЛИ: БОРИС РОЛЬСЕН, КОМАНДОР, ПЕРВЫЙ ПИЛОТ, И ЭНН МОРАН, КАДЕТ-ЛЕЙТЕНАНТ, ВТОРОЙ ПИЛОТ. ИМЯ, ДАННОЕ ПРИ РОЖДЕНИИ: ТИТ.

ЗАПИСЬ В БОРТОВОМ ЖУРНАЛЕ ПРОИЗВЕД КОМАНДИР КОРАБЛЯ РОЛЬСЕН.

04.23.15/363.812/У

ВТОРОЙ ПИЛОТ

В некотором — правда, слишком уж горьком — смысле разговор с Моревым принес Энн душевное успокоение. В том, что Борис все больше становился другим, чужим ей человеком, виноват не столько он сам, сколько атмосфера Капкана. Конечно, не слишком радостно, что доминантные черты его характера оказались именно такими, но, с другой стороны, человек — не хордовое, у которого все вытянуто вдоль одного стержня. Всякая личность многогранна, она именно тем и ценна, что представляет собой уникальную, нигде более не встречающуюся комбинацию качеств и свойств души. Да, все разговоры его о гнете правил и наставлений над свободой личности на деле обернулись всего лишь бравадой. Борис растерялся в этой исключительной ситуации, когда его стремления осуществились в значительно большей мере, чем он мог рассчитывать, утратил присутствие духа, и потому его страсть к коллекционерству возоблада над другими мыслями и чувствами.

Рассуждая так, Энн не сознавала, что ее образ мысли продиктован тем же самым воздействием капканского излучения или таинственного психологического проявителя. Ей было невдомек, что свойственное ей желание видеть Рольсена умным, сильным, смелым и непогрешимым, а саму себя — недостаточно опытной, слабой, вечно сомневающейся усилилось за годы, проведенные на планете-ловушке. Но точно так же мимо сознания ее прошла и другая происшедшая с ней метаморфоза. Готовая подчиняться, почти полностью забывая себя, пока человек, чью волю она счастлива была исполнять, был в ее глазах единственным в мире, кого она любила, Энн становилась независимой, самостоятельной и активной, как только чувство это ослабевало. Так было на Земле, естественно, так же должно было быть и на Капкане. Она и в самом деле была «отважной, доброй, умной, красивой, самоотверженной», как говорил начальник ЭРЭ, но лукавить она не умела. Еще не отдавая себе отчета в том, что случилось в ее душе, Энн, ничего не сказав Рольсену, отправилась в жилище Морева-6, не зная пока, каким образом она сумеет убедить его помочь ей.

Но ей не пришлось ни в чем убеждать его. Видимо, какая-то пелена спала с его, а может быть, и ее глаз. Морев-6 долго и сосредоточенно смотрел на Энн, словно что-то вспоминая из того, чего не было и не могло быть в его памяти. Потом, так же не отводя от нее взгляда, не мигая и не произнося ни слова, он, как во сне, протянул руки к цепочке, висевшей у него на шее,

и также неестественно медленно снял ее вместе с прямоугольной пластинкой. Какое-то время лицо его сохраняло все то же бесстрастное и безжизненное капканское выражение, но постепенно оно просветлялось, и в глазах его появилось нечто вполне осмысленное, не только условно земное, но вдобавок еще и крайне знакомое.

— Зови меня Анной, — сказала Энн.

Полтысячелетия, разделявшие их, пронесли за неуловимое человеческим сознанием мгновение. «Любовь — это вроде опьянения», говорил Марк, повторяя вековую мудрость. Но и опьянение — оно тоже вроде любви, во всяком случае то, что вызывалось капканским наркотиком: смешаются пропорции в восприятии, и человек не властен над этим. В сущности, в душе не рождается ничего нового, лишь усиливается то, что в ней было, но таилось.

— Зови меня Анной, Марк, — сказала она.

ОТЧЕТ

ВТОРОГО ПИЛОТА «ЧИВЕРА-2923»
КАДЕТ-ЛЕЙТЕНАНТА ЭКСПЕДИЦИИ
РАЗРЕШЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ ЭНН МОРАН
Планета Капкан,
23 час. 32 мин. 00 сек.
3014 день VI-й космозры.

...По сведениям, полученным в архиве капканского трансформатория упомянутым выше Титом Рольсеном, суперкрейсер «Чивер-1» совершил вынужденную посадку на планету Капкан в 17.35.04 в 170.789 день V-й космозры. При посадке корабль потерпел аварию. Личный состав удалось спасти.

Энн отложила составление отчета, по привычке отметив время — 02.15.05/3015/VI, и прислушалась к звукам в доме. За стеной мирно посапывал Тит, в углу комнаты разметался на кровати Борис, что-то бормоча во сне злым, недобрым тоном. В последние дни нервы его совсем сдали. От былого спокойствия, благорасположенности, мягкости не осталось следа. Если теперь он и напоминал медведя, то голодного, раздраженного, только что вылезшего из берлоги. Все, что происходило вокруг него, он воспринимал как угрозу своему авторитету, или свободе своей личности, или еще кибер знает чему. В этом вывернутом наизнанку мире, говорил он, самое лучшее, что можно делать, — это поступать не как принято в нормальных земных условиях, а как хочется, как желает душа, а не требуют бессмысленные инструкции.

Но разве зло перестало быть злом, а добро — добром только из-за того, что время течет вспять? Из того, что капканцы волею обстоятельств все на одно лицо, вовсе не следует, что допустимо терять собственное лицо, оказавшись в их мире. Ведь тот же Тит...

Энн поставила новое время — 02.18.30/3015/VI и продолжила составление отчета...

Идея «интеллектуального негатива» (по сути своей — идея обращенности), на которой зиждется механизм капканской ловушки, натолкнула командира суперкрейсера командора Марка Морева на мысль, что в принципе возможна обращенная форма жизни. Таким образом им, задолго до профессора Леоновича, были сформулированы условия отказа от униполярности жизненных процессов. Так была построена система замкнутого цикла жизнедеятельности популяции чиверян.

Однако оставалась еще проблема социально-психологического плана: популяция чиверян под действием капканского поля превращалась в своего рода людей-символов, олицетворяющих собой каждый лишь одну какую-то идею, страсть, стремление, образ мышления. Это, естественно, делало жизнь чиверян необычайно сложной, поскольку символы, как известно, не умеют общаться между собой, а люди, ставшие, пусть и, помимо своей воли, знаменем чего-то одного, исключительного, отличного от всего остального, с неизбежностью оказываются разобщенными. По счастью, доминантными чертами личности могут оказаться и такие, как стремление к всеобщему благополучию даже ценой собственного несчастья. Поэтому командор Морев, командир «Чивера-1», и второй лейтенант Грустин, штурман корабля, не утратили взаимной привязанности в распадающемся на их глазах коллективе чиверян. И именно они, постоянно обсуждая друг с другом свои наблюдения и предположения, привлекая к работе других чиверян, специалистов в тех областях науки, где они не чувствовали себя профессионалами, установили причину происходящего, растолковали ее членам экипажа и сплотили их, таких разных и становящихся все более и более разными, для решения общей задачи, которая формулировалась предельно просто: выжить, несмотря на все известные и неизвестные факторы капканской среды.

Задача социально-психологическая была решена чисто техническим путем. Продолжая ранее использованную аналогию с системами космодрома, можно сказать, что каждый член экипажа суперкрейсера стал как бы автономным

кораблем, снабженным собственным опознавательным устройством — цепочкой с пластиной, служащими аналогом номерного знака. Поле Капкана автоматически создавало вокруг носителя такого приемопередающего устройства соответствующую конфигурацию силовых линий, «интеллектуальный негатив», при котором индивидуальность подавлялась.

Эксперимент, разрешенность которого в экстремальных условиях Капкана не вызывает сомнений, показал: для ограниченной группы людей установка на выживание любой ценой с неизбежностью требует стандартизации индивидуальностей. Здесь вновь правомерна аналогия с системой космоплавания, когда пилот вынужден большую часть времени проводить в анабиозе, где все жизненные физиологические процессы организма предельно замедляются. Разница, однако, состоит в том, что для одного человека всегда может быть подобрана индивидуальная конфигурация анабиотизирующего поля, в то время как для всей популяции в целом сделать это невозможно. Отсюда необходимость в организации единого интеллектуального поля, общей культуры по необходимости весьма примитивного уровня.

Вследствие этого люди-растения Капкана лишены какой-либо высшей цели существования, поскольку даже первоначально заложенная идея «выжить любой ценой» перестает быть осознанной ими. Поэтому необходим некий импульс извне популяции, чтобы «расконсервировать» ее, ибо, в строгом соответствии с обобщенной теоремой Геделя, подобная замкнутая система не способна сформулировать ни целей своего движения (в данном случае развития не по спирали, а по замкнутому кругу), ни путей ее реализации. Таким внешним импульсом могло быть лишь активное вмешательство земной цивилизации — на что и была, видимо, сделана ставка в свое время.

02.30.09/3015/VI

Энн услышала, как за стеной засмеялся во сне ее сын — ее повзрослевший ребенок, который и безо всякого капканского «фактора икс» сумел бы, наверное, остаться обычным земным мальчишкой, отчаянным и решительным, бескомпромиссным и не рассуждающим, когда надо сразиться со злом и неправдой. Но в то время как капканский проявитель сделал Энн еще более неуверенной в себе, а Бсба, напротив, еще более самоуверенным и еще более погруженным в свои собственные дела и проблемы, Тит знал лишь одну мысль и одно желание, с каждым днем все возрастающее: пробраться в не-

нависший трансформаторий, сокрушить гидру, отнимающую у него друзей и подруг.

Как наивны были Главный и Грусткий и все другие в ЭРЭ, кто полагал, будто две земные вещицы, пусть любопытные и знаменательные сами по себе, способны помочь организованной ими поисковой экспедиции. Но как мудры были они, что рассуждали именно таким образом! По сути дела, в трансформаторий мог проникнуть любой человек, у которого Капкан не сумел притупить стремление сделать это. Заметить, что единственное углубление на люке имеет форму медальона, легко могли и Энн и Рольсен, но Тит, перед мысленным взором которого постоянно была Земля, Тит, не расставшийся с мыслями о ней, Тит, начинавший и кончавший день с того, что бережно гладил рукой ртцовскую командорскую булавку и медальон матери, эти символы земного, это постоянное напоминание о планете, откуда он родом, хотя и не родился на ней, именно он, Тит, первым увидел то, что на самом деле нельзя было не увидеть, и поступил так, как только и можно было поступить.

По счастью, старая добрая ЭРЭ веками не меняет своих установлений ни в целом, ни в частностях. Парольная фраза, которую Тит не слышал от отца, оставалась все той же, и он набрал ее на пульте, оказавшемся под отодвинутым люком. Наверное, он на миг почувствовал

себя мальчиком-с-пальчик, потому что, прежде чем шагнуть в освободившийся проем в желтой стене, положил на землю командорскую булавку — не нужный ему более материализованный призыв родной планеты. И шагнул в логово Кошцея, и услышал, как захлопнулась за спиной дверь, и все-таки не оробел, хотя голос его, мальчишески ломкий, дрожал, когда он приказал автоматике поднять уровень освещенности и сообщить о степени опасности среды. Самолюбивый Тит не стал рассказывать о первых своих минутах в трансформатории, но Энн и так поняла, чего он натерпелся, пока не обнаружил, что его, землянина, оказывается, давно тут ждали и все приготовили для жизни и работы.

Да, работы, потому что следуя высветившимся указателям, он добрался до небольшого помещения, оборудованного допотопным коммуникатором. Кассеты стояли на полке одна за другой, на каждой — порядковый номер. Тит встал в считывающее устройство первую и услышал спокойный мягкий голос командира «Чивера-1» командора Марка Морева. С этого мига все страхи его кончились, но зато на его бедный мозг обрушилась непосильная нагрузка — ведь информация, оставленная для земной экспедиции, направленной на поиск Невернувшихся, отнюдь не была рассчитана на пятнадцатилетнего юнца.

...Система жизнеобеспечения в избытке насыщала организм Тита витаминами, она, как ей и положено, всячески стремилась поддержать его растущий организм, и все-таки Титу пришлось, конечно, нелегко. Многое он просто не сумел понять, хотя раз за разом прослушивал одни и те же куски информации, гоня кассету туда и обратно.

Но именно он додумался до того, что не приходило в голову ни Энн, ни Рольсену и что давало им теперь шанс на спасение.

Не раньше 00.00.00/352.667/У.

Архив Нач. ЭРЭ ком. Морева. Фрагм. письма к неизвест. адресату, неотправл. Датировка — косвенная. Сохранность — ниже средн.

...все равно, что послать туда часть самого себя.

У меня такое ощущение, будто я постоянно вместе с тобой и все вижу твоими глазами, все чувствую и понимаю, как ты — и в тот же миг, что и ты.

Ты этого не знаешь — мне как-то не пришлось сказать тебе об этом на Земле, — но вся моя жизнь, в сущности, была одним стремлением найти Невернувшихся, разгадать их тайну. Я мечтал об этом мальчишкой, курсантом ЭРЭ, пилотом ее кораблей и, особенно, став ее начальником.

Однако постоянные препятствия, преграды, (нрзбр).

Сам я, как ты теперь поняла, лететь не мог. И с каждым годом все меньше я мог доверить этот полет кому-либо из тех, кого знал, кого учил и наставлял. И вот — ты! С первого дня, как... (нрзбр) ...счастье (нрзбр) по одному лишь этому.

И я не просто знаю — я чувствую каждой клеткой своего тела, каждым нейроном мозга, что ты поступишь точно так же, как поступил бы я. А значит, мечта моя сбылась.

Сбылась...

Но нельзя загадывать слишком многого. Я начал тосковать о тебе давно, еще тогда, когда все мы были вместе и не было ничего проще, как позвонить тебе или даже дотронуться до тебя рукой. Но если бы я мог в те счастливые дни догадаться, что такое тосковать по-настоящему, то ни за что на свете не отпустил бы тебя.

Хоть бы ты снилась мне изредка — но и этого нет (далее нрзбр).

Не позже 12.00.00/356.947/У.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

— Парень, надо сказать, весь в меня: недолго думая — и в трансформаторий. И ведь, великий Космос, разобрался, что к чему! Раз личность капканцев не стерта, а лишь подавлена удавкой с пластинкой, то и память нашего «Чивера-2923» тоже может быть восстановлена, если убрать его личный маркер — номерной знак, приемо-передающий блок, связанный с корабельным мозгом десятками радиоканалов. Чиверяне об этом догадаться не могли — их крейсер потерпел аварию, посадка была вынужденной, они так и не успели узнать, что базовая память бортовой ЭВМ пуста. А Энн, несмотря на все свои моделирования всех возможных ситуаций, оказалась не такой сообразительной, как мой сын.

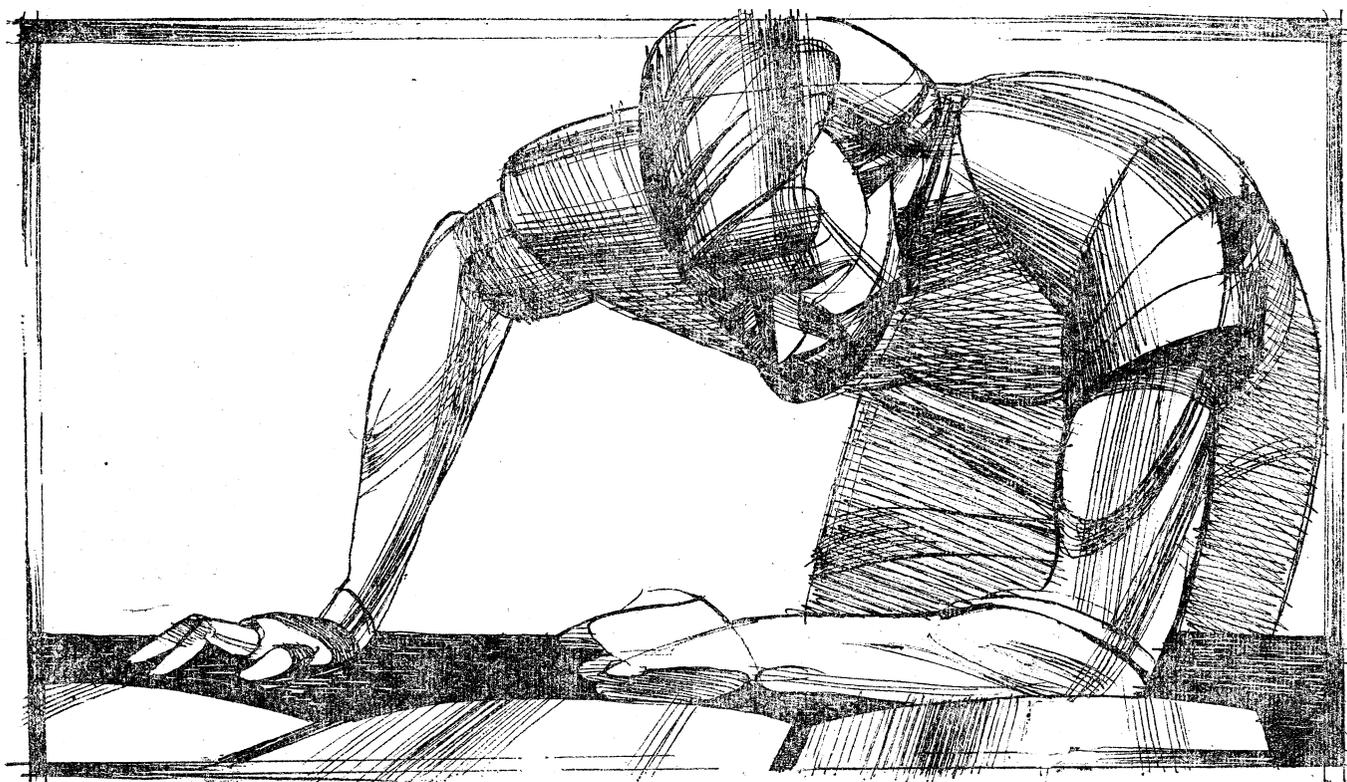
Тит Рольсен, слава Эйнштейну, не посрамил отца. Но, силы гравитационные, какой переполох начался в нашем тихом капканском болотце, когда он показался в дверях выдачи вместе с тремя Возвращающимися! Энн с Моревым к тому времени перебудили всех синеволосях, пошло какое-то светопреставление — каждый что-то вспоминал, вокруг появились вдруг астронавигаторы и математики, программисты, ядерщики, кого только нет! И все блондины, брюнеты, а один так и просто рыжий, — да беда лишь, что знания их лет этак на пятьсот устарели. И тут Тит со своей идеей оживить мозг нашего «Чивера».

Такого и представить себе было невозможно. Но чего радоваться, ведь «Чивер-2923» — не суперкрейсер, а всего лишь охотник, хоть и внегалактический, стало быть, весь экипаж его — два пилота, анабиаблок-то всего один. Какие тут пассажиры? Даже для Тита место трудно изыскать.

Я это понял в первый же миг, а когда сказал им, меня чуть не растерзали. Асимметричный коллапс! То соплом вперед, то соплом назад: вместо буйного ликования — могильная тоска. Конечно, кому охота снова капканствовать?

Но, главное, что ж они со мной-то делают? Этот непрошенный помощничек Марк раздал все собранные мною с таким трудом пластинки, и те стали со слезами и проклятьями надевать на себя мою коллекцию. Им что, непременно надо жить вспять только для того, чтобы лишить меня единственной радости? Просто так, назло? Ведь Земля наверняка пришлет сюда нуль-флот, вывезут их, никуда не денутся, прозябали тут полтыщи лет, могли бы дождаться светлого праздника и без пластинок. А я б зато...

Но и этого мало! Номерной знак моего «Чивера» решено оставить на Капкане и даже Номера Первого мне с собой взять запрещают —

из осторожности, видите ли. И кто, спрашивается, распоряжается? Жена и Морев-шестерка.

А в завершение всего Энн категорически отказалась вернуть командорскую булавку под тем предлогом, что она якобы подарок Главного ей лично. За какие, хотелось бы знать, заслуги? И кто позволил старому пугалу разбрасываться знаками высшего воинского отличия? «Руководство по ношению наград» прямо запрещает передачу кому бы то ни было любых присвоенных Советом символов признания заслуг. Параграф шестой, пункт первый.

Ну да ничего, они еще узнают, кто такой командор Борис Рольсен! Никто еще не отменил наставления по осуществлению экспериментального полета и тем более первого абзаца его, где сформулировано со всей четкостью и определенностью: «Дисциплинарным принципом организации полета является единоначалие, то есть полное подчинение экипажа и всех систем корабля. Первому пилоту от момента получения разрешения стартовой базы на взлет до момента передачи корабля под охрану в точке завершения полета». Так что мы еще поглядим, кто кем станет помыкать и чьи команды будут в конце концов выполнены!

В таких разговорах с самим собой Рольсен

проводил теперь целые дни. Он не покидал «Чивера». Электронный мозг действительно восстановил практически всю информацию после того, как номерной знак сняли с корабля и поместили далеко от него, надежно заэкранировав в недрах трансформатория. Рольсен готовил «Чивер» к взлету, просчитывая траекторию отрыва, намечал пункт первого контакта с Землей по нуль-связи. Но все это время злоба душила его. Неужели действительно нельзя было придумать, как сохранить на борту оба номерных знака? Ведь знают же они, насколько это для него важно. Даже если и случится какая утечка сигнала — что страшного произойдет? Ну, сотрется малость информации в ЭВМ, выкрутимся как-нибудь, не в первый раз. А с пластинками и вовсе кибер знает что такое: к чему они им, не способным понять, что такое наслаждение истинного коллекционера, восторг, счастье, сознание собственной исключительности, избранности. Да и по критерию разрешенности вытекает, что коллекционирование, то есть создание наиболее полного собрания фактов о мире, — высшая цель мыслящего существа, которой должно быть подчинено и все человеческое, и все землянское.

Он растревлял себя этими рассуждениями и совершенно не желал принимать никакого уча-

стия в том, что происходило на Капкане. Он не видел, с какой горечью и нежеланием уходили обратно в растительное существование чиверяне, подогреваемые лишь надеждой на скорое окончательное вызволение. Его не было с Энн даже в те минуты, когда она с Марком укладывала в анабиованну Тита.

— Пожалуй, я тоже начну коллекционировать,— сказала Энн, когда слезы на глазах ее почти высохли.—И знаешь что? Командорские булавки.

— Это горькая шутка, Анна,— он держал ее руки в своих, пытаясь успокоить ее.

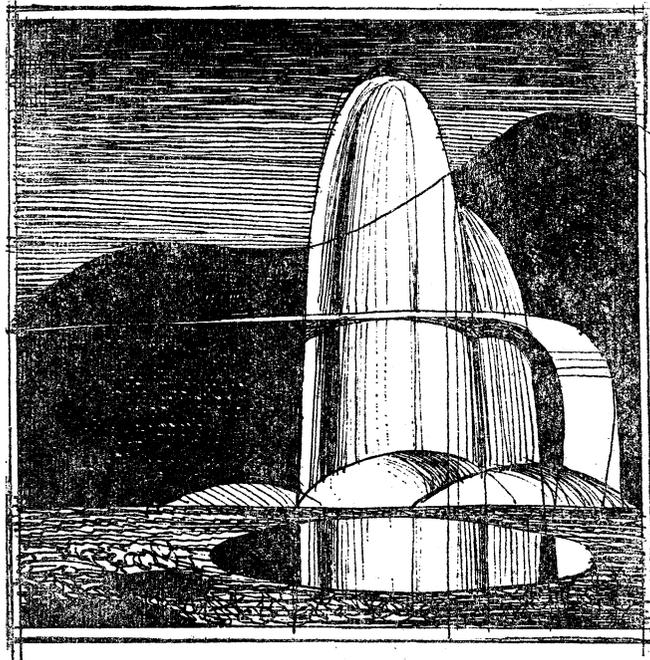
— Нет, Марк, это признание. Я всегда хочу встречать тебя — молодого и старого, земного и капканского. И всегда для меня ты будешь Командор — с булавкой и без нее.

— Спасибо, милая,— сказал он, помолчав.— Только нам не суждено встречаться. Я несу свою пластинку в подарок Рольсену — теперь мне уже больше не по силам жить для того лишь, чтобы просто жить. Даже если ты вернешься на Капкан, то не застанешь меня.

...Они медленно подходили к «Чиверу». Все капканские дела были кончены, оставалось лишь проститься — и улетать. Корабль стоял во взлетной позиции, вверху, у обтекателя, часто мигал рубиновый предстартовый маяк. Слышно было, как монотонно произносил уставные рапорты о готовности систем и узлов, информатор, как взывали на краткий миг сирены опробываемой аварийной сигнализации и шипели где-то в чреве двигательного отсека бесчисленные трубки и каналы, продуваемые блоком контроля исправности бортового оборудования.

Они хотели расстаться у трапа, но Рольсена у входного люка не оказалось, и Марку пришлось подняться вместе с Энн в ходовую рубку, чтобы вручить свой дар и сказать несколько прощальных слов командиру. Энн шла впереди, полнотью готовая к полету, в полевой форме второго пилота и с заряженным бластером, пристегнутым у пояса, как положено по инструкции. Она не рискнула нарушить даже этот явно не имеющий к ним никакого отношения пункт наставления, поскольку все последнее время Рольсен добивался неукоснительного соблюдения даже незначительных уставных требований, и сам следовал им с пунктуальностью кибера. Он ходил по палубам и отсекам «Чивера» в парадном мундире, не забыв добавить к нему командорские звездочки, до отказа намагнитив знаки отличия, как они делали только в День памяти Невернувшихся. Малый внегалактический охотник — это прежде всего военное судно, все системы которого подчиняются строгой дисциплине.

Но сейчас никаких указаний от командира корабля не исходило — громкоговорящая сеть дублировала лишь показания приборов, бормотание автопросчика и ответы проверяемых блоков. Марк вслед за Энн вошел в ходовую рубку и тут только увидел Рольсена, который стоял спиной к ним, что-то разглядывая на штурманском столе. На табло над его головой в этот миг как раз сменилась очередная цифра, и высветившаяся комбинация их врезалась в память Мореву: «10.10.10/3030/У1». Держа пластинку вместе со свисающей с его рук цепочкой прямо перед собой, он, торжественно-шутливо печатая шаг, двинулся к Борису — и вдруг остановился, как вкопанный. Прямо перед Рольсеном поверх карт и кроков лежали два номерных знака — старый, с потускневшей единицей, и новенький, на котором сияли цифры «2923». Марк повернулся к Энн с отчаянием и страхом и увидел, что и она смотрит туда же, бледная, застывшая, полуобезумевшая, а рука ее медленно и неуверенно, как в ночном кошмаре, тянется к поясу.

Андрей ГОРЮН

ПОДЗЕМНАЯ РУСЬ

Летопись сообщает, что Новгород возник в 859 году, то есть 1127 лет назад. Таким образом, он по праву может считаться одним из древнейших, если не самым древним, русских городов. С момента своего зарождения он носит имя Нового города. И логика подсказывает, что должно было существовать старое, более раннее поселение. Этот вопрос историки и археологи задавали себе не раз...

Из-за туч как-то внезапно выглянуло солнце. И сразу прямо над головой золотым отблеском сверкнул купол Софийского собора. Затем солнечный лучик пробежал по стенам кремля, оживив на мгновение его каменные громады, и скрылся под сенью листвы...

Через четверть часа мне предстояло встретиться с Валентином Лаврентьевичем Яниным, начальником Новгородской археологической экспедиции.

Первые попытки подступить к средневековым древностям города были предприняты еще в начале прошлого века. В 1808 году некто Е. А. Болховитинов обратил внимание на особенность городского грунта. Он писал:

«Я рассматривал здешние окрестности, испытывал пошву земли и знаю, что где сколь-нибудь десятков лет люди жили дворами, тут обыкновенно бывает наносная черноземная пошва. В самом городе она очевидно приметна, и на Торговой стороне по набережным местам инде аршин восемь или девять должно копать до материка. Но выйдите за город — вы везде увидите только суглинистый чистый материк...»

Это было очень важное наблюдение, определившее так называемый культурный слой, в котором предстояло работать археологам. Но как он образовывался? Человек всегда оставляет следы своей жизнедеятельности. Тем более в средневеко-

вом городе, когда о чистоте особо не заботились. Пищевые отходы, щепка, зола, строительный мусор — все это годами скапливалось на усадьбе горожанина, перемешивалось и многократно покрывалось пылью. Не будем также забывать, что города эти были деревянными. И пожары были для них страшным, но неизбежным бедствием. Огонь в одночасье превращал в пепел улицы и целые районы жилой застройки. Раз в 20—30 лет город выгорал дотла. У новгородцев даже сформировались определенные строительные приемы. После очередного пожара пепелище разравнивалось, на месте прежних построек ровным слоем разбрасывалась глина, а затем уже рубились новые избы, амбары, хозяйственные постройки, чтобы в свою очередь погибнуть в пламени очередного пожара. Так год за годом, столетие за столетием поднимался город, сохраняя в своих глубинах следы далекого прошлого...

В 70-х годах прошлого века Н. Г. Богославским «на глубине двух аршин» была вскрыта первая из ныне знаменитых новгородских мостовых. Но никаких далеко идущих выводов сделано не было, и археологические исследования были прекращены.

В 1910 году небольшие раскопки были начаты художником Н. К. Рерихом. Некоторые впечатления о своей работе он позднее описал в очерке «Подземная Русь»... Но подлинно научное археологическое изучение города началось только в 1932 году экспедицией во главе с А. В. Арциховским.

В 1947 году, тогда еще студент-первокурсник, Валентин Лаврентьевич Янин впервые принял участие в работе экспедиции. Ныне — он член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор МГУ, лауреат Ленинской и Государственной премий...

...Наш разговор с В. Л. Яниным начался с вопроса об особенностях новгородской археологии.

— Новгород представляет собой исключительный по сохранности археологических остатков объект исследования. Из-за насыщенности культурного слоя влагой в нем сохраняются все без исключения оказавшиеся в земле предметы. И самое главное — дерево, береста и другая органика.

Тысячелетия, в течение которых живут люди, носили разные названия — каменный век, бронзовый век, железный век. Но по сути вплоть до самого последнего времени продолжался деревянный век, ибо абсолютное большинство вещей, применяемых человеком в хозяйстве и окружающих его в быту, было сделано именно из этого материала. Железо же, бронза и камень применялись преимущественно для изготовления основных средств производства, хотя и важнейшего, но ограниченного круга предметов.

Но дерево очень плохо сохраняется. Стоит даже самому массивному бревну оказаться на какое-то время в земле, как оно разрушается, превращается в труху. В итоге — материальные остатки, которые ныне не даются в руки археологов (изделия из металлов, камня, керамики и т. п.), оказываются вырванными фрагментами, лишь отдаленно рисующие нам реальную картину прошлого. Все они вместе взятые некогда составляли не более одного процента предметов, окружавших человека в его повседневной жизни.

Так что знакомство с изделиями из кожи и ткани, дерева и бересты, тем более в таком объеме, как в Новгороде — для науки бесценное сокровище.

Вторая особенность — в самой истории города. Если почти все средневековые поселения с течением времени были разрушены и перекопаны поздней застройкой, то в Новгороде этого не произошло. В древности улицы его носили абсолютно иррегулярный характер. Они извивались, сходились и расходились, порою закручивались в

узлы... Такая традиция в целом сохранялась до середины XVIII века. В 1778 году императрица Екатерина II издала указ о перепланировке города. Хаотичная планировка сменилась строгими, прямыми перспективами. Новгород приобрел новое лицо, но... не потерял и старое.

Естественно, строительство многоэтажных каменных зданий потребовало проведения значительных земляных работ. Культурный слой на месте их фундаментов был разрушен. Но спрямленные улицы прошли по задворкам бывших усадеб, где некогда были огороды, сады, то есть малоценные для археологов объекты. Сами же жилища, мастерские, мощеные улицы большей частью сохранились нетронутыми, оказавшись во дворах современных зданий.

Поэтому археологи могут изучать древний город в первоначальном виде.

— Каковы же итоги этого изучения? Много или мало сделано советскими археологами за пятидесятилетний период исследования?

— И много, и мало. Много, очень много, если брать степень изученности Новгорода по отношению к другим русским городам. Так, нами вскрыто свыше двух с половиной гектаров его земельной площади. Таких размахов изучения средневековья еще не знало. Но ведь в период расцвета территория города превышала 250 гектаров. И значит, нами вскрыто не более одного процента этой площади. А это — до обидного мало.

Вообще, однозначно оценивать подобного рода работу просто невозможно. Ведь любое продвижение вперед рождает гораздо больше вопросов, нежели дает на них ответов. И естественно, знание стремится к завершенности, что, увы, едва ли достижимо.

Возьмем такую проблему, как датировка найденных предметов.

Как по времени соотносятся находки, обнаруженные в различных частях города. По внешнему виду, конечно, можно отличить вещь, сделанную в XVI столетии, от изделия X—XI веков. Но для науки подобные временные градации явно недостаточны, они просто недопустимы.

В 1932 году, в первый год работы экспедиции, археологами были получены две точные даты, позволяющие разделить культурный слой с абсолютной хронологией.

Как они были найдены? Во

время раскопок ученые обнаружили остатки каменной стены. На основе летописных сведений удалось узнать, что на том месте находилось городское укрепление, построенное в 1335 году. И так, 1335 год. Все, что лежало в земле выше этого слоя, было более поздним, а то, что ниже, — соответственно, более ранним.

Работы продолжались. Объем информации возрастал. И тут было обращено внимание на то, что осколки битого кирпича, которого очень много у поверхности земли, обнаруживаются только до определенной глубины. Почему их нет ниже?

1478 год, год присоединения Новгорода к Московскому государству. Вместе с боярами да купцами из Москвы приходит мастер, в том числе каменщик. Они приносят с собой и новый для Новгорода строительный материал — кирпич, до этого времени в городе здания строились из ракушечника — местного известняка.

— Видите — всего две даты, — в голос Валентина Лаврентьевича звучит нотка сожаления, — ныне же мы можем определить возраст практически любого деревянного предмета, а значит, и вещей, его окружающих, с точностью до года. В данном случае на помощь археологам приходит дендрохронологический метод.

Известно, что в течение жизни дерева на его стволе нарастают так называемые годовые кольца. Но присмотритесь к ним — они неодинаковы. Холодное, сухое лето — и на память о нем дерево сохранило узенькое, едва заметное колечко. А будь побольше тепла и света — кольцо это было бы заметно шире. И так из года в год. Поэтому по спилу дерева можно определить не только его возраст, но и увидеть изменение климатических условий на той территории, где оно росло, в рамках достаточно длительного времени. Причем двух одинаковых сочетаний колец на стволе не бывает, они индивидуальны.

На основе более семи тысяч образцов древесных спилов, полученных археологами, Б. А. Колчин создал дендрохронологическую шкалу с 631 года до современности с абсолютными годовыми датами. В результате появилась возможность узнать время рубки каждого конкретного дерева, а значит, и время создания того или иного изделия или постройки.

Сегодня новгородская экспедиция имеет значительный опыт работ подобного рода. Объектом изучения стали древние мостовые, которые настилались примерно раз в 15—20 лет. Двадцать восемь слоев деревянных настилов было разобрано археологами на месте древней Черницыной улицы. Древнейший из них датирован 953 годом.

Появление мощеных улиц было для того времени значительным шагом вперед. Столицы Западной Европы еще утопали в грязи, а новгородцы уже стелили мостовые из деревянных плах.

— Всего нами было вскрыто несколько фрагментов восьми древних улиц, — В. Л. Янин показывает фотографии, на которых запечатлены некоторые из этих улиц, — ширина их была невелика, в основном, в пределах трех-четырех метров. И буквально сразу же за краем деревянного настила начинался плотный частокот, ограждающий усадьбу горожанина. Усадьбы эти — основной объект исследования археологов. На территории города их было вскрыто, с разной степенью полноты, более сорока.

В ходе раскопок в разных слоях были найдены остатки почти 2,5 тысячи разнообразных построек, из них около 700 жилищ. До нас дошли в основном лишь нижние венцы срубов: обычно один-два и только в редких случаях число их доходило до четырех-пяти...

Результаты раскопок, письменный и иконографический материалы позволяют восстановить архитектурно наиболее выразительные гражданские сооружения: вежи, терема, столпы, повалуши, которые отмечены в летописях X—XIII веков.

Хотелось бы пояснить эти термины.

Вежа — разновидность крепостной башни. Очевидно, она также широко применялась в бытовых целях, но была готова к использованию и по своему основному, военному, назначению. Ведь средневековый город был весьма беспокойным поселением, где вооруженные стычки не были чем-то чрезвычайным.

Терем — более поздняя модификация вежи. Со временем он приобретает декоративные парадные черты, утрачивая функции оборонительного сооружения. Именно так он предстает перед нами в древнерусских былинах и сказаниях. В XII веке для обозначения подобного строения применяется термин «столы».

Повалуша существовала в городском строительстве более пяти

веков в жилищах как простых ремесленников и посадских людей, так и в хоробах знатнейших бояр. Подобный тип застройки сложился к XII веку. В документах упоминается повалуша «о двух, трех и даже четырех жильях», то есть они были многоярусными, построенными по типу столпов.

В доме, очевидно, наше внимание привлекают вещи, окружавшие горожанина в его повседневной жизни. Что это за вещи, какими они были?

Всего коллекция вещей, полученных учеными в результате раскопок, составляет около 140 тысяч индивидуальных находок, изготовленных из всех известных в средневековье материалов — различных металлов и камня, стекла и глины, кожи и кости, ткани, дерева, бересты... Из 600 видов, в которые можно объединить это великое множество предметов, 240 видов ранее вообще не было известно науке. В первую очередь, это изделия из бересты и дерева. Например, русские лыжи, вызывающие в старину удивление у иноземных путешественников. Их самые ранние изображения сохранились только на миниатюрах XIV века. А как они выглядели прежде? До начала раскопок в Новгороде ответить на этот вопрос было невозможно. Ныне нами найдено десять таких лыж, две из них совершенно целые, а восемь — фрагменты различной степени сохранности.

В слоях XII—XIV веков обнаружено 153 шахматные фигуры от 94 комплектов. Они значительно отличаются от современных и имеют модную в то время абстрактно-геометрическую форму. Найдено также более 120 костяных и деревянных шашек, относящихся примерно к этому же времени.

И наконец, пожалуй, самое любопытное. Нами были найдены остатки древних музыкальных инструментов, составивших самую большую коллекцию в Европе. Среди них 26 гуслей (пять целых инструментов разной сохранности и 21 фрагмент), 12 гудков (среди них два целых), три сопели и шесть варганов.

Находки обычно дают представление только о среднестатистическом человеке — бедный, богатый, сапожник, портной и т. д. А кому принадлежала та или иная вещь — остается тайной. В Новгороде же представилась возможность разгадать ее.

— Подобную возможность даровали ученым берестяные грамоты. Первая была обнаружена 26 июля

1951 года. День этот навсегда войдет в историю науки. К этому времени экспедиция работала уже в течение 19 лет. Знали ли вы, что такая находка должна состояться?

— И да и нет. Нам было известно, что в древности на Руси существовали письма на бересте. Разрозненные сведения о них мы можем найти у многих средневековых авторов. Если и в Новгороде писали на бересте, то рано или поздно подобную грамоту мы должны были найти, поскольку береста нам попадалась в большом количестве. Это вселяло надежду. Но вот вопрос — чем писали на ней. Берестяные книги, созданные в XVII—XVIII веках, нам известные, были написаны чернилами. Если в древности также пользовались ими, то вероятность обнаружения грамоты с разборчивым текстом практически равнялась нулю. Условие, которое способствовало сохранению собственно бересты — высокая влажность, — оказалось бы губительным для надписи. Ее попросту бы смыло.

Но, к счастью, жители города не писали, а выцарапывали на бересте свои послания. Для этого применялись так называемые писала — своеобразные, заостренные с одного конца металлические или костяные стержни. Всего таких писал нами было обнаружено более десятка штук.

На сегодняшний день найдено 617 грамот. Кстати, помимо них, 31 подобная грамота была обнаружена в других городах страны: в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске и в Мстиславе. Но новгородские — были первыми. Древнейшие из них относятся к первой половине XI века, последние датируются серединой XV века. Они дошли до нас в разной степени сохранности. Это и обрывки, на которых сохранилось лишь несколько букв, и громадные писания, состоящие из нескольких десятков строк...

Грамоты № 363 и 364 (это наша нумерация их) лежали в земле вместе. Писал их некий Семен. Одно было адресовано какому-то Сидору, второе — невестке автора. На первом письме есть приписка: «А грамота к тебе с моим детиною». Но раз обе грамоты оказались рядом, детина, очевидно, потерял их по дороге. И только через четыре столетия они оказались в руках археологов.

На одной из усадеб древней Черницыной улицы, относящейся к концу XII — началу XIII века, найдена грамота. Это была записка некоему Олисею Гречину, написан-

ная, очевидно, во время судебного заседания. Вот ее текст:

«Ведь ты видел, как то и было, и я Ивана схватил, поставил перед свидетелями. Как ответит?»

Стало ясно, что человек, к которому обращено письмо, был членом городского суда, а значит — известным, влиятельным деятелем Новгородской республики. Летопись в свое время не могла не упомянуть его. И действительно в тексте за 1193 год она рассказывает о высокопоставленном новгородском священнике Гречине. Так, может, именно он и был хозяином усадьбы?

Дальнейшие исследования подтвердили эту догадку. Но вскоре удалось выяснить еще одну деталь из жизни этого человека — он был художником.

Летопись гласит, что в 1196 году некто Гречин Петрович расписал одну из церквей кремля. Но, к несчастью, в свое время церковь эта вместе с частью крепостной стены была разрушена.

Тем не менее было решено выяснить, не сохранились ли еще какие-нибудь творения этого мастера. В период его жизни в Новгороде было расписано несколько храмов. Один из них — Спаса Преображения на Нередицком холме — особо привлек внимание ученых.

Над фресками в нем работали, как это и было заведено в древности, цеховая артель художников. Это, казалось бы, затрудняло научный поиск. Но вот исследователи обратили внимание на особенность написания слова «Мария» под одной из фресок. Оно было очень своеобразным. Три буквы из него нам были хорошо знакомы. Именно так писал в своих грамотах Олисей Гречин. Значит, именно он работал в составе артели.

— Что ж, вы побывали в доме новгородца XII века, увидели предметы его быта, прочли его письма. Хотелось бы вам узнать еще нечто о его жизни?

Валентин Лаврентьевич, видимо, ждал этого вопроса, поэтому ответил быстро и с видимым удовольствием:

— Нам хотелось бы обнаружить новые памятники духовной культуры новгородского средневековья: какие-либо тексты, относящиеся к искусству, музыке, художественной литературе. Ведь известные нам книги не сразу писались на пергаменте, должны были существовать и берестяные их черновики. Тем более несколько лет назад нами уже были найдены наброски записания и любовного письма... Воз-

Три Ивангорода

можно, в дальнейшем мы будем более удачливы. По предварительным подсчетам еще не открытых, но хранящихся в земле документов насчитывается более 20 тысяч. Это фантастическая цифра, но она подкреплена точными расчетами о степени насыщенности культурного слоя берестяными грамотами.

— А какова вероятность того, что все это богатство попадет в руки исследователей, а не будет разрушено в ходе широко развернувшегося городского строительства?

— Еще в 1969 году было принято постановление об охране культурного слоя Новгорода. И теперь какие бы то ни были земляные работы в границах древней застройки города без участия археологов запрещены. У нас налажено очень хорошее сотрудничество со строителями, многие наши открытия сделаны не без их участия...

Где же находился Старый Новгород?

Ученые предложили искать древнейшее городское поселение... на территории самого города.

Всякому строительству предшествует изучение грунта, на котором предстоит покоиться новому зданию. Таких разведочных скважин на территории города было заложено очень много. Эта работа дала неожиданные результаты для археологии. Оказалось, что можно выделить три района, где толщина культурного слоя была наибольшая, значит, люди жили здесь очень долго.

Городом в древности называли укрепленное поселение. Так не было ли это поселение тем самым «старым городом», по отношению к которому укрепление по берегу Волхова стало именоваться «новым»? Эта гипотеза считается ныне наиболее приемлемой.

Военная история нашей Родины многожды прославлена героическими оборонами крепостей. Интересно, что три русские крепости, основанные в разное время, построенные далеко друг от друга и знаменитые отпорами неприятелю, носили одинаковое название — Ивангород.

Известен широкому читателю по современной справочной и специальной литературе только один. Тот, чьи гордые башни и каменные стены привлекли внимание советских кинематографистов, экранизовавших шекспировского «Короля Лира». Эта крепость дала название городу, ныне находящемуся в Кингисеппском районе Ленинградской области, она — немая свидетельница весьма драматических событий, происходивших здесь в течение 500 лет.

Сейчас здесь день ото дня ширится фронт... реставрационных работ. И хотя еще не поднялись во весь свой прежний рост взорванные фашистами пятиярусные ивангородские башни, не полностью восстановлены зубцы, в трещинах стены, нелзя пока ходить по старинным лестницам, которые располагались только в наиболее безопасной части крепости, но возрождение Ивангорода зримо. Пришли первые посетители в здание бывшей таможни, где развернута интереснейшая выставка «Оборонное зодчество северо-западной Руси».

В бывшей Никольской застенной церкви намечается разместить экспозицию «Исторические виды крепости Ивангород».

В чем-то сходна судьба младшего брата Ивангорода на Нарове (до недавнего времени это название писали Иван-город) и Ивань-города — основанной в 1535 году крепости «на Себежи озери... 60 верст от Опочки», названной в честь пятилетнего Ивана IV.

Новая московская крепость-заства на рубежах псковской земли и «Литвы» сооружена по проекту Петра Фрязина, который, как сообщают летописцы, «город обложил и жил на Себежи три недели». Строительством, занявшим всего-то месяц, непосредственно руководили известнейшие тогда воеводы Василий Шуйский и Иван Бутурлин. На праздник освящения крепостной церкви святого Иоанна Предтечи и официального

наращения укрепления в Себеж прибыл архиепископ московский Макарий...

Ивань-город на Себеже был деревянным, но удачное расположение на высоком холме над Себежским озером давало ему неоценимые боевые преимущества. Впрочем уже через год в этом все убедились. 27 февраля 1536 года 500 пищальников, составлявших гарнизон новорожденной цитадели, приняли на себя удар 20-тысячной рати короля Сигизмунда I. Сначала меткий огонь русских орудий заставил неприятеля отойти от стен, перегруппироваться, задуматься... А новый штурм со стороны окованного льдом озера и вовсе привел к большим потерям во вражеском стане. Разгром осадного корнуса завершила смелая вылазка русских воинов во главе с Иваном Бутурлиным. «Оных избиша нарядом городовым, а иные во озери истопа, а иных под стеной побиша, аки свиней...» — заметил псковский летописец о скором окончании этой осады.

Бой, утвердивший новое русское пограничное укрепление, конечно, не был последним. Военная гроза гремела над Ивань-городом на Себеже, потерявшем с годами первую часть названия и ставшем просто Себежем, до середины XX века.

Здесь установлен единственный в своем роде памятник... древней крепости с лаконичной надписью на приземистом граненом каменном блоке:

«Место кремля Себежской крепости, построенной для защиты рубежей земли русской в 1535 году».

Третий Ивангород (в отличие от двух первых он писался всегда только так — слитно) заложен много юго-западнее тех, о которых уже рассказано. Теперь это окрестности города Демблина в Польской Народной Республике. Дата его возникновения — XIX век, точнее — 1837 год. Как и две предыдущих, крепость предназначалась для обороны западных границ страны, когда еще живы были воспоминания о нашествиях наполеоновской армии.

Послужили Родине старые укрепления, прославились своим мужеством гарнизоны трех Ивангородов!..

ИСТОРИЯ И СУДЬБА УРАЛЬСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ.

Юрий КУРОЧКИН

Неблизок Иркутск от Урала, поэтому с удивлением узнаешь, что в этом далеком сибирском городе обнаружилось целое собрание реликвий, связанных с нашим краем. Это собрание там так и зовут — «Уральской коллекцией».

Рассказал о ней в одной из глав своей книги «Иркутские сокровища» (Иркутск, 1985) долготелый директор Иркутского художественного музея Алексей Деметьевич Фатьянов. Давно (хотя и заочно) знаю этого примечательного человека и не перестаю удивляться и восхищаться его увлеченностью своим делом, его истовой любовью к искусству, преданностью музею, которому он отдал почти всю свою сознательную жизнь. Но что я — заочный знакомый, а вот известный наш писатель Валентин Распутин, давно и хорошо знающий его, в предисловии к книге А. Фатьянова находит для него исполненные высокого накала слова: «Перед такими людьми, фанатично отдающимися какому-либо делу, робеет даже удивление, которое не в состоянии проникнуть в их тайну, в дружку никогда не ослабевающего действия».

Рассказы А. Д. Фатьянова о родном ему музее можно назвать воспоминаниями о том, как собирались художественные сокровища в Иркутске — о неустанном и увлеченном поиске их, о встречах с художниками, искусствоведами, собирателями-коллекционерами. Но можно назвать и историко-искусствоведческим исследованием соборных редкостей, их творческой истории и приключений в море житейском, их художественного и исторического значения.

А сокровищ в музее собралось множество — более 13 тысяч экспонатов, представляющих и уникалы древнерусского искусства, и классику западно-европейской живописи, и все разнообразие известных школ и знаменитых имен в отечественном изобразительном искусстве.

Читая книгу, чувствуешь, что увлеченному автору не хватило отведенного ему объема, что он мог бы рассказывать еще и еще, а мы могли бы с увлечением читать еще и еще. Но сейчас речь не об этом...

Среди богатств музея, пусть и не самых значительных для него, — так называемая «Уральская коллекция». Ей посвящена в книге Фатьянова одна из первых глав.

...Еще в самом начале 1920-х годов в разных учрежденческих домах Иркутска стали выявляться картины, иконы и книги, которые как-то связывались с фамилией Казанцевых, в городе никому не знакомой. Часть вещей была взята на учет и попала в фонды музеев, остальное разошлось «по разным углам» — учебным заведениям, клубам, библиотекам, уже без учета переходило из одних рук в другие и постепенно следы этого остального терялись. А потом о казанцевских вещах просто забыли.

Вспомнил Фатьянов. Правда, через десятилетие, когда в тридцатые уже годы пришел работать в музей. Вспомнил и начал поиск и «расследование». В первую очередь, конечно, с картин начал: кто художник, кто или что изображено, какова история работы? Среди тех, что оказались в музее, имелись полотно, от которых не отказался бы любой музей.

А ведь кроме картин когда-то были «казанцевские» старинные книги, иконы строгановского письма, какие-то альбомы и даже... театральные костюмы. Где они, что с ними?

И — кто же такие Казанцевы?! Говорят, на лодка и зверь бегит. По какому-то поводу в музей обратился с письмом... племянник Казанцевых, бывший летчик Н. Брагин. А вскоре, так же случайно, объявилась еще одна родственница, тоже племянница, но по другому брату. Конечно же, Фатьянов по-

старался вызнать от них все, что они знали о своих родственниках и об обстоятельствах, при которых их вещи оказались в Сибири.

В их изложении это выглядело так...

Как писала племянница, «вещи принадлежали моей тете Вере Яковлевне Казанцевой и были переданы ею представителям Красной Армии в поселке Иннокентьевском в январе 1920 года, после окончательных боев за Иркутск... Все это в 1918 году находилось в особняке Веры Яковлевны в Екатеринбурге на Александровском проспекте». А вывезли вещи в Сибирь якобы из-за опасения грабейшей анархистов (хотя зачем анархистам картины и тем более театральные костюмы?)

Но племянница в письмах кое о чем умолчала, кое-что прибавила, а кое-что передала «не совсем точно» — вероятно, стремясь представить поступок тетки в более выгодном свете, чем он выглядел на самом деле.

Так умолчали они оба о человеке, сыгравшем, несомненно, основную роль в разорении казанцевского гнезда и отправке имущества в Сибирь.

Фатьянов нашел документы, из которых явствовало, что вещи Казанцевых реквизированы весной 1920 года на станции Иннокентьевской под Иркутском (где в январе был захвачен Колчак) как имущество... некоего Вишневецкого, портрет которого, кстати, имелся среди реквизированных картин.

Снова загадка — кто такой Вишневецкий, какое отношение имел к Казанцевым?

В разгадке этой, через годы, казалось, уже неразрешимой, помог... сам портрет. Написанный уверенной кистью мастера, он привлек внимание Фатьянова. Выяснив фамилию художника, стал искать его следы и нашел... его племянницу. Она-то и сообщила, что оборотистый делец пан Вишневецкий до первой мировой войны жил в сво-

ем имени, где-то в юго-западном крае, на широкую ногу. Собирали картины и иконы, имел свой театр в усадьбном дворце. Здесь же он как-то устроил выставку картин художника Н. В. Розанова, которого пригласил писать свой портрет. Но с началом войны он скрылся куда-то, не забыв прихватить картины Розанова.

Объявился он уже на Урале. И вновь развернулся во всю ширь своей деловой натуры. Так, что даже удостоился быть упомянутым в известной справочной книге Ф. Доброхотова «Урал Северный, Средний и Южный», изданной в Петрограде в 1917 году. И не просто упомянут, а подав, так сказать, с характеристикой: «Война переоценила ценности, война потребовала новых людей, дельных предпринимателей. И они явились. А в их числе — золотопромышленник Л. И. Вишневецкий... Им найдены платина, золото, железная руда, асбест, изумруды, уголь и проч. Месторождениями заинтересовались не только у нас, но и за границей: английские синдикаты, американские, калифорнийские послали своих инженеров и геологов».

Слово «найден» здесь нужно, конечно, взять в кавычки и расшифровать как «прибраны к рукам и предложены иноземным компаниям».

С каким багажом, с какими капиталами Вишневецкий появился на Урале — неизвестно, но к 1917 году у него уже было 199 приисков. Да, да, — без одного двести! И они перечислены в книге Доброхотова.

«Найдены» на Урале были не месторождения полезных ископаемых, а... богатая вдова Вера Яковлевна Казанцева, с которой Вишневецкий сблизился, несмотря на разницу в возрасте, «на почве общих интересов к книгам, картинам, театру». Казанцевские капиталы и предприятия и помогли ему развернуться в «открытом» им золотом крае.

Но ненадолго. Октябрь 1917-го поломал все радужные планы дельца. Кратковременное белогвардейское нашествие надежд не вселило. Осталось, положившись на судьбу, податься с отступающими колчаковцами в Сибирь — может, там повезет.

Не повезло. На станции Иннокентьевской кончилась кровавая колчаковская авантюра, а сам он был выдан белочехами и «союзниками» Иркутскому ревкому. Там же кончилась и авантюра Вишневецкого: увезенное им имущество

Казанцевых было реквизировано, а сам он куда-то исчез.

Но Фатьянова интересовали не Вишневецкий и Казанцева, а привезенное ими имущество: что было привезено, куда разошлось?

С этим оказалось непросто. Имущество передавалось из одной инстанции в другую и постепенно «таяло». Описи сохранились не все, да и те, что уцелели, не всегда подробно и точно, многое записывалось «суммарно». Даже картины записывались приблизительно, так что выявить полный состав «галереи», привезенной с Урала, с достоверностью до сих пор не удалось. Но в числе несомненно казанцевских — пейзажи А. К. Денисова-Уральского, четыре портрета П. П. Веденецкого, шестнадцать полотен В. Г. Казанцева (академика живописи, одного из хозяев екатеринбургской усадьбы), работы В. В. Полякова, Д. М. Гаврильцева и портрет Вишневецкого кисти Н. Розанова. Но, вероятно, картин было больше.

А вот собрание старинных икон Строгановского письма, большой исторической и художественной ценности, оказалось утраченным. В тридцатые годы собрание хранилось в здании Крестовоздвиженской церкви, где предполагалось открыть антирелигиозный музей, но в годы войны церковь вместе с иконами передала общине, и следы икон затерялись.

Не лучше и с книгами. Еще в двадцатых годах их видели сваленными под лестницей в городском отделе народного образования. Как-то часть попала в библиотеку, но многое погибло, в первую очередь, пожалуй, самое ценное — издания допетровского времени, которыми славилась библиотека Казанцевых в Екатеринбурге.

Театральные костюмы разошлись по клубам, что-то взял краеведческий музей. Искать их теперь бесполезно, да и не нужно.

Нашелся еще альбом с фотографиями. Вероятно, их было несколько, но они никого не заинтересовали и потому пропали.

А что еще было? Что могло быть?

Чтобы представить себе, что там могло быть, стоит поближе познакомиться с историей династии Казанцевых.

..Она и сейчас стоит на том же месте (куда ей деться?) в Свердловске — усадьба из нескольких добротных домов по улице Декабристов, с садом при ней, примыкающим к берегу Исети. Родовое гнездо старичной фамилии.

Работая над историческим очерком о городе Екатеринбурге для справочной книги того же названия, Д. Н. Мамин-Сибиряк в середине 1880-х годов интересовался историей купеческих фамилий столицы Урала, собирал материалы о них. В одной из его записных книжек (до сих пор не опубликованных) есть заметки о многих семьях, в том числе и о Казанцевых. К концу XIX века все эти семьи выродились или разорились; лишь Казанцевы остались в силе, хотя и не в той, что прежде.

С чьих-то слов или документов Мамин тогда записал: «Стрелецкий полковник Дмитрий из Москвы приехал, поселился в деревне Становой, что на р. Пышме. У него сын Прокопий, у Прокопия сын Родион...» и так далее, вплоть до его, Мамина, современников (с которыми он, кстати говоря, был близко знаком, а с некоторыми дружил).

Выходит, что первые Казанцевы появились на Урале еще до основания Екатеринбурга, в полутора десятках верст от того места, где он потом был построен. Ведь Петр I упразднил стрелецкое войско в 1701 году.

Об одном из Казанцевых упомянуто в архивном документе 1752 года: в том году тринадцатилетний ученик Екатеринбургской словесной школы был направлен на Шилово-Исетский золотой рудник, что недалеко от деревни Становой. Так что к золоту Казанцевы имели отношение издавна. И не случайно уже к концу XVIII века представители семьи считались при капиталах, и немалых — правнук московского стрельца, Кирилл Родионович, как записал Мамин-Сибиряк, «торговал заводы Расторгуева», а Фома Федотович (племянник Кирилла) с 1820-го по 1826 год состоял городским головой в Екатеринбурге, — должность только для богатых.

Кстати, Фома Федотович, крупнейший салоторговец с годовым оборотом до ста тысяч рублей, одним из первых проведаль о находке золота в Сибири, успел застолбить очень выгодные участки и вскоре стал в первом ряду российских золотопромышленников. Сын его, Гаврила Фомич, владел уже десятками золотых приисков и тоже стал городским головой. Известен он еще и тем, что в 1844 году в числе четырех купцов взял на себя расходы по строительству первого каменного здания городского театра (ныне в нем кинотеатр «Октябрь»).

Пореформенные поколения Ка-

занцевых потянулись, в соответствии с веяниями времени, к просвещению, хотя предприятий своих, конечно, не бросили. Современники Мамина-Сибиряка — те уже все имели высшее образование, и в сословной номенклатуре числились не купцами, а «потомственными почетными гражданами».

Об этих современниках писателя, по сути дела последних Казанцевых, следует хотя бы коротко рассказать.

Их фамильное гнездо в Екатеринбурге занимало целый квартал, ограниченный нынешними улицами Декабристов, Степана Разина и рекой Исетью. Усадьба № 13 по Александровскому проспекту (ул. Декабристов) числилась за Алексеем Никитичем, а соседняя, под № 15,— за его двоюродными братьями Владимиром и Гаврилой Гавриловичами.

Еще двое Казанцевых, потомки «кириллового колена» братья Александр и Владимир Николаевичи, родового дома не имели и жили на арендованных квартирах.

Но все они так или иначе были причастны к золотому делу — предки оставили им порядочное количество приисков. И даже те, кто еще в молодости сумел промотать отцовские предприятия, так и не излечились от золотой лихорадки — вступали в сомнительные компании, пытались с помощью таких же неудачников искать многообещающие жилы и россыпи.

Именно таким был Александр Владимирович (1841—1907). Получив богатое наследство, много купил, чудачил. Непрактичный и взбалмошный, он не сумел удержать в руках отцовские предприятия, стал, как писали о нем, «типичный мелкий делец», то неожиданно богатеющий на выгодном деле, то разорявшийся «до нитки».

К числу его чудачеств относили поездку в Лондон, к Герцену, и то, что он получал «Колокол». Едва ли за этим крылось что-то серьезное, но журнал Герцена благодаря ему в Екатеринбурге читали.

Может быть, но без влияния «Колокола» Николай Владимирович (1849—1904), младший брат Александра, изрядно покутивший с ним в молодости и тоже потом разорившийся, неожиданно для всех отправился в Башкирию, организовал там земледельческую колонию по народническому образцу. В конце 1870-х годов он вернулся в Екатеринбург, а когда в городе по-

селился Д. Н. Мамин-Сибиряк, вскоре же стал одним из его друзей. Вместе они вступали в члены Уральского общества любителей естествознания и Екатеринбургского музыкального кружка, где оба числились старшинами и распорядителями по драматическому отделению.

В 1887 году Николая Владимировича постигла расплата за бурную молодость — сухотка спинного мозга уложила его в постель до конца жизни. В эти годы Дмитрий Наркисович почти ежедневно навещает больного друга и, зная о его давнем интересе к литературе и «пробах пера», помогает ему стать профессиональным литератором — устраивает его произведения в журнале «Артист» и в других, знакомых ему по прежним связям изданиях, продвигает его пьесы на сцены московских и петербургских театров, пишет предисловие-напутствие к первой его книге повестей и рассказов.

Еще один Казанцев, Владимир Гаврилович, хотя и наследовал в доле с братом Гаврилой родительские прииски и предприятия, сам делами не занимался. Уступая настоянию отца, стал юристом, окончив Московский университет, но по специальности поработал недолго — через несколько лет поступил в Академию художеств и благополучно защитил звание художника, в 1894 году получил звание академика пейзажной живописи. Часто выставлялся, в 1889 году в Париже даже получил бронзовую медаль. Его картины покупались охотно, в том числе и музеями (в Русском музее в Ленинграде, например, висит его полотно «Водопад Кивач»). Тоже был знаком с Маминим-Сибиряком (сохранилась книга «Уральских рассказов» с дарственной надписью). В 1896 году по рекомендации врачей Владимир Гаврилович переменил климат — переехал в Полтаву, где умер в 1903 году.

Остается сказать о наиболее интересной для нашего рассказа фигуре — о Гавриле Гавриловиче Казанцеве (1848—1902).

Ведь его-то имущество и было увезено в Сибирь.

Этот потомок стрелца окончил Петербургский университет, а после два года работал в одной из лабораторий Палаты мер и весов под руководством Д. И. Менделеева. В конце 70-х годов вернулся в Екатеринбург — управлять наследственными предприятиями. Человек деловой и энергичный, он вскоре же стал заметной в городе персо-

ной — почетный мировой судья, земский гласный, попечитель городского начального училища. Устроил свою химическую лабораторию — чтоб не забыть полученные знания и пококлетничать ученой степенью перед земляками. Изобрел какую-то золотопромывальную машину. Завел оранжерею с редкими растениями и фруктами, его «Садоводство и огородничество» успешно конкурировало с подобными фирмами и с городским рынком. А библиотека Казанцевых славилась редкими книгами; хозяин даже экспонировал их на выставках.

И еще: в самом большом здании усадьбы Гаврилы Гавриловича устроил театр и в 1879 году открыл его для общественного пользования.

Заведение это, говоря театральным языком, сыграло положительную роль в общественной жизни города. В Екатеринбурге издавна жили традиции самостоятельного театрального и музыкального искусства (или, как тогда называли, — любительства). Способствовали этому и обязательное преподавание пения в горнозаводских школах Урала еще с XVIII века и горные офицеры, выпускники Горного корпуса, получавшие знакомство с театром в столице. В 1820—1830 годы здесь действовал, по свидетельству казанского профессора А. Купфера, «общественный театр, где играют переводные пьесы к большому удовольствию публики». Но не только переводные, конечно: будущий историк и географ Урала Н. К. Чулкин, как вспоминал его брат, в молодости «завел небольшую труппу из любителей, которую разыгрывались «Недоросль», «Мельник» и другие, интересовавшие публику пьесы».

Во второй половине XIX века любительские спектакли и концерты в Екатеринбурге шли постоянно. К началу 70-х годов это увлечение настолько разрослось, что вполне естественно возникла идея объединения любителей в солидное общество, названное «Екатеринбургским музыкальным кружком», с драматическим отделением при нем. Силами кружка ставились классические оперы, серьезные драматические спектакли.

Но базы своей кружок не имел. Если для крупных спектаклей удавалось снять городской театр или сцену в Общественном собрании, то репетировать и готовить спектакли приходилось где попало.

Вот тогда-то Гавриле Гавриловичу, большому любителю театрального искусства, хорошо знакомому с театрами обеих столиц,

пришла мысль устроить театр в одном из зданий своей усадьбы — переделать под сцену и зрительный зал целый его этаж. Помимо желанья угодить обществу, имелась и личная причина — хозяин сам считал себя артистом, любил играть выигрышные роли, ставил и даже сам писал пьесы (одна из них шла и в столице). Осенью 1879 года новый театр города открыли, и он стал базой самостоятельного театрального и музыкального искусства. Иногда он сдавался гастролерам и целым труппам. Устраивались здесь и лекции. Театр был небольшим, но уютным и удобным.

Таковы были последние Казанцевы к концу XIX века, спустя два столетия после того, как «пришел на Урал» стрелецкий полковник Дмитрий.

Но в первое же десятилетие нового века никого из них в живых уже не осталось. Хозяйкой усадьбы сделалась вдова Гаврилы Гавриловича — Вера Яковлевна. Первые годы после смерти мужа (в 1904 году) она еще как-то поддерживала старые знакомства и связи, продолжала содержать театр и сдавать его в аренду, по старой памяти и сама поигрывала в нем, а потом оживленная некогда жизнь старого особняка на Александровском проспекте стала замирать.

Оживил ее приезд в Екатеринбург после начала германской войны представительного и обаятельного промышленника Леонида Ивановича Вишневецкого. Познакомившись с Верой Яковлевной, он вскоре же стал своим человеком в ее доме, а потом и мужем. Завладев ее капиталом, приисками и предприятими, Леонид Иванович развернул бурную деятельность в компании с представителями иностранных фирм. И кто знает, как далеко бы пошел в распродаже природных богатств Урала, если бы не... 1917 год, нарушивший все его планы. Нашествие колчаковцев и интервентов надежд не вслило, Вишневецкий ликвидировал что смог из своих предприятий и, откупив за взятку у колчаковских интендантов вагон, погрузив в него то, что могло пригодиться на новом месте, отправился в поисках такого нового места на восток вместе с эшелонами отступающих войск.

Старинное казанцевское гнездо было брошено на произвол судьбы. Вскоре его заняли детский дом и детская больница — первый дар

молодой Советской власти детям города.

Сейчас едва ли будет возможно установить, что именно увезли в Сибирь Вишневецкий и Казанцева. Можно лишь высказать некоторые предположения, знакомясь с историей рода Казанцевых.

Конечно, были увезены в первую очередь документы.

Родовые (за два века!), имеющие несомненное значение для историков Урала. А что такие старые документы хранились у Казанцевых, известно по некоторым публикациям в дореволюционной прессе. Не представляющие интереса для сибиряков, тем более в ту сложную пору, они едва ли сохранились, но... могут и лежать в каком-либо архиве или музее, а то и у коллекционеров, любителей старины.

Деловые — имущественные, производственные, где могли быть данные о месторождениях золота и других ископаемых (ведь одних приисков — 199!), материалы о связях с иностранными компаниями, пытавшимися внедриться в экономику края.

Да и разные другие документы, могущие иметь для нас интерес сегодня. Например, архив Екатеринбургского музыкального кружка, историю которого давно стоило бы написать, но — нет документов. Известно, что к десятилетнему юбилею кружка Мамин-Сибиряк написал доклад, большой и значительный по наблюдениям и выводам. Он был зачитан на юбилейном вечере, но до сих пор не найден — может, он хранился в архиве кружка, что имелся в доме Казанцевых? А письма Д. И. Менделеева, о которых сообщал племянник Г. Г. Казанцева? А письма артистов, драматургов, художников? Да мало ли еще что могло быть там...

К сожалению, тогда, в 1920 году, в Иркутске описи книг сделано не было. А жаль, ибо даже только опись могла бы дать в руки историков ценные данные — книги у Казанцевых собирались с давних пор, имелись издания и дореволюционной эпохи.

Фатьянову удалось найти рукописи старого краеведа и библиофила Н. С. Романова, где сообщалось о некоторых книгах, обнаруженных в Иркутске в 20—30-х годах, с владельческими надписями Казанцевых начала XIX века. В том числе «Историческое начертание горного производства в Российской империи. Часть I» И. Гер-

мана, изданной в Екатеринбурге. В рукописи Романова указана дата издания — 1816 год. Но... дело в том, что книга с таким названием выходила, как указывают историки печати, в 1810 году и была последней из напечатанных в этой типографии горного ведомства. Однако известно и другое — что Иван Герман, начальник екатеринбургских заводов, намеревался издать и вторую часть этого труда. Может, это ему все же удалось? И тогда книга из библиотеки Казанцевых является настоящей сенсацией в истории уральского книгопечатания, библиографическим уникалом.

Могли там быть и другие редкости. Но — где книги, как искать их?

Дело, конечно, трудное, но не безнадежное: вспомним, как искали в библиотеках Свердловска книги из собрания В. Н. Татищева (через 200 лет!) и Н. К. Чупина (через сто лет). Ведь нашли-таки, хоть и не все, продолжают искать, и не без успеха. Было бы кому искать!

Среди своих заметок о казанцевском имуществе Фатьянов сколько-то упомянул о семейном альбоме с фотографиями. Для Иркутска он и так и сяк не представлял интереса. Но как было не заинтересоваться им уральцам: у Казанцевых был широкий круг знакомств. И не только в городе — им, как влиятельным в Екатеринбурге людям (Г. Г. Казанцев был и горьковской головой), считали долгом нанести визиты приезжие литераторы, ученые, артисты, среди них люди интересные нам и сегодня. На память о визитах оставались небольшие фотографии, которые так и назывались — визитками. Такая, например, была подарена Гавриле Гавриловичу Д. И. Менделеевым (она сохранилась у родственников). Потому от альбома можно было ожидать и сюрпризов — неизвестных фотографий чем-то памятных нам людей.

Среди 39 фотографий сохранившегося альбома ничего сенсационного не нашлось: снимки второстепенных участников кружка при театре Казанцевых.

И тут невольно всплывает вопрос — может ли быть, чтобы у Казанцевых был только этот скромный альбом? Наверняка их было несколько. А где остальные? Может быть, именно там то, что может нас сегодня особенно интересовать? Может быть, тоже лежат где-то в Иркутске и ждут, когда их заставят заговорить...

Ближайший друг Грибоедова

Равиль ЕНАКАЕВ

Степан Никитич Бегичев родился в 1785 году в семье состоятельного помещика старинного дворянского рода капитана Никиты Степановича Бегичева и Александры Ивановны Кологривовой. В десять лет, как это часто бывало у дворян, их сына принимают в Пажеский корпус. Во время войны с Наполеоном С. Н. Бегичев входит в батальон стрелков тульского дворянского ополчения. В 1813 году он вступает на действительную службу корнетом, адъютантом своего родственника А. С. Кологривова, командующего кавалерийскими резервами в Брест-Литовске. Тогда Степан Никитич близко познакомился и подружился с А. С. Грибоедовым.

Позже С. Н. Бегичев признавался, что из всех, кто называл себя друзьями поэта, никто более его не имел на это права.

Когда закончилась Отечественная война, А. С. Грибоедов и С. Н. Бегичев поселяются в Петербурге, опять живут рядом. В столице Степан Никитич состоял на службе в кавалергардском полку, в 1817 году вступил в одну из ранних декабристских организаций — «Союз спасения», или «Военное общество», а в 1818 году — в «Союз благоденствия». Правда, не был активным членом общества, но и тогда, когда вышел из него, продолжал поддерживать тесные связи с декабристами и А. С. Грибоедовым, знал об их планах, был в курсе их дел.

В 1823 году С. Н. Бегичев вышел в отставку в чине полковника и поселился в своем родовом имении в селе Екатерининском Епифанского уезда Тульской губернии (ныне на территории Куркинского района Тульской области). Там он прожил до конца жизни, довольно часто наезжая в Москву. В марте 1823 года к нему в отпуск

приехал А. С. Грибоедов. В «Записках» С. Н. Бегичева читаем:

«Из комедии его «Горе от ума» написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он, не одетый, сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт лист по листу. Я закричал: «Послушай, что ты делаешь?!» «Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в голове моей». И через неделю первый акт уже был написан».

С. Н. Бегичев

В конце мая С. Н. Бегичев выехал из Москвы в другое свое имение — село Дмитровское Ефремовского уезда Тульской губернии (ныне Елецкий район Липецкой области). Вскоре туда же к нему прибыли его брат Дмитрий Никитич Бегичев с семьей и А. С. Грибоедов. Александр Сергеевич в этом имени друга работал над третьим и четвертым действиями «Горя от ума».

«Последние акты «Горя от ума» написаны в моем саду, в беседе, — вспоминал С. Н. Бегичев. — Вставал он в это время почти с солнцем; являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда, но почти всегда скоро

уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. Мы всегда с нетерпением ожидали этого времени. Он хотел оставить мне на память свою пьесу, написанную его рукой, но имел терпение написать только два акта, а остальные заставил писать».

В начале осени Бегичев и Грибоедов вернулись в Москву, поэт жил в доме Степана Никитича. Племянница С. Н. Бегичева Е. П. Соковнина в своих воспоминаниях, опубликованных в 1889 году в журнале «Исторический вестник», писала:

«Мне было 12 лет, когда я провела зиму в Москве у моего дяди Степана Никитича Бегичева, у которого тогда, в 1823-м, жил его друг А. С. Грибоедов... В эту зиму Грибоедов продолжал отделывать свою комедию «Горе от ума» и, чтобы вернее схватить все оттенки московского общества, ездил на обеды и балы, до которых никогда не был охотник, а затем уединялся по целым дням в своем кабинете. Тогда по вечерам раздавались его чудные импровизации на рояле, и я, имея свободный доступ в его кабинет, заслушивалась их до поздней ночи...»

Степан Никитич был на 9 лет старше Грибоедова, и Александр Сергеевич уважал в нем человека с большим умом и здравым смыслом, необычайно доброго, без всяких эгоистических и честолюбивых целей и всегда поддавался благотворному влиянию своего друга. Могу прибавить к этому, что С. Н. Бегичев всегда входил в материальные интересы Грибоедова, которые бывали порою очень стеснены вследствие расточительности его матери. Дружеская помощь Степана Никитича не раз выручала его из затруднений...»

Перед отъездом в Петербург А. С. Грибоедов оставил Бегичеву автограф первоначальной редакции пьесы «Горе от ума». Между С. Н. Бегичевым и А. С. Грибоедовым велась постоянная переписка. Письма Степана Никитича, к сожалению, не сохранились, их Грибоедов уничтожил, боясь ареста после 14 декабря 1825 года. По пути в Петербург в начале февраля 1826 года А. С. Грибоедов встречался с Бегичевым, обсуждал с ним тактику поведения на предстоящих допросах.

Вскоре А. С. Грибоедову было предложено ехать полномочным послом в Персию. Он хорошо знал

язык, обычаи, страну, но все же, наверное, не это было причиной его нового назначения, а стремление Николая I удалить подальше от столицы людей, замешанных в декабристском движении. Это была «политическая ссылка».

На пути к месту назначения Грибоедов три дня прожил у С. Н. Бегичева в Москве. Как затем вспоминал Бегичев, поэт был чем-то расстроен, мрачен, о чем он и сказал ему. Грибоедов на это ответил: «Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобой более увидимся!!!»

В июне 1829 года, когда Грибоедов останавливался в имении Бегичева проездом по пути на Восток, он передал ему так называемую «Черную тетрадь» — несколько сот листов с автографами стихотворений, планов и сцен трагедий, путевых записок, заметок по русской истории и т. п. (В дальнейшем они были опубликованы Д. А. Смирновым в журнале «Русское слово»).

Е. П. Соковнина в своих воспоминаниях писала:

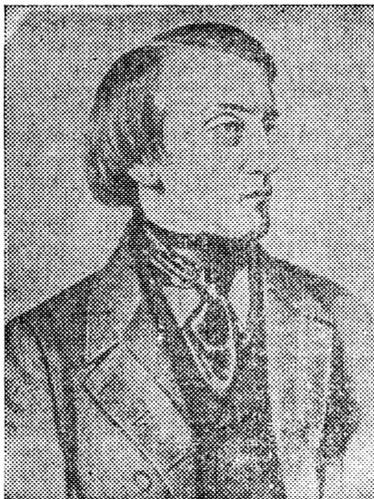
«Степан Никитич был уверен, что при знании Грибоедовым восточных языков, при его знакомстве с нравами и обычаями персиян, он мог принести на этом посту большие услуги России. Как же поразил Степана Никитича трагический конец его задушевного друга! Он упрекал себя в ранневременной кончине Грибоедова, зная, что мечтой последнего было поселиться в деревне и посвятить себя литературным трудам. Внезапная весть об убийстве Грибоедова разом состарила дядю Степана Никитича; он вдруг постарел, и с этих пор ничто не могло развлечь его сердечной скорби...»

С. Н. Бегичев умер в 1859 году в своем имении — селе Екатерининском. Там же он и похоронен. Могила не сохранилась до наших дней.

История портрета

Борис ЧЕЛЫШЕВ

История не сохранила нам даты, когда впервые встретились Виссарион Белинский и Кирилл Горбунов. Возможно, поводом к знакомству послужило то, что оба родом были из Чембара. Может, свели их общие знакомые? Во всяком случае к лету 1838 года они были уже близки, вместе ездили в го-

сти к Михаилу Бакунину. Тогда Горбунов и написал первый портрет Белинского.

Кирилл Антонович Горбунов был крепостным. Чембарская помещица Владыкина послала его учиться, чтоб иметь своего домашнего живописца.

В октябре 1839 года Белинский уехал в Петербург. Горбунов остался в Москве. Другими юного художника были московские литераторы, которые звали его просто — Кирюшей. В. П. Боткин сообщал Белинскому в Петербург:

«Кирюша познакомился с ним — Гоголь его оценил и полюбил. Он обещает ему непременно, что Брюллов примет его к себе учеником и возьмет в Италию».

Белинский же радовался, что дела Горбунова идут хорошо, но сомневался: сбудутся ли надежды

его друга поступить учеником к Карлу Брюллову.

Наконец, в марте 1840 года Кирилл Антонович едет в Петербург. Вскоре судьба еще теснее сближает художника с Белинским. В ноябре Виссарион Григорьевич переезжает к Горбунову, который снимал комнату на 2-й линии Васильевского острова, напротив Академии художеств.

Душевное состояние Белинского в это время было крайне тяжелым. Каторжная работа в журнале Краевского, постоянное опасение быть привлеченным к суду или быть вызванным в III Отделение, громы негодования против каждой его статьи со стороны реакционных журналистов...

А рядом с ним, бок о бок, жил и работал крепостной живописец.

Каким Горбунов видел своего друга в те далекие вечера, когда они оставались наедине? Они жили быстро, хотя у каждого были свои привычки, свой уклад жизни, свои интересы. Но что-то общее и значительное связывало этих совершенно разных по характеру и по возрасту людей. Может быть, не раз внимательно приглядываясь к Белинскому, Горбунов мечтал перенести на холст или бумагу быстро меняющиеся его черты?

В 1843 году Кирилл Горбунов принимается снова за портрет Белинского.

И вот перед нами портрет человека. Задумчивость и непреклонность как бы застыли в его взгляде, в упрямо сжатых губах. В худом лице, в развороте головы — несломленность духа. Читая страницы его книг, мы, правда, в этом портрете не увидим, как он, по словам Тургенева, «торопливо и нервной походкой пробирался вдоль стен и с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озирался вокруг». Не увидим его и воинствующим, с горящими глазами — «неистового» Виссариона. Но ведь и не всякий портрет человека передаст такое. Слишком многообразен, слишком неуравновешен был великий критик — то застенчивый, то гордый, то страшный в своем гневе. А то и такой вот — мудрый, спокойный, уравновешенный...

На снимке: В. Г. Белинский, портрет художника К. Горбунова, 1843 год.

ЧТО ТАКОЕ ЛОК?

Читатели «Уральского следопыта» в своих письмах в редакцию интересуются тем, какие организации собирателей существуют в нашей стране. Рассказываем о Ленинградском обществе коллекционеров...

Президиум исполкома Ленгорсовета 17 июля 1958 года утвердил представленный организационным комитетом устав Ленинградского общества коллекционеров (ЛОК). В состав общества вошли филателисты, нумизматы, филокартисты (собиратели художественных открыток), фалеристы (коллекционеры значков), филуменисты (собиратели спичечных этикеток), бонисты (коллекционеры старинных бумажных денежных знаков), филофонисты (собиратели грампластинок) и другие коллекционеры.

Когда в 1966 году в СССР образовалось Всесоюзное общество филателистов (ВОФ), то секции по интересам ЛОКа были реорганизованы в секции нового всесоюзного общества. Однако с 1970 года ВОФ начало все больше сосредотачивать свою деятельность исключительно в области собирательства почтовых марок, маркированных конвертов и открыток. Это привело к тому, что 27 мая 1972 года более 200 ленинградцев, собравшихся на конференцию, решили возобновить работу общества коллекционеров, опираясь на утвержденный и никем не отмененный устав 1958 года.

Общество стало объединять в своих рядах собирателей художественных открыток, карманных календарей, миниатюрных автомобилей и моделей другой транспортной и военной техники, картин, монет, янтаря, спичечных этикеток, игральные карты, памятные медалей,

бон, грампластинок, значков и многого другого, что есть на свете и из чего можно составить коллекцию — собрание однородных или разных предметов, имеющих познавательное, культурное, научное или иное значение. В обществе состоят люди самых разнообразных профессий и возраста.

ЛОК быстро растет. В нем более двух тысяч человек. Общество коллекционеров работает в контакте с Главным управлением культуры Ленгорисполкома, которое создало координационный совет специалистов из представителей музеев — Эрмитажа, Русского, истории Ленинграда, этнографии, представительей отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Раз в два года ЛОК проводит конференции, на них обсуждаются вопросы работы общества, его дальнейшего развития и производятся выборы нового состава правления и ревизионной комиссии, в которые избираются представители всех секций.

Работа секций — это выставки, пропаганда коллекционирования, изучение коллекционных материалов.

Например, с успехом прошла первая выставка художественных произведений из коллекций крупных ленинградских собирателей. Экспозиция была развернута в парадных залах Елагина дворца в Центральном парке культуры и отдыха. Демонстрировались самовары и ростовские эмали, бисер и фарфоровая мозаика, фарфор и стекло, старинные российские ордена и наградные медали, янтарь и керамика, картины и художественные изделия из металла, камня и миниатюры. Среди картин выделялись полотна Сурикова, Кустодиева, Тropicина, Дюпре, Бургиныона.

Была выставка «Русский и западноевропейский художественный металл XVIII—XIX веков» из собраний ленинградских коллекционеров.

Состоялась выставка значков, открыток и спичечных этикеток. На ней были представлены 23 коллекции. Такие как «Футбол в городе на Неве» в значках, «Советский спорт на Олимпийских играх» на открытках, «Республики Советской Прибалтики» на спичечных этикетках.

Запомнилась выставка в Центральном военно-морском музее. Демонстрировались значки, монеты, открытки, спичечные этикетки, игрушки-фигурки моряков и модели военной техники — самолетов, тан-

ков, вертолетов, бронетранспортеров, ракет и т. п. В ней приняло участие более двадцати членов ЛОК.

В художественном магазине-салоне «Ленинград» на Невском проспекте периодически устраиваются выставки открыток собирателей.

Члены секции филофонистов проводят ежегодно свыше двухсот лекций-концертов в Центральном театральном музее, Доме архитектора, квартире-музее Римского-Корсакова и в других местах.

Часто проводятся однодневные выставки значков, моделей автомобилей и другой техники, открыток и прочих коллекционных материалов в Центральном парке культуры и отдыха, в кинотеатрах и домах культуры, в пригородных парках и садах.

Члены ЛОКа будут и дальше развивать свою полезную деятельность, активно пропагандировать собирательство. Ведь коллекционеры, как однажды заметил Гете, — счастливые люди!

М. ГЛЕЙЗЕР

У ОКЕАНА МЫСЛЕЙ

Сергей Степанович Ворков отслужил на флоте сорок лет, став контр-адмиралом, кандидатом военно-морских наук. В годы Великой Отечественной командовал гвардейским эскаренным миноносцем «Сообразительный». Совершил более двухсот выходов в море, прошел в боях и походах около 120 тысяч километров. Участвовал в сражениях за Одессу, Севастополь, Новороссийск.

Автор нескольких книг, Сергей Степанович много лет настойчиво полнит копилку пословиц, афоризмов, легенд, крылатых выражений, посвященных морю. Это уже около ста тысяч карточек. Прочитаны тысячи книг и бесчисленные архивные документы в поиске новых мыслей и высказываний известных и неизвестных мореходов. Собирателю удалось создать своеобразный регистр морской мудрости, который, по всей видимости, совершенно неповторим, единственный в своем роде. Сергей Степанович Ворков доказал, что настоящий моряк — это всегда и великий труженик!

Бесчисленное множество по всем открытым морям и к странолюбивым берегам плавают, но токмо для прибытков; не ради науки. И мысль ослепленная и только лакомству внимающая не рассуждает, что само мореплавание чрез оную безопаснее быть может.

М. В. Ломоносов

Большие айсберги вызывают противоречивые чувства: понимаешь мощь и красоту природы, широту и ледяную глубину океана, свою крохотность и свою мощь, испытываешь ощущение одиночества и невозможность выразить в словах то, что видишь.

Ю. Смуул

Романтика вдохновляет людей на познание, ведет их вперед. Романтика рождает в людях дух отваги и постоянное стремление к преодолению препятствий на непроторенных путях исканий. Романтика придает людям божественные силы для путешествий на обратную сторону обыденности. Романтика — это могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения.

Ф. Нансен

Только исключительно выносливым, закаленным телом и духом людям под силу борьба с грозной полярной стихией. Люди — самая неопределенная величина в Антарктике. Самая тщательная подготовка, самый образцовый план могут быть сведены на нет неумелым или недостойным человеком... В полярных экспедициях хорошему человеку цены нет, плохой же человек быстро себя проявит, и товарищи проклинают и его, и тот час, когда он родился.

Ричард Бэрд

Человек изучил Землю, открыл уже немало тайн... полюса, но Океан, рядом с которым мы живем, во многом до сих пор загадка...

Академик А. П. Виноградов

Чем вырыты ужасной и недосягаемой глубины пучины морские? Конечно, не дождями и не бурями, кои во глубину мало весьма действуют; конечно, не вливающихся рек быстринию, коя исчезает при самых устьях. Есть в сердце земном иное неизмеримое могущество, которое по временам заставляет себя чувствовать на поверхности и коего следы повсюду явствуют, где дно морское на горах, на дне морском горы видимы...

М. В. Ломоносов

ЧАСЫ ОСТАНОВИЛА ПАМЯТЬ

Кандидат технических наук Александр Петрович Лысенко, выйдя на пенсию, стал собирать старинные предметы быта.

Иной любитель комфорта скептически улыбнется, понав в квартиру свердловчанина. Здесь он не увидит даже стула. Хотите присесть — пожалуйста, березовый чурбак. На стенах нет ковров — фотографии родителей, друзей. Прикреплены старые подковы, ножи, кованые гвозди, пробои, фигурные дверные ручки, щеколды, железнодорожные костыли, кора старого тополя и многое другое...

Пробудилась у Александра Петровича страсть коллекционера? Скорее, это спокойное, стойкое умонастроение, обретающее опору в сохранении и почитании памяти о людях, ушедших из жизни.

Когда-то, еще до Великой Отечественной войны, семья А. П. Лысенко проживала на одной из улиц Свердловска, именовавшихся Опалухами. На Опалухе прошло детство Александра Петровича и его брата Бориса — впоследствии Героя Советского Союза, погибшего в 1945 году. И вот однажды узнав, что ветхие домишки подлежат сносу, Александр Петрович пришел к родительскому дому, снял дверные ручки — на память об отце и матери, брате, своем детстве. Потом в других местах находил и собирал различные предметы, которыми сейчас городские жители уже почти не пользуются. Так квартира Александра Петровича превратилась в своеобразный музей.

— А зачем это? — показываю на прикрепленные к стене ржавые железнодорожные костыли. «Когда-то, — отвечает Александр Петрович, — по улице Колмогорова проходила железная дорога. Это была поистине живая артерия Верх-Исетского завода. По ней сновали, толкая вагоны, паровозы. Дорога занимала немалое место в нашем детском мировосприятии».

— Чем же вас волнует кора старого тополя?

— Сейчас того дерева уже нет... А мы с братом когда-то между двумя тополями в нашем дворе смастерили турник. Готовили, как говорилось, себя к труду и обороне.

Да, случайных вещей среди экспонатов нет. Вот, например, табакерка, изготовленная из гильзы «сорокапятки». Ее Александр Петрович сделал сам, на фронте. И сейчас в ней хранится махорка. Когда к нему приходят его друзья-фронтовики, он с удовольствием свернет самокрутку, вспоминая былые военные времена...

На стене висят старинные часы французской фирмы. Они стоят.

— Я остановил эти часы много лет назад, — с грустью говорит А. П. Лысенко, — когда умерла мама...

...Да, истинную цену ей, памяти, на первый взгляд туманной и зыбкой сферы душевного мира, знает лишь много повидавший, переудавший и переживший...

В. КОСТРИКИН

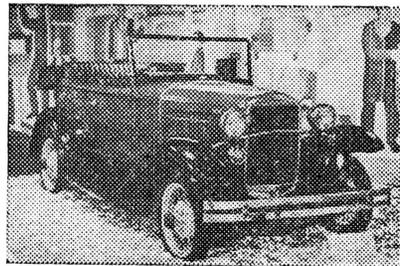
Такси...

В историю

В Москве, на Ташкентской улице — пятиэтажное здание 19-го таксомоторного парка. Здесь, на пятом этаже, расположен единственный в нашей стране музей такси...

Летом 1925 года в городе были организованы пассажирские перевозки, их осуществляли шестнадцать автомобилей фирмы «Рено». Население столицы быстро росло, метрополитен еще не был построен, и такси быстро завоевали популярность. В 1926 году по городу колесило уже тридцать автомобилей-такси, а к 1930 году число их возросло до 199. Все таксомоторы были иностранные: американские «форды», австрийские «штейеры» и итальянские «фиаты»; покупать их за границей было накладно, а потребность в такси все возрастала.

С 1932 года для таксомоторных перевозок стали поступать первые

отечественные автомобили «ГАЗ-А». До Великой Отечественной войны было выпущено еще два типа автомобилей-такси: «М-1» и «ЗИС-101». В послевоенные годы таксомоторные парки Москвы пополнялись автомобилями «Победа», «ЗИС-110», их сменили «ГАЗ-12», а затем «ГАЗ-21» и, наконец, «ГАЗ-24».

Автомобили для музея разыскивали во всех автохозяйствах города, некоторые, например «ГАЗ-А» и «М-1», купили у граждан. Руками энтузиастов-умельцев были проведены восстановительно-реставрационные работы, и старинные авто засверкали. В музее собраны не только старые автомобили. Здесь и модель перспективной автомобиля-такси, разработанная Институтом технической эстетики.

Стремителен наш век. В начале его Москва имела три десятка таксомоторов, а сегодня один только 19-й таксомоторный парк имеет более тысячи комфортабельных машин.

А. ПЕТРУНИН

Юности причал

Дом на улице Фрунзе (бывшей Саратовской) в городе Куйбышеве... Здесь в 1899—1901 годах жил А. Н. Толстой, это причал его юности. Последний раз он посетил деревянный двухэтажный особняк в 1936 году. В январские дни 1983 года, к столетию со дня рождения писателя, в доме открылся литературно-мемориальный музей.

Судьба обширного самарского архива, относящегося в основном к детству и юности писателя, архива, которому сам он, возможно, не придавал особого значения, сложилась на редкость удачно. Письма, рисунки, школьные сочинения, первые стихи и прозаические наброски, любимые книги и вещи — все это бережно хранила мать писателя Александра Леонтьевна, а после ее кончины — отчим А. А. Бостром. Какое-то время семейный архив был у друзей дома. Они сберегли его, передали по назначению, стали причастны к созданию музея.

На витринах — детские книги и журналы той поры, прочитанные Лелей, как звали его в семье. На открытых страницах — басни Эзопа, знаменитый рассказ В. Гаршина «Лягушка-путешественница»...

Мать Алеши — Александра

Леонтьевна (1854—1906) — была дочерью Л. Б. Тургенева, председателя первой земской управы в России — Самарской, и двоюродной внучкой декабриста Н. И. Тургенева. Этим родством особенно дорожили в семье, и писатель впоследствии упоминал о нем в автобиографии. В творческой судьбе сына роль матери стала определяющей. Александра Леонтьевна была писательницей — род занятий для женщин того времени достаточно редкий. Среди произведений, написанных ею за четверть века литературной деятельности, наибольшую известность получили роман «Неугомонное сердце», повести «Захолустье», «Сестра Верочка», «Изо дня в день», очерк «День Павла Егоровича», книги для детей.

«В доме моей матери были курицы: Щедрин, Тургенев, Некрасов. Они были соевостью нашего дома», — отмечал А. Толстой. Особый интерес проявляли в семье к произведениям Н. Г. Гарина-Михайловского, чье творчество было связано с пребыванием на самарской земле и посвящено судьбам интеллигенции.

Сын и мать вместе вели «Дневник погоды», по ее подсказке писал будущий писатель свои первые сочинения «Наступление осени», «Поездка по Волге» (они тоже представлены в экспозиции).

В пору ранней юности (детские годы А. Толстого прошли на хуторе Сосновка) он еще не ведал о своем будущем призвании, но уже доподлинно знал, как работать в поле, ощущал красоту и поэзию окружающей его природы. «Как хорошо», — сообщает он матери 3 сентября 1896 года, — вставать до света, позабыл сказать, что мы с папой спим на току на гороховой соломе.

Встанешь, тебя пробирает, ежишься, бежать хорошо, воздух чистый. Смотришь — встает солнышко, кидает тени сперва косые, бледные, потом все гуще и гуще, роса выладевает такая, что буквально предметы покрыты сплошь...

В доме-музее тщательно восстановлены интерьеры семейного гнезда Толстых — Бостромов. Комнаты отчима, матери и сына рядом, на втором этаже. В комнате Алексея кровать, темный письменный стол, обтянутый зеленым сукном, с медным чернильным прибором, пресс-папье и подсвечником.

На стене — барометр, подвесная книжная полка, есть еще узкий старинный шкафчик, наполненный книгами.

На столе — фотоаппарат фирмы «Кодак», набор красок — хозяин комнаты увлекался живописью.

В пору учебы в Самаре А. Н. Толстой посещал занятия в студии у художника К. Н. Воронова, в прошлом ученика И. Е. Репина. А еще было большое увлечение сценой. Как отметил в воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Алексей Толстой и Самара», доцент Куйбышевского политехнического института Е. Ю. Ган (он учился вместе с будущим писателем), в театр попадал зачастую тайком. Инспектор училища не разрешал подопечным смотреть не известные ему пьесы. Через особый ход с улицы пробирались на галерку, — туда не заглядывало начальство. Властителями дум юных театралов были Шекспир и Шиллер, Ибсен и Гауптман.

Значительное место занимают экспонаты петербургского периода жизни Алексея Толстого, когда учился он в технологическом институте, участвовал в студенческом движении и пробовал силы в литературе. Столичными впечатлениями о посещениях театров и выставок, о знакомствах с писателями и издателями, упоминаниями о студенческих сходках и демонстрациях полны его письма, адресованные родителям. Духовно близки ему в это время поэты Волошин, Бальмонт, Брюсов.

Примечательно его письмо о знакомстве с жизнью завода, где он был в 1904 году практикантом: «Работаю я на заводе на токарном станке и немного приучаюсь к способам обработки различных металлов. Народ на заводе очень развитый. Например, рядом с мной работает нижегородец лет 32, так он и рабочий вопрос, и политическую экономию читал, т.е. то, что ваш покорный слуга пытается тщетно уже несколько лет прочесть. Мастер этот выписывает газету, с ним интересно поговорить. Конечно, социал-демократ до мозга костей».

Оказывается, есть в студенческой жизни Алексея Толстого и страничка, связанная с Уралом. После четвертого курса института он проходит практику на Невьянском заводе. Вместе с женой Юлией Васильевной Рожанской и сыном Юрием совершает поездку в Пермь.

Впечатления от знакомства писателя с жизнью заводского края, его историей отразились в сценарии кинофильма «Петр I». Они связаны с событиями в демидовской вотчине. Подневольный труд уральских мастеровых, дикий производ владельца завода, по преданию, затопившего беглых в подвалах Невьянской башни, взрыв народного

гнева — все это, происходящее на экране, ассоциировалось у автора как с изучением документальных источников и преданий, так и с вполне реальным, оставшимся от яркой студенческой поры представлением о местности, ее неповторимом колорите.

Во время первой мировой войны писателя приглашают на работу в редакцию газеты «Русские ведомости».

Позднее, в статье «Октябрьская революция дала мне все», писатель признавал: «Империалистическая война дала новую арену для моей творческой работы. Я являлся военным корреспондентом... Мои фельетоны были плохи, но зато я на фронте увидел трагедию жизни, трагедию народа. Я вышел из заколдованного круга и увидел все исторические процессы (правда, тогда еще разобраться в них я не мог)».

Многие экспонаты рассказывают о работе А. Толстого в годы Великой Отечественной войны.

Э. МОЛЧАНОВ

Небо семнадцатого века

Гордость Ирбитского музея — библиотека, где хранятся редкие издания XVIII—XIX веков и рукописи... Их немного (семь), но каждая — памятник русской культуры XVIII века. Здесь и учебник геометрии, и авантюрный роман «Повесть о Барбосе, разбойнике Гиппанском, по научению от французского наследного принца разорявшего Францию», и сборник, содержащий «Казанский летописец» и одну из сибирских летописей. Уникально собрание рукописей XVIII века, принадлежавших иконописцу и певцу Герасиму Грязнову. Однако наиболее ценна самая ранняя рукопись, созданная в конце XVII — начале XVIII века.

Основную часть ее занимает «Алфавит духовный» — толкование иностранных слов. Около 50 страниц занимают выписки из различных глав Хронографа — о древнеперсидском государстве, о Троянской войне, о событиях в Римской

империи V века н. э. Последние семь листов занимает перевод сочинения польского математика и астронома XVII века Станислава Невеского о наблюдениях комет в 1680—1681 годах.

Конец XVII века — время великих открытий в естествознании, в частности в астрономии. Большое внимание в то время уделялось и наблюдениям комет, видимых невооруженным глазом. Это кометы 1680 и 1682 годов, особенности движения второй изучил английский математик Эдмунд Галлей и доказал, что она обращается вокруг Солнца с периодом в 76 лет. Наблюдения над «большой кометой» 1680 года позволили великому Исааку Ньютону развить теорию, получившую название закона всемирного тяготения.

Одним из исследователей комет XVIII века и был польский астроном и математик, доктор философии Станислав Невеский. Он переписывался с выдающимся астрономом из Гданьска Яном Гевелием, автором первого систематического свода всех наблюдавшихся до того времени комет — книг «Предвестник кометы» (1665) и «Кометография» (1668). Невеский и сам регулярно проводил наблюдения звездного неба, планет и комет. В 1681 году в г. Замостье он издал книгу, посвященную наблюдениям комет. Видимо, уже в 1690-е годы эту книгу перевели на русский язык, список этого перевода и хранится в уральском городе Ирбите. К сожалению, окончание книги утрачено.

Уже в первой главе своего труда Станислав Невеский дает ответ на принципиальный вопрос: являются ли кометы небесными телами или это атмосферные явления и, наконец, не появляется ли перед наблюдателями одна и та же комета. Доказательство того, что перед нами две разные кометы, Невеский приводит в соответствии с наблюдениями: «Та последняя (имеется в виду «большая комета» 1680 года.— А. Н.) от оных первая зело была вящшая, егда мало не четвертую часть небесе лучами своими вначале осенила», — писал Невеский. Различен был и внешний облик комет: «Из оных первая была аки бы шпага, зачинаяся от главы елико далее, то ужеша. Она же вторая противным способом: от главы что далее то ширша, яко же нижаше». Ссылаясь на свои наблюдения и на письмо Яна Гевелия, Невеский указывает и на различное направление видимого пути комет относительно плоскости земной

орбиты. Свое рассуждение Невеский сопровождает рисунком с изображением видимого облика двух комет 1680 года, их пути среди звезд по отношению к плоскости земной орбиты, отмеченной на рисунке в виде пересекающей его по горизонтали линии.

Видимому пути комет полностью посвящена вторая глава книги. Первая комета стала видна в созвездии Близнецов в октябре 1680 года и была видима до декабря, пройдя путь до созвездия Скорпиона. Вторая, «несравненнее видением страшнейша, нежели первая, ради своего необычного величества и изображения, пбо таковая никогда же в мире не являшеся», появилась 20 декабря 1680 года и была видима до февраля 1681 года, пройдя путь из созвездия Козерога к созвездию Овна.

Третья часть книги — «О естестве оных комет и о действе, чего бы от них подобало надеяться», а также и о сопровождающих кометы «звездных дождях» — метеорных потоках — в нашей рукописи не сохранилась.

Кому принадлежала рукопись книги Невеского? На обложке «Алфавита духовного», куда приплетена и книга Невеского, сохранилась подпись первой половины XVIII века: «Сия книга... Михаила Городкова». Кем он был? В XIX веке рукопись была реставрирована, возможно, другие записи при этом уничтожили.

Астрономических рукописей конца XVII века сохранилось очень мало. Ирбитская находка — свидетельство того, что астрономия уже интересовала образованных того времени людей, книга Невеского была переведена на русский язык очень оперативно (водяные знаки бумаги, на которой переписана рукопись, датируют ее 1690-ми годами). Дальнейшее изучение рукописи уточнит место русского перевода трактата Станислава Невеского в истории отечественного естествознания и астрономии.

А. НЕСТЕРОВ

ГЕНЕРАТОР ЧУДЕС

Всеволод РЕВИЧ

Назвав так юбилейную статью, написанную к 90-летию Юрия Александровича Долгушина, мы имели в виду не аппарат из его главного и единственного романа. У этих слов есть расширительный смысл: генератор чудес можно назвать всякого талантливого писателя-фантаста, да и всю фантастику в целом. В полной мере эти слова приложимы к самому Ю. А. Долгушину и к его роману.

Фантастические произведения редко выдерживают испытание временем. Если в книге нет ничего, кроме конкретного научно-технического предсказания, кому интересно перечитывать ее через несколько лет, даже если предвидение и оправдывается? Необходимо, чтобы сочинение было зеркалом своего времени, отражало человеческие типы, настроения, переживания, мечты тех лет, когда оно создавалось. Вот тогда мы начнем с любопытством и симпатией сравнивать реальное течение жизни и авторские представления о будущем. И они уже не покажутся нам наивными или пустыми, потому что за ними — время, эпоха, человек.

«Генератор чудес» (или «ГЧ») был напечатан в 1939—1940 гг. в журнале «Техника — молодежи». Фантастика тех лет несла на себе отпечаток сурового предвоенного десятилетия. Одни факторы поддерживали интерес к ней: героическая эпопея освоения Арктики, например, или деятельность Циолковского. Другие — мешали ее развитию, и нельзя сказать, что помехи были неэффективными.

Во второй половине 30-х годов на передний край выдвигается оборонная фантастика: с восточных и западных границ потянуло порохом. Были и легкие веселые, шапкозакидательские сочинения, вроде повести Н. Шпанова «Первый удар». Но лучшие книги тех лет сумели передать приближение большой беды. В первую очередь здесь можно назвать «Пылающий остров» А. Казанцева, «Тайну двух океанов» Г. Адамова и «Генератор чудес».

Роман Ю. Долгушина до войны выйти отдельным изданием не успел. Вернувшись к нему через полтора десятка лет, писатель неизбежно должен был ощутить на себе «проклятие» фантастики о недалеком будущем (не имеющей ничего общего с пресловутой фантастикой «ближнего прицела»). Жизнь прозвизжала автора — его прогнозы и предположения. И что же? Отгремела великая война, но ведь не применялись в ней чудесные генераторы, способные усыпить целое войско. Ю. Долгушину советовали перенести действие в сегодняшний день или даже в будущее, изменить биографии героев, словом, создать новое произведение. Но «ГЧ», хотя и подвергся серьезной редакции, принципиально не изменился и именно поэтому остался значительным явлением фантастики конца 30-х годов.

В романе передана предвоенная, предгрозовая атмосфера. Враг в нем назван правильно и в открытую. Схватаны многие черточки тех лет. Например, всеобщее увлечение радиолубительством. Немало энтузиастов, подобных Николаю Тунгусову, просиживали ночи над самодельными коротковолновиками, ловя голоса далеких континентов. Характерна фигура наркома — представителя ленинской гвардии. По стилю, поведению, образу мышления — это именно нарком, а не министр. Впечат-

ляючи успехи советской науки — медицины и биологии, еще свободных от тормозящего пресса лысенковщины. В масштабной фигуре профессора Ригана узнаваемы черты таких ученых-энциклопедистов, как Вернадский или Николай Вавилов. Даже то, что роман умолчал о многих реальных трудностях тех лет — тоже примета времени.

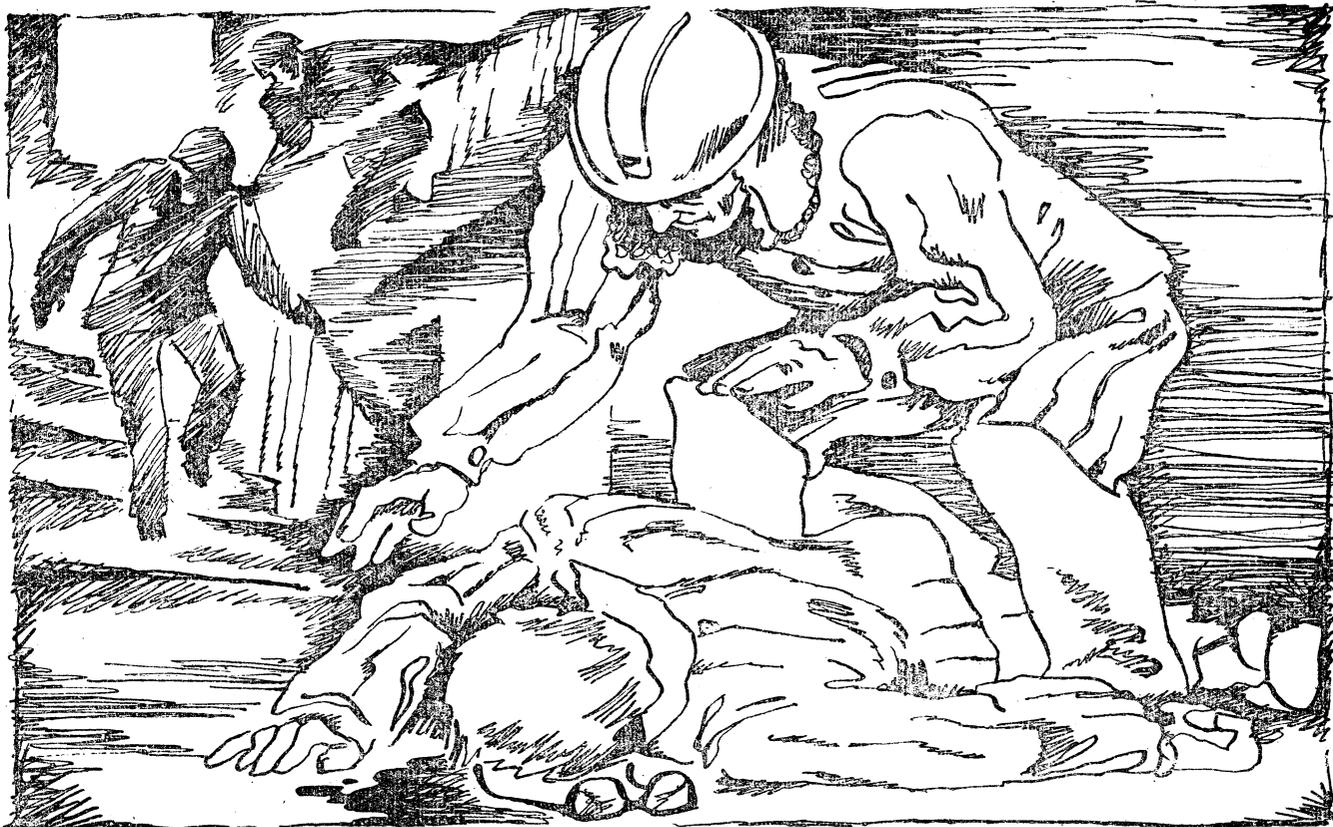
Вообще говоря, некорректно упрекать произведение в том, что в нем чего-то нет, но иные минусы чрезвычайно показательны. Так, в фантастику конца 30-х годов буквально рвалась тема овладения атомной энергией. Но, как ни странно, мы ее не находим нигде. Не стал исключением и «Генератор чудес».

Между тем в фантастике 20-х годов эта тема была одной из центральных. Ей посвящены рассказы, пьесы, романы, среди них заслуживающий переиздания «Бунт атомов» В. Орловского. И вдруг — молчок. Фантастика не сумела преодолеть догматические представления, которые насаждались в тогдашней науке. Президент АН СССР А. Александров и сегодня удивляется в своих воспоминаниях: «В 1936 году на сессии Академии наук наш институт критиковали за то, что в нем ведутся «не имеющие практической перспективы» работы по ядерной физике. Сейчас даже трудно представить, что это происходило всего лишь за 2—3 года до открытия деления урана...»

А как мы сейчас должны относиться к тем идеям, которые в романе были? Круг их весьма широк и касается не только прикладных применений ультракоротковолнового генератора, затронуты общие проблемы развития человеческого организма, новые методы лечения болезней, возможность победы над старостью... Можно ли утверждать, что фантаст заблуждался, ведь никто и по сей день не лечит болезни сверхкороткими волнами так, как это описано в романе? Нет, автор стоял на правильном пути. Вопреки унылым доктринарам повторим, что фантаст, литератор не обязан быть точным в частных прогнозах. Зато гипотезы Ригана — Долгушина привлекали свежестью и смелостью, они были направлены на свержение ярых бездарностей и консерваторов, учили молодежь ставить без боязни цели, достижение которых кем-то признано невозможным. Да, нет такого генератора, и волн мозга, может быть, тоже нет, но описаны эксперименты с ГЧ так убедительно, так пластично, что прежде всего очень хочется, чтобы это было правдой. Да, нельзя оживить через несколько часов после смерти утопленную девушку, но страницы воскрешения Анны выполнены прекрасно, и это действительно фантастика, действительно мечта, и писатель имеет на такую благородную выдумку полное право.

«ГЧ», пожалуй, редкий случай подлинно научной фантастики — в том смысле, что действие книги вращается в среде ученых и речь напрямую идет о науке.

Издательскую судьбу романа нельзя назвать очень удачной. В 60-х годах он был издан несколько раз — и тем дело ограничилось. Это делает честь скромности автора, но «ГЧ» — может быть, больше, чем иные из постоянно переиздаваемых книг — заслуживает того, чтобы с ним знакомились каждое новое поколение читателей.

ТРАЕКТОРИЯ

Повесть

Александр ЛЕОНИДОВ

Рисунок Н. Павлова

1.

В кабинете так холодно, что не хочется снимать шубу. Сама виновата. Привыкла к последним теплым зимам, к дождю под Новый год и поленилась закрыть окно. А сибирский мороз и напомнил о себе — под сорок и с ветерком!

На улице темень, будто сейчас не девять утра, а глубокая ночь. Уличный фонарь качает из стороны в сторону, и причудливые узоры на стекле, словно в калейдоскопе, меняют свой рисунок.

Торопливо щелкаю выключателем. Желтая лампа над столом — как маленькое солнце, и мускулистый кузнец на металлическом ромбике сейфа, изготовленного новониколаевской артелью «Ударник», — в одном фартуке. Он так увлечен

своим делом, так азартно колотит здоровенным молотком по наковальне, что не замечает, какая холодина в кабинете. Вынимаю из сейфа тоненькую папочку и усаживаюсь за стол.

«Большинство преступлений совершается в теплое время года». Это из нашего профессионального фольклора.

Но и зимой, к сожалению, тоже бывают.

Погиб человек, упал в лестничный пролет строящегося здания.

Хохлов Алексей Иванович не был строителем. Он был старшим инженером-программистом вычислительного центра «Оргэнергостроя». Строительное управление № 15 возводило для работников института жилой дом, и Алексея Ивановича откомандировали на помощь строителям.

Должностные лица стройуправления допустили три нарушения: не обязали Хохлова пройти медицинский осмотр, инструктаж по технике безопасности и не обеспечили устройство ограждений лестничного пролета.

Вчера вечером Павел Петрович, прокурор района, передал мне эту папку, прикрепив к ней небольшой квадратик бумаги, на котором красными чернилами вывел: «Л. М. Приваловой. Возбудите уголовное дело и примите к своему производству». Далее следовало шесть пунктов указаний. Первый из них — осмотр места происшествия. Указание самое обычное, если не принимать во внимание утреннюю сводку гидрометцентра и то, что я понятия не имею, где искать дом, обозначенный строительным номером «42». Само же управление находится на другом конце города. Две недели назад, когда было минус двадцать, это бы меня не смутило. А сегодня я просто не смогла заставить себя бежать к гаражу, возиться с промерзшими замками, обжигаящими пальцы даже сквозь пуховые варежки, отгребать заметенные снегом ворота, садиться в выстуженную «Ниву» и трястись от холода, пока прогреется двигатель.

Секретарь прокуратуры Танечка Сероокая, оторвавшись от разбора почты, испуганно вскидывает ресницы:

— Лариса Михайловна! Вы слышали?! «Штормовое предупреждение»!! По радио передали!

О тридцати восьми ниже нуля и ветре десять — пятнадцать метров в секунду я слышала, но трагизм в голосе Танечки заставляет поежиться. Однако улыбаюсь.

— Переживем.

Она порывается возразить, но не успевает. Я уже в кабинете шефа.

— Здравствуйте, Павел Петрович. Мне бы машину ненадолго.

Прокурор смотрит непонимающе. Объясняя, куда нужно съездить и почему не могу воспользоваться отцовской «Нивой». Павел Петрович отгибает манжет рубашки, смотрит на часы.

— Через пять минут еду в райком, — говорит он, но видит мое огорченное лицо и добавляет: — После этого машина в твоём распоряжении.

Награждаю шефа благодарной улыбкой.

— Тогда я с вами и — сразу в стройуправление.

2.

Приемную начальника строительного управления нахожу без особого труда, даже не глядя на таблички. Все двери белые, эта сверкает полировкой. Открываю ее и попадаю в джунгли. Стены

увиты лианами, широкие темно-зеленые листья экзотических растений подчеркивают нежность и чистоту цвета распустившихся бутонов, в кадках застыли лохматые стволы пальм. Посреди всего этого великолепия за двухтумбовым столом восседает полная женщина с усиками на верхней губе, с высокой прической, напоминающей шахматную ладью. Пока я разглядываю приемную, секретарь разглядывает меня.

— По личным вопросам в среду с шестнадцати до восемнадцати, — сообщает она и, взяв ленточку, какие продаются в отделах детской игрушки, принимается заботливо насыщать влагой многочисленные горшки и горшочки.

— Я не по личному.

— По какому же? — удивленно поднимает голову секретарь.

— По государственному, — отвечаю я, предъявляя удостоверение.

Ей очень не хочется беспокоить начальство, но длительное ожидание в мои планы не входит.

Независимо откинув голову, Семирамида строительного управления нажимает клавишу селектора.

— Извините, Борис Васильевич, но к вам из прокуратуры... следователь.

— Пусть проходит, — после некоторой паузы раздаётся из динамика сухой голос.

Снимаю шубу, иду в кабинет.

Начальник управления недоуменно приподнимает брови, но встает из-за стола и широкими шагами идет навстречу.

— Мизеров, — аккуратно пожимая мою руку, говорит он и представляет пожилого, бритого наголо мужчину со склеротическими жилками на полном лице. — Наш главный инженер, Федор Афанасьевич Омелин.

Узнав, чем вызван визит, Мизеров грустно качает головой.

— Да, все это очень неприятно... С того времени, как я принял управление, это первый несчастный случай с такими последствиями. Кто бы мог подумать? Хотя все мы, строители, под богом ходим.

— Такая опасная работа? — удивленно раскрываю глаза.

Мизеров покровительственно улыбается.

— Лариса Михайловна, вы не совсем правильно меня поняли. Случайностей много. Тот не тупил, этот каску поленился надеть, а руководители за все в ответе. Нет, мы их, разумеется, наказываем, но ведь нормального производственного риска не избежишь.

— Отсутствие ограждений вы считаете нормальным производственным риском?

— Разумеется, нет. Прораба Дербеко я не оп-

равдываю. Тут его прямая вина, но и пострадавшему следовало быть поосторожней.

— Погибшему, — уточняю я, чем вызываю гримасу легкого раздражения на лице Мизерова. — К тому же Хохлова забыли проинструктировать по технике безопасности.

Борис Васильевич согласно кивает.

— Явное упущение. Ума не приложу, как Дербекко не проследил, чтобы Хохлов расписался в журнале?

— Вы убеждены, что упущение только в этом?

— Дербекко — опытный строитель. Не думаю, чтобы он мог допустить к работе без инструктажа.

— А без медицинской справки?

Лицо Мизерова становится тревожно-сосредоточенным, как у водителя, идущего на рискованный обгон. Он бросает короткий, но пристальный взгляд на главного инженера. Тот отводит глаза.

— Как ни прискорбно, Дербекко и тут не доглядел, — качает головой Мизеров с таким видом, словно отдает на заклятие лучшего друга.

Спрашиваю главного инженера:

— Федор Афанасьевич, вы тоже так считаете?

— Лариса Михайловна, — вместо Омелина отвечает его начальник. — О чем сейчас говорить? Как бы мы ни считали, технический инспектор профсоюза пришел к выводу, что непосредственный виновник несчастного случая — Дербекко.

— Технический инспектор указывает и на отсутствие надлежащего контроля с вашей стороны, — напоминаю я.

— Что ж, мы не снимаем с себя моральной ответственности. Ни я, ни Федор Афанасьевич. Придется быть вдвое жестче и требовательней. Прораб уже наказан моей властью: объявлен строгий выговор, лишен всех видов поощрений. Но, разумеется, и мы с главным инженером не остались без взысканий. Теперь на каждом совещании будут нас поинимать, — сокрушенно говорит Мизеров и косится на часы, давая понять, что я отнимаю время у очень занятого человека.

— Значит, чувствуете за собой лишь моральную ответственность?

Спрашиваю, а сама смотрю на Омелина. Тот продолжает разглядывать лежащий перед ним чистый лист бумаги.

Снова вместо главного инженера отвечает Мизеров:

— Мы сделали все, чтобы хоть как-то облегчить положение семьи Хохлова. Всеми правдами и неправдами выбили для его жены и детей трехкомнатную квартиру в доме улучшенной планировки. Сами понимаете, как это было сложно: он же не наш работник. Взяли на себя расходы по похоронам...

Вижу, что он опять косится на часы.

— Как найти дом, где погиб Хохлов?

— А-а-а? — вопросительно тянет Мизеров.

— Необходимо осмотреть место происшествия и допросить Дербекко.

— Понимаю, — встревоженно говорит он, потом называет адрес...

На крыльце спохватываюсь. Вот растяпа! Опять варежки забыла! Вбегаю в приемную и слышу конец фразы, доносящейся из селектора: «...быстренько найдите мне Дербекко!»

Так и есть! Мои пуховые варежки спокойно лежат на стуле и ждут хозяйку.

3.

Прокурорская «Волга» прижимается к сугробу, пропуская выезжающий из распахнутых ворот длинный панелевоз, и, плавно покачиваясь на ледяных выбоинах, катит к девятиэтажке.

— Подожди, пожалуйста, я быстро, — прошу водителя.

Территория стройки пустынна, и, несмотря на залежи бетонных плит, блоков, торчащие из снега доски и трубы, создается впечатление, что нога человека здесь не ступала. Холодный ветер кружит поземку, гремит плохо прибитым к стене вагончика листом железа с облупившимися буквами, призывающими соблюдать правила безопасности работ, подвывает в пустых глазницах неостекленных окон, врывается в подъезды. Чувство арктического одиночества исчезает, когда из-за угла появляется невысокий пожилой мужчина в огромных серых валенках, ватных штанах, телогрейке и желтой пластмассовой каске, косо сидящей поверх шапки с завязанными под подбородком ушами. Он, уставившись глазами в землю, тянет за собой доску. Притопывая, чтобы как-то согреть ноги, жду его приближения. Взгляд мужчины упирается в мои сапожки, и он озадаченно поднимает красное от ветра лицо.

Спрашиваю, где у них произошел несчастный случай. Мужчина внимательно оглядывает меня:

— Очередное расследование?.. Пойдемте, покажу.

Остановившись перед дверным проемом подъезда, поясняет:

— Здесь... С четвертого этажа.

Слежу за брезентовой рукавицей, как бы прочертившей в воздухе траекторию падения, смотрю на припорошенный снегом бетонный пол. Неожиданный порыв ветра взвивает снег, обнажая застывшую бурю лужицу.

— Сюда и упал, — тихо произносит мужчина. — «Скорая» примчалась, а он уже все...

В вагончике жарко от раскаленной добела спи-

рали мощного калорифера. Распахиваю шубу и всем телом впитываю горячий сухой воздух.

— Проходите, не стесняйтесь! — весело встречает меня здоровенный кудрявый парень. — Компанию составите!

Сидящий рядом с ним за столом худощавый горбоносый мужчина толкает его в бок локтем:

— Кончай. Может, человек из треста.

— Я не из треста.

Парень с размаху хлопает горбоногого по спине.

— Вечно ты всех боишься!.. Садитесь, девушка.

Вздохнув, горбоносый вытягивает из-под стола откупоренную бутылку вина, наливает и придвигает стакан кудрявому. Парень подает его мне:

— Согрейтесь!

Кудрявый, видимо, относится к людям, которым мало самим выпить — обязательно надо напоить другого. Когда я отказываюсь, он взывает к приткнувшемуся в углу вагончика бородачу:

— Григорий, поддержи компанию!

Бородач отрывает задумчивый взгляд от пестрящих математическими формулами страниц увесистого фолианта, поправляет очки, мотает головой. Заметив меня, привстает.

— Здравствуйте...

— Григорий, девушка не к тебе? — осведомляется кудрявый.

— Не-ет, — близоруко щурясь, отвечает тот.

— Вовка, кончай трепаться, — недовольно кричит губы горбоносый. — Дементыч придет, опять разноется.

— Ой, Жижин, какой ты нудный! — усмехается Вовка и, неторопливо осушив стакан, склоняется ко мне. — Так вы к кому, девушка?

— К прорабу.

Владимир на секунду задумывается, затем оживляется:

— Кафель нужен? Без прораба сделаем.

По тому как вздрагивает приложенный к губам Жижина стакан, понимаю, что он пихает ногой своего собутыльника.

Дверь вагончика распахивается. Входит высокий, с густыми черными бровями мужчина в крытом полушубке, унтах и рыжей собачьей шапке. Жижин делает судорожный глоток, поспешно отставляет стакан.

— Хватит рассиживаться, — бросает вошедший. — Идите работать.

— Какая работа в такую погоду?! — задиристо восклицает Владимир, запуская руку в кудри. — Дед Мороз пусть вкальвает!

— Бабарыкин, не нарывайся на неприятность,— осаживает высокий и глазами указывает на меня.— Опять к тебе?

— К вам, Антон Петрович! — язвительно ухмыляется кудрявый. Прораб выпроваживает всех троих, окидывает меня цепким взглядом.

— Что вы хотите?

Спокойно объясняю. Дербeko неожиданно взрывается:

— Сколько можно?! Наши осматривали, технический инспектор осматривал, теперь следователь!

— Смерть человека из-за чьей-то небрежности — не мелочь, придется потерпеть,— сухо замечает я.— Мне нужны двое понятых, желательно не из тех, кто находился в тот день на объекте.

— Может, Жижина и Бабарыкина? — неохотно интересуется Дербeko.

— Они в нетрезвом состоянии...

— Да?! — очень натурально изображает удивление прораб.— Не заметил.

— И не обратили внимания, как Жижин допивал вино?

— Откуда я знаю, вино он пьет или чай! — Дербeko бросает быстрый взгляд на стоящую под скамейкой бутылку.— Совсем распустились! Придется отстранить от работы. И Зайцев пил? Ну, этот, с бородой?..

— Он книгу читал.

— Понаслали кандидатов в доктора! — хмыкает прораб.

— Плохо работают?

— Какие из них работники! — Он отмахивается.— Так, на подсобке держим. Одни неприятности от этих деятелей.

— Технический инспектор считает вас непосредственным виновником гибели Хохлова,— без перехода говорю я.

— Я его не толкал! — мгновенно отрезает Дербeko.— И инструктировать должен был не я, а мастер. Хохлов — не младенец, сам должен был понимать...

— Мастера у вас нет уже третий месяц, и его обязанности ложатся на вас, как на руководителя.

— Ведь знаете же, какая у нас обстановка... А план требуют. Вот и разрываюсь на части. Закрутился. Проинструктировал, а расписаться — забыл заставить. Зайцев расписался, а за Хохловым не проследил.

— А медосмотр?

— Откуда мне было знать, что он подслеповатый! Зайцев тоже в очках, и ничего, работает. Но руководство я поставил в известность, что люди из института без врачебных справок пришли. А они: потом, мол, осмотр пройдут! Всегда у нас «давай», а прораб крайний!

— «Руководство» — это кто?

Прораб открывает рот, но тут же и закрывает. Повторяю вопрос.

— Не помню... Помню, докладывал, а кому?.. Хоть убейте.

— Не ставить ограждения — тоже указание свыше?

— Досок не было,— мрачнеет Дербeko.— Сроду никто не падал...

— Неправда, Антон Петрович, доски у вас под снегом...

Дербeko тяжело вздыхает, молчит. Напоминаю о понятых. Он встает и выходит из вагончика.

Вскоре вваливаются Жижин и Бабарыкин. Жижин, не глядя в мою сторону, рывками стягивает телогрейку, надевает пальто, прощается почти не разжимая губ и выскальзывает за дверь. Бабарыкин переодевается медленно, не спуская с меня любопытных глаз. Выходя, ехидно ухмыляется:

— Спасибо за тринадцатую...

— Пожалуйста,— говорю ему вслед.

Раскрасневшийся от быстрой ходьбы Дербeko приводит двух понятых. Сообщает, что это водители панелевозов, и просит долго их не задерживать. Мы выходим на улицу. После жаркого вагончика кажется, что потеплело, но с первым же порывом ветра это ощущение улетучивается.

В подъезде достаю из сумочки блокнот и пробую расписать ручку. Бесполезно. Придется пользоваться дефицитным косметическим карандашом... Шаг за шагом осматриваю этажи.

На лестничной площадке четвертого слышу доносящийся из квартиры стук молотка, поворачиваюсь к прорабу.

— Это наш плотник, Дементыч... Данилов,— поясняет он.

На голос прораба в дверном проеме появляется тот самый мужчина в желтой каске. Следом за ним — Зайцев. Оба с любопытством смотрят на нашу процессию.

Внимательно оглядываю бетонный пол и замечаю закатившуюся в щель между плитами пуговицу. Черную пуговицу от верхней одежды, обычную, если не считать, что она лежит там, откуда упал Хохлов, и не видеть обрывки ниток. Оборачиваюсь, чтобы заострить внимание понятых на находке, и встречаюсь с глазами Дербeko. Он хочет отвести взгляд, но против воли продолжает смотреть на меня. Я же смотрю на его правую руку. Она потихоньку пробегает по пуговицам полушубка и успокаивается: все пуговицы на месте. Длится это каких-то две-три секунды.

— Зря вы... Никто в его смерти не виноват,— вздыхает Дербeko.

— Вы по-прежнему так считаете? — удивляюсь я.

Дербeko неопределенно пожимает плечами.

— Неужели никаких сомнений?

— Какие сомнения? — резко возражает он. — Обыкновенный несчастный случай.

В глазах Дементыча — все то же любопытство. Зайцев, почесывая бороду, отрешенно смотрит вниз. Понятые недоуменно переглядываются.

Вырываю листок из блокнота и заворачиваю пуговицу. В упор гляжу на Дербeko.

— Несчастный случай, происшедший по вашей вине.

Когда заканчиваю осмотр, с улицы доносится требовательный автомобильный сигнал. Узнаю «голос» прокурорской «Волги». С ужасом смотрю на часы. Все! Больше шеф машину не даст. Прошу понятых дожидаться в вагончике и быстро сбегаю по лестнице.

— Не слишком ли долго?

Шофер встречает меня улыбкой.

Сажусь в машину, но только для того, чтобы отогреть ноги.

— Интересная? — кивнув на книгу, спрашиваю я. У Виктора всегда какая-нибудь книга.

— Читать можно... О милицейской работе — «Гамак из паутины», детективная хроника... Едем, а то шеф уже, наверное, заждался.

— Мне еще протокол написать да двух человек допросить, — говорю я. — Придется добираться на автобусе.

— Понимаю, — улыбается Виктор. — Если шефу машина не нужна, я через часок заскочу.

Обрадованно выскакиваю из «Волги».

4.

Вагончик встречает меня напряженной тишиной. Дербeko уткнулся в бумаги, но по тому, как он быстро оборачивается при моем появлении, становится ясно, что его мысли заняты отнюдь не изучением документов. Зайцев продолжает штудировать свой фолиант. Дементыч сидит с закрытыми глазами, протянув ноги в больших валенках к калориферу. Нетерпеливо курят понятые. Извиняюсь перед ними и, изредка заглядывая в блокнот, строчу протокол осмотра места происшествия.

Минут через двадцать понятые, ознакомившись с протоколом и подписав его, уходят. Вынимаю из сумочки сложенный вчетверо бланк протокола допроса свидетеля, разглаживаю, проставляю дату и поднимаю глаза на Данилова.

— Тимофей Дементьевич, мне известно, что вы были очевидцем. Расскажите, как все произошло.

Данилов приподнимает веки, косится на прораба. Громко прошу:

— Антон Петрович, мне бы хотелось поговорить со свидетелями...

Дербекко порывисто встает и, на ходу застегивая полушубок, покидает вагончик. Данилов провожает его взглядом, подсаживается ко мне. Помолчав, задумчиво произносит:

— Жаль Алексея Ивановича... Принципиальный товарищ был...

— Как вы оказались на месте происшествия?

— Обыкновенно... Проходил мимо подъезда, услышал громкий голос. Я вообще-то не из любопытных, но тут притормозил: сердито кричал человек. Зашел, прислушался, а это Алексей Иванович на кого-то шумел. Дескать, не прекратите это безобразие — начальству доложу.

— На кого кричал Хохлов?

— Так и не понял... Снизу же ничего не видно.

— Кроме Хохлова вы никого не слышали?

— Слышать-то слышал, — виновато втягивает голову Дементьич. — Но кто — не разобрал. Да и сказал-то он всего-ничего: «Пошел ты!..»

Вздыхаю. Слишком короткая фраза. Шапка с опущенными ушами, расстояние в четыре этажа... Трудно, конечно, услышать, кто говорил, но я все-таки пытаюсь выяснить, не показался ли голос знакомым.

Данилов сосредоточенно сдвигает брови, словно перебирает в памяти голоса всех известных ему людей.

— Не показался, — огорченно роняет он. — Уж извините...

— Что было дальше?

— Крик... Длинный такой, — Дементьич отводит глаза. — Жутко вспомнить. Он ведь прямо к моим ногам упал... Я подскочил, а он уже мертвый. Народ сбегался, давай зачем-то «Скорую» вызывать...

— Кто прибежал? — уточняю я.

— Первым — Григорий, — кивает на Зайцева Данилов. — Потом прораб, за ним Жижин и Бабарыкин, кто-то еще... Дербекко очевидцев сразу искать стал, выяснять, что да как. На меня накинулся, будто я что-то знал.

— А остальные как реагировали?

— Стояли и молчали. Что тут скажешь?

— Вы в тот день встречались с Хохловым?

— Встречался. На третьем этаже кто-то дверь стеного шкафа оторвал, надо было подделать. Алексей Иванович как раз в соседней квартире мусор после плиточников убирал. Это примерно в одиннадцать было, часа за полтора как разбился...

Вспоминаю бумагу технического инспектора. Откуда в заключении появились сведения, что Хохлов упал именно с четвертого этажа?

— Мог Хохлов за полтора часа управиться

на третьем и перейти на четвертый? — спрашиваю я.

— Вряд ли... Работы там было выше головы.

— Тогда почему вы решили, что он упал с четвертого?

— Я решил?! — недоуменно смотрит Данилов. — Ничего я не решал.

— Так вы не видели, откуда он упал? — удивляюсь я.

— Не видел.

Час от часу не легче! Кто же видел? Или хотя бы мог видеть? Спрашиваю об этом у Данилова. Он задумывается, неуверенно отвечает:

— Бабарыкин работал на четвертом, но в другом подъезде. Жижин в том же, но на пятом. Больше близости никого не было.

Проверяю мелькнувшую догадку, точнее, ее тень:

— Подъезды сообщаются?

— Нет, но можно пройти через лоджию.

— Откуда появился Дербекко?

— Не помню... Кажется, со стороны вагончика... Нет, не помню и врать не буду. Со спины он подошел.

— Когда вы стояли рядом с погибшим, никто сверху не спускался?

— Хорошо помню — никто, — категорично заявляет Дементьич.

— А как же Жижин оказался внизу?

— Может, раньше спустился, — неуверенно тянет Данилов. — Он тоже со спины подошел.

— Посторонних в тот день на стройке не было?

Данилов не успевает ответить.

— Был посторонний! — вмешивается Зайцев. — Я часто с Бабарыкиным работаю, а он вечно посылает за чем-нибудь: то отвес забудет, то пшпигат... В тот раз направил за карандашом. Когда я выходил из подъезда, в соседний, где Алексей Иванович был, зашел незнакомый мужчина.

— Приметы? — быстро спрашиваю я. — Как он выглядел?

— Одет по-зимнему. Пальто со светлым каракулем, серое. На голове пирожок.

Я так старательно пытаюсь представить себе гражданина в сером пальто, что у меня невольно вырывается:

— Пирожок?

— Панаха такая, — стеснительно улыбается Зайцев. — Их мало кто сейчас носит.

Усмехаюсь про себя. Если все понимать буквально, невольно окажешься в дурацком положении. Спрашиваю Зайцева:

— После случившегося незнакомец не попался вам на глаза?

— Не видел.

— Опознать сможете?

— Думаю, смогу,— чуть помедлив, отвечает он.

Следующий вопрос задаю уже с некоторым колебанием. Такое впечатление, что чем больше спрашиваешь, тем больше все запутывается.

— У вас не возникала мысль, что Хохлов упал не сам?

Мои собеседники переглядываются. Потом устремляют взгляды на меня. В глазах — боязнь признаться самим себе, что подобное могло произойти.

Прерываю тягостное молчание.

— Враги у Хохлова были?

— Какие в наше время враги? — приподнимает плечо Зайцев.— Ритм жизни не тот.

Понимая, что взяла слишком круто, уточняю:

— Назовем по-другому: недоброжелатели?

— Такие, конечно, были,— соглашается Зайцев.— Сейчас много людей, подобных «вещи в себе». Обо всем знают и молчат, связываться нет желания, да и времени. А Хохлов — будто из двадцатых годов. До всего ему дело, обязательно во все ввязывался.

— Это точно,— поддакивает Дементьич.— Острокопный был человек. Хохлова-то к Жижину подсобником приставили, так у них одна ругань пошла. Жижин ведь до выпивки охочий. Алексей Иванович возьми да прорабу и выскажи это. А тот как смотрел сквозь пальцы, так и продолжает. Хохлов пригрозил, что на обоих докладную напишет. Тут еще больше кутерьма разгорелась. Жижин в отместку совсем его заездил.

Вспоминаю предложение Бабарыкина «сделать» кафель и интересуюсь:

— Тимофей Дементьевич, кафель никто из рабочих не продает?

— Да как вам сказать...— мнется он.— Я лично не видел, но рядок-другой в квартирах недокладывают. Правда, плиточники ссылаются на бой, на брак...

— Дербeko об этом знает?

— Кому же знать, как не ему? Ругался, бывало, да толку... Но сильно шум не поднимал: зачем, чтобы в управлении знали? Он у нас со всеми ладить любит. Только с Хохловым никак мир не брал. Кому понравится, когда правдой в морду тычут?— усмехается Данилов, потом серьезнеет.— Товарищ следователь, вы правильно поймите: не хочу я сказать, что Дербeko или Жижин столкнули Алексея Ивановича. Не было у них такой уж сильной злобы. Ругаться — одно, а человека жизни лишить...

Неизвестно кого спрашиваю:

— Значит, несчастный случай?..

— Это самое вероятное,— подтверждает Зайцев.— У Хохлова была сильная близорукость, вогречах мог и оступиться... Когда мы на стройку пришли, Дербeko сказал, что надо пройти медосмотр, а сам так и не отпустил в поликлинику. Работы было много. Как только Хохлов упал, сразу к врачам погнали и за технику безопасности заставили расписаться.

— Разве Дербeko не проводил с вами инструктаж?

— Инструктаж? — искренне удивляется Зайцев.— Сказал, чтобы не совались куда попало, мол, не младенцы, сами должны понимать. Только и всего...

С улицы слышится протяжный гудок автомобиля. Хотя это и не голос нашей «Волги», выглядываю в окно. Неподалеку стоит «уазик» с брезентовым верхом и нелепой надписью «Строилaborатория».

— Начальника управления, Мизерова, машина,— подсказывает Данилов.

Из подъезда дома выходит Дербeko и спешит к «уазик».

5.

В моей комнате так тихо, что слышно, как отсчитывает время стоящий на кухне будильник. А время зимой тягучее, словно начинающий густеть мед. Особенно ощущаю это сейчас. Родители уехали по туристической путевке. Маршрут у них хороший, теплый: Баку — Тбилиси — Ереван. Мой любимый повоз своих акселератов на зимние каникулы в Москву. И я осталась одна-одинешенька. Господи! Кто бы чайник на плиту поставил?! Нет, конечно, маме с папой надо отдохнуть, они так устают. Папа — за штурвалом аэробуса. Мама — от постоянного ожидания папы и от хлопот о своей, как она говорит, непутевой дочери, то есть обо мне. Понимаю, что и Толику не помешает поездка в Москву, хотя бы в качестве классного руководителя. Но все равно ужасно обидно, что осталась одна. И Маринка не звонит целых три дня, и Люська меня забыла, закутилась со своим семейством. Читать я уже пробовала, телевизор включала, радио слушала. Что бы еще такого поделать? Скорее бы утро, да на работу. Несмотря на то, что еще нет и девяти, решаю лечь спать. Три бодрых звонка останавливают меня.

— Привет, старуха! — с порога кричит Маринка.— Замерзла! Чаю хочу!

Сколько я ругала подругу за эту дурацкую привычку — нажимать на звонок не меньше трех раз. Маринка неисправима. Она из тех людей, которые думают, будто во всех квартирах непре-

менно включены стиральные машины, пылесос, телевизор, а хозяйка, напялив стереонаушники, сбивает миксером сметанный крем.

Но сейчас поднятый Маринкой трезвон прозвучал для меня нежнее пастушьей свирели. Чмокая подругу в щеку, жду, пока она скинет расшитые бисером миниатюрные унты, шубу, ондатровую шапку, и волоку на кухню. Ставлю чайник. Маринка придвигает табуретку к батарее и, шмыгая покрасневшим носом, умудряется усесться так, что и руки, и ступни ног оказываются рядом, у самой горячей точки радиатора. Снимать толстый свитер категорически отказывается. Отогревшись, она начинает тараторить без умолку.

Прикрываю глаза. Хорошо, когда тепло, уютно и рядом близкий человек. Внезапно Маринка делает долгую паузу, заставляя меня насторожиться и открыть глаза.

— Толик звонил? — спрашивает она.

Пожимаю плечами.

— Может, и звонил. Меня ни дома, ни на работе не застать...

— Удивляюсь твоему долготерпению! — возмущенно говорит подруга.

В августе я совершила большую глупость. Но не говорить же об этом Маринке. Толик завел разговор о женитьбе, а я из-за своей дурацкой, никому не нужной гордости свела все к шутке. Жди теперь, когда мой любимый еще раз переберет свою природную робость. А ведь уже двадцать семь...

Маринка смотрит с жалостью. Она почему-то считает, что уж ей-то не грозит остаться «синим чулком», а вот обо мне просто необходимо побеспокоиться.

— Хочешь, я Толику все выскажу?! — азартно предлагает она. — В конце концов это безобразие! Шесть лет водить девушку за нос! Нет, я этого так не оставлю! Сколько можно?! Вернется — все выскажу!

Маринка — настоящий борец за права женщин. Но перспектива выйти замуж под давлением общественности мне вовсе не улыбается. Отрицательно качаю головой. Это еще больше раздражает подругу.

— Даже не уговаривай! Специально поеду на вокзал!

Понимая, что компромиссы Маринку не устраивают, говорю:

— Я сама... сделаю еще одно предложение.

— Правильно! — обрадованно восклицает она. — Налей-ка чаю.

Упрашиваю Маринку остаться ночевать, и к двум часам ночи мы успеваем обсудить почти половину волнующих нас проблем.

6.

Женщина с шахматной ладьей на голове на этот раз встречает меня приветливее и сообщает, что начальник стройуправления должен вот-вот появиться. В приемную заглядывает искусственная блондинка в пушистой розовой кофте из японского мохера, — этакая синтетическая кошечка.

— Борис Васильевич у себя? Мне ходатайство подписать надо... Путевки в Горную Шорию обком профсоюза выделил...

— Оставьте, я передам, — величаво качнув высокую прическу, роняет Семирамида.

Когда дверь за пушистой блондинкой закрывается, спрашиваю:

— Председатель профкома?

— Не поймешь кто, — небрежно отзывается секретарь. — И инженер по технике безопасности, и ВОИРОм командует, и профкомом.

Извинившись, выскакиваю из приемной. Розовая кофточка виднеется в конце коридора. Догоняю ее.

— Мне сказали, что вы инженер по технике безопасности. А я — следователь прокуратуры. Расследую несчастный случай с Хохловым.

— Очень приятно, — неуверенно произносит блондинка и, открыв дверь, приглашает. — Проходите, пожалуйста.

К моему удивлению, она оказывается хозяйкой хотя и небольшого, но отдельного кабинета.

— Что вам известно о несчастном случае? — спрашиваю я.

— Да собственно... Что и всем...

— И только?

— Ой, я так занята, столько работы... Но я выезжала на место с техническим инспектором.

— А до несчастного случая бывали на том объекте?

Блондинка неопределенно поводит плечами.

— Конечно... Перед ноябрьскими праздниками мы с главным инженером вручали там грамоты и ценные подарки.

— Техник безопасности случайно не интересовались?

— Прораб показывал план мероприятий, — слегка розовеет она. — Я и сама видела. Рабочие в касках, плакаты висят...

— Лестничные пролеты были ограждены?

— В дом я не заходила. Спешили на другой участок, там люди собрались, ждали...

— Как получилось, что близорукого человека допустили к работе без медицинского осмотра? — сухо спрашиваю я.

— Ой, я и не знаю... Он же не наш кадровый работник. Не понимаю, о чем думали в институте, направляя его на стройку?

— Хотели помочь вашему управлению, — говорю я, с грустью отмечая, что пушистая блондинка слишком загружена другими делами, чтобы заниматься своими непосредственными. Похоже, в строительстве она смыслит еще меньше, чем я.

Идя по коридору, прикидываю, каким должно быть представление следователя Приваловой об отношении работников СУ-15 к своим служебным обязанностям. Я не желаю зла ни пушистой блондинке, ни кому-либо другому, но поставить в известность начальника строительного треста — это уже моя прямая обязанность. Поставить в известность и потребовать устранения условий, способствующих совершению преступлений... Чтобы больше не гибли люди.

Едва появляюсь на пороге кабинета Мизерова, его брови удивленно ползут вверх. Растянув губы в приветливой улыбке, он спешит навстречу, любезно осведомляется:

— Как продвигается расследование?.. Надеюсь, у вас не возникло негативного впечатления о нашем управлении... Рабочие не всегда бывают довольны принципиальным руководством...

— Что вы имеете в виду?

Мизеров уже в своем кресле. Он обиженно разводит руками.

— Зачем же так, Лариса Михайловна? Несчастный случай, разумеется, серьезное происшествие, но он не должен затмевать успехи всего нашего коллектива.

— Речь не о коллективе, а о тех, кто своей преступной небрежностью, своим отношением к должностным обязанностям ставит в опасность человеческие жизни.

— Придется решать вопрос с Дербекко, — серьезно Мизеров.

— Почему же только с ним? Дербекко утверждает, что допустил Хохлова к работе без медосмотра по вашему указанию.

Мизеров приподнимается в кресле.

— Он сказал, что именно я дал это указание?

— Нет, он так не сказал.

— Вот видите! — укоряет Мизеров. — Я такого указания не давал.

— Тогда кто же?

Борис Васильевич вздыхает, уныло смотрит на потолок, всем своим видом показывая, как трудно ему назвать фамилию.

— Омелин, — наконец говорит он.

— Почему же вы вчера умолчали об этом?

— Пожалел старика, — покаянно отвечает Мизеров. — Ему же на пенсию вот-вот... Не хотелось говорить, что он при мне велел прорабу допустить к работе Хохлова.

— Даже так? — удивленно распахиваю гла-

за. — Почему же не отменили распоряжение главного инженера?

Начальник управления становится похож на провинившегося школьника. Опустив глаза, ро-няет:

— Проявил слабость...

— И только?

— А что?! — Вскидывает голову Мизеров. — Ничего уголовно наказуемого я не совершил! Руководящие работники несут ответственность лишь в случаях, когда они дали прямое указание произвести работы с нарушением техники безопасности. Не так?

«Меня голыми руками не возьмешь!» — читаю на лице Мизерова. Искренне сочувствую ему, он слишком мало знаком с работой следователя. Мы привыкли оперировать фактами, а они-то как раз и свидетельствуют, что в стройуправлении, которым руководит Борис Васильевич, отнюдь не все так благополучно, как ему хотелось бы представить. Будничным тоном интересуюсь:

— Вам известно, что на участке Дербекко рабочие употребляют спиртное и предлагают посторонним кафельную плитку?

Брови Мизерова взлетают вверх, потом сдвигаются к переносице.

— Дербекко доложил. Материалы уже переданы в комиссию по борьбе с пьянством. А насчет кафеля, мне кажется, вы сгущаете краски. Перерасход, конечно, бывает, хороших специалистов мало, да и качество плитки оставляет желать лучшего. Но чтоб на сторону продавали...

Следующий вопрос заставляет Бориса Васильевича посмотреть на меня, как на назойливую муху.

— Зачем вчера посылал машину за Дербекко? — он на минуту задумывается и отвечает: — Производственные вопросы решали... План... Вот он про пьянку и доложил.

— А что не первый случай на участке — вам не известно?

Мизеров бросает испытующий взгляд, неуверенно тянет:

— Н-нет...

— И Хохлов не обращался?

— Кажется, было какое-то заявление. Я дал команду рассмотреть, а кому — не помню...

— Думаю, это будет нетрудно установить по книге регистрации входящей корреспонденции, — говорю я.

Из кабинета выходим вместе. Мизеров сообщает секретарю, что едет на совещание в трест, а я принимаюсь листать книгу регистрации. После недолгих поисков обнаруживаю запись, из которой явствует, что заявление Хохлова поступило в управление за три дня до его гибели и было пе-

редано начальнику. Других отметок я не нахожу и обращаюсь к невозмутимо поливающей цветы Семирамиде.

— Значит, у Бориса Васильевича, — отвечает она.

Из приемной спешу к главному инженеру.

В распахнутую форточку, клубясь, врывается морозный воздух, но в кабинете так накурено, что нужного эффекта просто нет. Вместо свежести — промозглый холод. Омелин предлагает стул. Проводит ладонью по бритой голове. Его маленькие тусклые глазки, скользя по моему лицу, опускаются и начинают изучать листок перекидного календаря.

Несколько минут сидим молча. Поняв, что так можно просидеть весь день, спрашиваю:

— Федор Афанасьевич, вы мне ничего не хотите сообщить? О несчастном случае с Хохловым.

— Понимаю, — тихо отвечает Омелин. — С медосмотром моя вина.

Пытаюсь перехватить его взгляд, но это не удается. Прошу:

— Расскажите, как все произошло.

— Так как-то... Не придавал значения. Мы с Борисом Васильевичем сидели, пришел Дербек, стал возмущаться, что из института прислали людей, не прошедших медосмотр. Я ему сказал: пусть работают, потом пройдут... Вот и все...

— Вы понимаете, что должны нести уголовную ответственность?

Омелин проводит ладонью по голове, негромко произносит:

— Я готов ответить.

7.

Очень люблю ездить в троллейбусе, но только летом. Зимой же такое ощущение, будто ноги примерзают к покрытому изморозью полу. Народу в салоне не много, но все такие толстые, так старательно закутались в шубы и пальто, что совершенно негде повернуться, тем более все стоят, ни у кого нет желания садиться на прокаленные холодом сиденья.

— Товарищи пассажиры! — раздается бодрый голос водителя, спрятавшегося в тепле кабины. — Наберемся терпения! Лето не за горами!.. Следующая остановочка — «Магазин «Весна»! Здесь же расположены кассы предварительной продажи билетов на самолеты и поезда. Неподалеку цирк, в котором сейчас идет хорошая программа с участием лауреатов всесоюзных и международных конкурсов.

Притулившийся у пушистого от толстого слоя инея окна мужчина в лохматой шапке и демисезонном пальто зло хмыкает:

— Распелся соловей.

Другие пассажиры весело переглядываются.

— Следующая остановочка — «Кафе «Мечта»! Желающие пообедать быстренько готовимся к выходу.

Напоминание об обеде отзывается в моей душе легкой грустью. Утром мы с Маринкой съели по целому яйцу. Однако выстаивать длинную очередь нет ни времени, ни желания. Выскакиваю из троллейбуса, перехожу на другую сторону и по узенькой тропинке, вьющейся среди сугробов, бегу к новой девятиэтажке, в которой получила квартиру вдова Хохлова.

Двери лифта почти бесшумно смыкаются за моей спиной. Вот и квартира Хохловых. Стою на лестничной площадке, набираюсь решимости. Чувство какой-то непонятной вины охватывает меня каждый раз перед допросом близких родственников, кто безвременно оставил этот мир. Чаще всего они не испытывают особой приязни к следователю, вынужденному беречь их раны.

Человек так устроен, что надеется — на его-то долю не выпадет «счастье» столкнуться с судом, милицией, прокуратурой. Когда видишь сгрудившихся на перекрестке людей, «Скорую помощь», кровь на асфальте, в голову не приходит, что это может произойти с тобой, с твоими родными; а если и приходит — стараешься прогнать подбную мысль подальше. В конце-концов не для того мы рождаемся, чтобы нелепо гибнуть под колесами, под внезапно обрушившимся потолком, от ножа пьяного хулигана, от падения в неогражденный пролет строящегося здания.

Свое горе и отчаяние родственники погибших выплескивают прежде всего на следователя. Они требуют немедленного наказания виновных, и не дай бог, если преступник еще не установлен. Тогда следователю приходится совсем худо.

Нажимаю кнопку звонка, и мои опасения исчезают, едва встречаю глазами с печальным, но совсем неагрессивным взглядом Веры Николаевны Хохловой. Представляюсь.

— Простите, у нас такой беспорядок, — смущенно говорит она.

Отглядываю прихожую, заставленную большими картонными коробками из-под папирес, и кладу на одну из них шубу.

— Если не возражаете, пройдемте на кухню, — предлагает хозяйка. — Там посвободнее.

В комнатах узлов и коробок ничуть не меньше, чем в прихожей. Мебель пока стоит явно не на своих местах, но кухня уже обжита. На окнах отглаженные занавески в такую же клетку, как и клеенка, покрывающая стол; отделанные пластиком шкафы и тумбы тщательно протерты; на полке ровными рядами стоят бочоночки с нади-

сями «мука», «соль», «сахар»... Сверкают эмалью электроплита и раковина. Мирную чистоту кухни нарушает портрет в рамке, перевязанной по углу креповой лентой.

Вера Николаевна перехватывает мой взгляд, долго смотрит на портрет, тихо роняет:

— Алексей... Готовили на Доску почета... А вышло...

На фотографии — широкоскулый мужчина, с упрямым подбородком и пристальным — за толстыми стеклами старомодных очков — взглядом.

— Как-то мы с Теликом ходили подбирать для него оправу, и на что уж он человек без претензий, но все равно отказался брать себе такие очки. Сказал: ученики смеяться будут.

Алексей Иванович Хохлов сфотографировался в таких очках для Доски почета. Значит, его вовсе не смущали условности. «Остроконечный был человек», — приходит на память фраза, брошенная плотником Даниловым.

До чего просты людские символы! Достаточно черной ленты, и ты понимаешь, что с фотографии на тебя смотрит тот, кто никогда больше не перешагнет ни одного порога.

Вижу наворачнувшиеся на глаза Веры Николаевны слезы. Вместо готовой сорваться с языка

фразы: «Понимаю, как вам трудно говорить, но...» — произношу:

— Вам очень идет этот свитер.

Сказав так, я не солгала. Темно-серый, цвета глаз Веры Николаевны, свитер из козьего пуха скрадывает чуточку излишнюю полноту и гармонирует с черными блестящими волосами.

Вера Николаевна непонимающе оглядывает себя, словно только сейчас сообразила, во что она одета. Слабо улыбается.

— Алексей привез... Он любил делать мне приятное...

— Где же он взял такую прелесть?

— В деревне купил, в Шадринке... Это на Алтае... Алексей любил в отпуске забираться в какую-нибудь глушь. Другие — по путевкам, на южный берег, а он соберет рюкзак — и до какой-нибудь станции, а дальше — пешком. Маршрут еще зимой разрабатывал, вместе с ребятами... Прошлым летом побывал на Алтае, вот и свитер оттуда... А до этого почти всю Хакасию обошел. Один ходил. Говорил: чтобы лучше мир узнать, нужно ближе к природе. Не очень ладил с людьми. Не любил наносное, фальшивое. Ценил порядок. Если чем занимался, то на совесть. И от других требовал того же, даже от начальства. А это, сами понимаете, мало кому нравится.

— Он с кем-нибудь ссорился из-за этого?

— Точно не могу сказать,— раздумчиво отвечает Вера Николаевна.— Мы вместе никогда не работали, а рассказывать Алексей не любил. Правда, на поминках,— она спотыкается на этом слове, секунду медлит и продолжает,— я слышала, как кто-то говорил, что теперь вроде и некому будет встряхнуть институтское начальство. Алексей ведь дольше всех на ВЦ проработал, а так и остался старшим инженером. Другие значительно позже пришли, но не конфликтовали и тихо-мирно дослужились. Щедловский, например, уже три года, как начальник ВЦ, кандидатскую защитил, а ведь пришел на пять лет позднее. И квартиру еще в прошлом году получил, а Алексей из-за нее на стройку пошел...

Вера Николаевна прикрывает глаза и замолкает, пальцы ее вздрагивают.

— Как у него там сложилось, на стройке?

— Не нравилось ему, жаловался, что некоторые, вместо того чтобы делом заниматься, винопьют...

Интересуюсь тем, ради чего и пришла к вдове. Нет, конечно, выяснить, каким человеком был погибший, очень важно, но больше всего меня заботит, чья пуговица найдена мной на лестничной площадке.

— Рабочая одежда Алексея? — чуть растерянно переспрашивает Вера Николаевна.— У меня ее нет. Вчера вечером приходил мужчина со стройки и забрал. Сказал, будто телогрейка и ватные брюки числятся на нем. Нужно, дескать, сдать.

— Вы отдали?! — невольно вырывается у меня, хотя прекрасно понимаю, что осталась в дураках.

Тихое «да» Хохловой бесконечным эхом звучит в моем мозгу. Неужели все-таки Хохлов не сам упал в пролет?! То, что найденная пуговица кого-то встревожила,— бесспорно. Кого?! Не считая понятых, о ней знают Дербеко, Данилов, Зайцев. Впрочем, если взять во внимание болтливость современных мужчин, то о моей находке может быть известно уже половине Новосибирска... Стоп! Куда меня понесло? А вдруг спецодежда и впрямь числится на каком-нибудь материально ответственном лице?

— Как он выглядел? — спрашиваю.

— Худощавый, среднего роста, лет сорока, одет обыкновенно: старенькое пальто, кроличья шапка, валенки.

— Узнать его сможете?

— Даже не скажу... Видела совсем немного. Он не стал проходить, дождался, пока я вещи принесу, и сразу ушел.

Как можно осторожней интересуюсь:

— Алексей Иванович никого не опасался?

Но Хохлова тут же настораживается. И если до этой минуты она отвечала на мои вопросы почти автоматически, то теперь испытующе смотрит прямо в глаза.

— Его убили?

— Не знаю.

8.

Как сладок субботний сон! Разумеется, если его не прерывают назойливыми звонками в дверь. Набрасываю халат и, как сомнамбула, бреду открывать. Увидев на пороге Люськиного мужа, выдаю:

— Василий? Который час?

Василий залиvisto хохочет, отчего помпончик на его спортивной шапочке весело подпрыгивает. Потом громогласно сообщает, что мы едем к ним на дачу, электричка через полчаса, Люська с Маринкой ждут у пригородных касс. Только сейчас замечаю кажущиеся совсем маленькими в его огромной лапше лыжи.

— Вы что, сдурели?! На улице сорок, а вы кататься надумали!

— Какие сорок?! — хохочет Нефедьев.— Всего пятнадцать. Собирайся, а то опоздаем!

К платяному шкафу приближаюсь, как к эшафоту. Одна мысль о том, какую груду одежды предстоит напялить, приводит в уныние.

На улице, как я и предполагала, темнотища. Таких чудачков, как мы с Василием, немного, но попадаются.

Рассвело. Голубое небо и голубой снег. Много неба и снега!..

И забор, и калитку дачного домика Нефедьевых занесло, не видно из-под сугробов. Василий пробирается к крыльцу, вытягивает за черенок предусмотрительно оставленную еще с осени лопату, с криком «эхма!» вонзает ее в плотный наст. Во все стороны летят комья снега, снежная пыль. Ярко светит солнце, но теплее от этого не становится. Мы с Маринкой притопываем на месте, стараясь сохранить бодрый вид. Люська бросает на нас сочувственный взгляд и подгоняет супруга.

Когда раскопки благополучно завершаются и мы попадаем внутрь, Маринка разочарованно таяет:

— Здесь еще холоднее, чем на улице, там хоть солнышко.

— Девочки! Пока он тут печку топит, пошли кататься! — с энтузиазмом предлагает Люська.

Секунду раздумываю, где лучше мерзнуть — в домике или на природе, и выбираю небо и снег. Маринка вздыхает и тоже берется за лыжи.

...Люська торит лыжню. Мы плетемся следом. Сделав кружок вокруг рощицы, прибавляем темп, чтобы поскорее попасть туда, где по нашим расчетам уже должно быть тепло.

Люська с мужем повезло. Хозяйственный он. В этом еще раз убеждаемся, войдя в домик. Чугунная печь пышет жаром; на столе дымится картошка, поблескивают маленькие упругие огурчики, стыдливо краснеют, пряча лопнувшую кожу, маринованные помидоры, матово лоснятся тонко нарезанные ломтики сала, покрытые бисеринками испарины, почти прозрачные полоски сыра соседствуют с селедкой, изо рта которой торчат перышки зеленого лука.

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят!

С пасофом продекламировав эти строчки, Василий широким жестом приглашает к столу.

Пообедав, мы с Маринкой забираемся с ногами на диван, обитый морщинистым от старости дерматином, и в полудреме слушаем, как Василий монотонно читает стихи, теперь уже собственного сочинения, под аккомпанемент перемываемой Люськой посуды.

9.

Вагон электрички полон. Полусвободны только две скамьи: одна — на которой сидит здоровенный парень с магнитофоном, включенным на полную громкость; другая — на которой лежат его ноги в унтах. Василий решительно направляется к меломану, окликает. Но тот не слышит. «По ниточке, по ниточке ходить я не желаю...» — рвется из динамика протестующий голос певицы.

— Молодой человек, сделай потише и убери ноги, — перекрывая несущуюся музыку, басит Василий.

Парень неторопливо поворачивает голову, и я узнаю кудрявого Бабарыкина. Он меряет Нефедьева взглядом, лениво произносит:

— Слушай, мужик, тебе места мало? Не мешай культурно отдыхать.

Останавливаюсь перед его унтами и мягко улыбаюсь.

— Вы не будете против, если я присяду к окну?

Глаза Бабарыкина расширяются, он быстро убирает ноги и, обмахнув рукавицей сиденье, растерянно улыбается.

— Не против... Пожалуйста.

Рассаживаемся. Бабарыкин вздыхает и щелкает клавишей магнитофона, обрывая певичку на полуслове «жива-а...», после чего проницательно интересуется:

— С прогулки возвращаетесь?

Кивнув, прикрываю глаза. Помолчав, Бабарыкин сообщает:

— А я к матери, в Болотное мотался. Проведать. Мяска прихватить заодно. Да разве надолго хватит? В общаге — проглоты одни!

Снова киваю и, повернувшись к Маринке, завожу разговор о планах на завтра. Желание Бабарыкина побеседовать неистребимо.

— Вот получу квартиру, мать к себе заберу. А чё?! — внезапно горячится он, словно мы с Маринкой принимаемся отговаривать его. — Я один, холостой, на кой мне целая квартира? И ей в деревне делать нечего. Пенсию заработала, пусть теперь в кино ходит. Правильно?

— Конечно, — испуганно соглашается моя подруга.

Прищуриваюсь. Никак не могу избавиться от этой дурной привычки, хотя в уголках глаз уже начинают появляться морщинки.

— А ваша мать согласна?.. Ведь вы же пьете.

— Скажете тоже, — обиженно выпучивается Бабарыкин. — Выпили-то...

— Даже приход прораба вас не смутил, — сухо замечаю я.

— Прора-аба, — кривится Бабарыкин. — Было бы кого смущаться.

— Почему такой тон? Он же ваш непосредственный руководитель.

— Нашли тоже мне руководителя... Если б все руководители такие, как наш Дербекко, были, го-сударство бы по миру пошло.

Понижаю голос:

— Ворует?

— Ага.

Это произнесено так, что становится ясно — распространяться он не намерен. Захожу с другой стороны:

— А вы — нет?

— С чего вы взяли? — набычивается Бабарыкин.

— Сами мне кафель предлагали.

— Так это ради хохмы... Скажете тоже!

— Рядок-другой кафеля не докладываете тоже ради хохмы?

— Кто сказал?

Искренне признаюсь:

— Данилов.

— Дементьич?! Вот хитромудрина старая! Чё это ему понадобилось на меня напраслину наговаривать?.. Ну, бывает, не доложишь, но не в карма-не же я плитку запикиваю! Бьется, зараза! Недавно этот кандидат в доктора целый ящик разгрохал.

— Теперь только карандаши доверяете носить?

Бабарыкин самодовольно ухмыляется.

— Раздражает он меня. Стоит за спиной и смотрит.

— Хохлов тоже раздражал Жижина?

— Ну, раздражал,— настораживается Бабарыкин.— Что с того?

— Чем же?

— Совался везде... Так же, как вы, все про пьянку да про кафель выспрашивал.

Задумчиво улыбаюсь.

— Значит, я тоже могу упасть в лестничный проем...

— Вы это к чему? — втягивает голову в плечи Бабарыкин.

По физиономиям Люськи, Василия и Маринки вижу, что они заинтересованы беседой, но ровным счетом ничего не понимают. Продолжаю импровизированный допрос:

— Владимир, вам не кажется странным, что вскоре после того, как вы отослали Зайцева за совершенно ненужным карандашом, Хохлов случайно падает в лестничный пролет?

— Я в другом подъезде работал,— быстро отвечает Бабарыкин.

— Могли пройти через лоджию.

— Не проходил я ни через какую лоджию! — восклицает он и обводит взглядом моих друзей, словно ища поддержки.— Чё я вам плохого сделал?.. Нет, ну, в самом деле! Меня и люди видели. Я крик услышал, выскочил из ванной. На площадке мужик стоит, прислушивается. Вместе и рванули вниз. И Жижин меня видел.

— Как выглядел этот «мужик»?

— На научного сотрудника похож. Мороз, а он в папахе.

— Он подходил к месту падения Хохлова?

— Нет... Сразу куда-то испарился. Может, Жижин его видел?

— Каким образом?

— Так Жижин почти следом за нами выскочил.

— Из того же подъезда? — недоверчиво спрашиваю я.

— Да-а... А чё это он в моем подъезде делал? — растерянно произносит Бабарыкин, предупреждая мой вопрос.

Мне тоже непонятно, почему Жижин, работавший в одном подъезде с Хохловым, только на другом этаже, оказался в подъезде Бабарыкина, избрав столь своеобразный путь к месту происшествия. Ведь он мог просто спуститься по лестнице. Зачем было идти кружным путем, через лоджию?.. Прерываю затянувшееся молчание:

— Владимир, на ком у вас числится спецодежда?

— Кому выдадут, на том и числится,— буркает Бабарыкин.

— Спецодежда Хохлова могла числиться на другом рабочем?

— Кому это надо? Расплачивайся потом... Да и вообще ее наверняка уже списали.

Возвращаюсь к очевидцам.

— Когда и откуда подошел Дербекко?

— Я из подъезда вылетел, он уже к Деметьючу подходил. Наверное, из вагончика шел,— пожимает плечами Бабарыкин.

Чувствую, что беседа приобретает более доверительный характер, и спрашиваю, почему он решил, что Дербекко не чист на руку.

Бабарыкин пятерней взлохмачивает кудрявую голову.

— Был с ним разговор... Только я на стройку пришел последним. Получаю зарплату, нормально получаю, почти четыре сотни. А тут Дербекко подкатывается. Дескать, не кажется ли тебе, что слишком много заработал? Не кажется, говорю, хотя сам-то понимаю: завысили немного. Решил, что заинтересовать меня хотят, квалифицированных строителей-то не хватает. А Дербекко давит. Мол, по ошибке наряд завысил, верни полсотни. Я ему культурненько: «Да пошел ты...» На том и разошлись. Теперь наряды тютелька в тютельку закрывает, иногда и свои кровные приходится выбивать.

— Как Дербекко относился к Хохлову?

— Как собака к палке,— хмыкает Бабарыкин.— Хохлов же ему все время на мозги капал, на нарушения указывал. Но ругаться — не ругались. Дербекко этого не любит. Все больше благодарил за ценную информацию...

Когда на перроне, взвалив на плечи мешок и включив погромче магнитофон, Бабарыкин скрывается в толпе пассажиров, Василий интересуется — кто этот парень. Отвечаю, что свидетель. Маринка заинтригованно выпаливает:

— По убийству?!

— Нарушение правил техники безопасности,— уклончиво говорю я.

— Вечно от тебя ничего не узнаешь,— обиженно надувается она.

Не отвечаю и спешу за Люськой, поднимающейся по ступеням переходного моста.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МИР
НА ЛАДОНИ

Спортивный кубок Афин

На вершине горы Митридат археологи из экспедиции, снаряженной в Керчь московским музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, обнаружили большой обломок панафинейской амфоры. Амфора служила призом за победу в Великих Панафинейях.

Что мы знаем об этих праздниках?

Олимпийские игры в Греции не были единственными состязаниями, во время которых прекращались войны и устанавливался мир. И если Олимпийские игры устраивались в честь бога Зевса, то Истмийские посвящались Посейдону, Пифийские —

Аполлону, а Панафиней — своей покровительнице богине Афине. Великие Панафиней проходили сначала ежегодно, а с середины VI века до нашей эры — раз в четыре года.

Праздники в честь богов, культ

которых входил в число государственных, справлялись особенно пышно. Крупнейший ваятель Греции Фидий оставил после себя знаменитый фриз Парфенона; на нем представлено торжественное шествие народа на Акрополь в день состязаний: скачут всадники, едут колесницы, с дарами богине спешат юноши и девушки, несут оливковые ветви старцы...

Особенно популярен был бег с восковыми факелами. Победителем считался тот, кому удавалось раньше других добежать к финишу, не погасив огня.

Главной наградой на спортивных празднествах в Афинах было оливковое масло, разлитое в сосуды-амфоры. Вазы с двумя ручками являлись прообразом современных спортивных кубков. Изготовленные искусными гончарами, расписанные талантливыми живописцами, они передавали изображение того вида соревнований, в которых одерживал победу получивший приз. На другой стороне вазы изображалась фигура богини Афины; как правило, там же наносилась надпись, что сосуд является «призом из Афин». С гордостью увозили его победители в свои родные края, и с триумфом встречали их сограждане.

Насчитывается уже около ста тридцати афинских «кубков», изготовленных в VI—V вв. до н. э. Обнаружены они при раскопках в Греции и в областях, имевших с нею культурные связи. Вероятно, один из жителей Понтикапея стал победителем в дни Великих Панафиней и привез приз домой.

На снимке: спортивный кубок Древней Греции — панафинейская ваза.

Б. СЛУЧАНКО

Овраги на дне

Черного моря

В морях еще немало «белых пятен». Так считает заведующий отделом литологии и фанерозойских отложений Института геологических наук АН УССР В. И. Мельник. Впрочем, для одного из наших морей уже можно сделать некоторое исключение: коллектив институтских исследователей составил карту черноморского материкового склона.

Она убеждает: морское дно изрезано горными массивами и краями, широкими долинами и глубокими пропастями. Незнание сложного дон-

ного профиля не раз создавало трудности при прокладке подводных газопроводов, телеграфно-телефонных кабелей и электроэнергетических магистралей. Теперь же мы знаем, что многие из морских ущелий близко подходят к материковой суше, способствуя размыванию береговой линии.

Уже более ста лет известно о коварстве подводных оврагов Черного моря, однако установить их протяженность долгое время не удавалось. Только недавно стало ясно, что, например, знаменитый мыс Пицунду «гложет» нацеленный на Кавказ каньон Акула, а к Таманскому полуострову подбирается с юга ущелье, образовавшееся на полуторакилометровой глубине, в древнем русле Кубани.

Ученые киевского института установили, в частности, что широко распространенные в крымской части бассейна каньоны тянутся порой на сотни километров, как, например, каньон, прорытый некогда Дунаем.

Карта подводных оврагов послужит черноморским рыбакам и морякам, строителям, горнякам и экологам.

В. ХОХЛАЧЕВ

Вопросы к «монарху»

Коллекция, собранная хабаровчанином Евгением Григорьевичем Чулковым, насчитывает тысячи бабочек. Некоторые размером чуть больше мухи, а крыло других — с ладонь взрослого человека. Обитатели южных широт узнаешь сразу — по ярким узорам. Ночные бабочки «одеты» скромнее, и в этом есть смысл: окраска их крыльев, как правило, выполняет защитную роль — так легче спрятаться на день в листьях или на стволах деревьев. А сибирские бабочки очень «графичны» — четкий рисунок, законченный штрих.

— Но мне больше нравятся скромные «монархи», — улыбается Евгений Григорьевич. — На концах крылышек у них рисунок в виде горностаевой мантии — вот почему они носят такое название. Очень романтическая бабочка! Впервые с нею познакомился Колумб. В открытом океане неизвестно откуда появилась компания «монархов», передохнула на корабле и снова улетела. Оказывается, этой бабочке ничего не стоит перелететь океан! У нас, на Дальнем Востоке, живет родственница «монархов» — чертополоховка. Тоже большая путешественница!

Доктор медицинских наук Е. Г. Чулков собирает коллекцию бабочек не затем, чтобы кого-то поразить. Собрание помогает ему в научной работе. Ведь бабочки, оказывается, отражают особенности климата географических районов. Легкокрылая летунья может подсказать ответы на многие вопросы биологии, кибернетики, геологии и, конечно, медицинской географии. Евгений Григорьевич долгое время занимается этой отраслью науки, которую в природе интересуют все, что может оказывать на организм человека положительное или отрицательное влияние. Особо важное значение этот раздел медицины приобретает в осваиваемых районах Дальнего Востока. Новоселам суровых мест надо дать четкие рекомендации: как жить в новых районах, что отрицательно влияет на хорошее самочувствие, чего следует опасаться? Словом, самая обыкновенная бабочка помогает ответить на вопросы медицинской географии.

Н. СЕМЧЕНКО

Копилка курьезов

С того момента как наш первобытный пращур догадался одеть на палку камень с отверстием, соорудив таким образом нечто среднее между кувалдой и топором, человечеством овладел зуд изобретательства.

На первых порах изобреталось легко: тогда еще ничего не было изобретено, и на пустом месте открытия росли, как грибы: получение металлов и стекла, рождение колеса и зубчатой передачи, бумаги и пороха, появление паровой машины и электрической энергии...

Но шло время, и концу XIX века поток великих изобретений стал оскудевать — многое уже было открыто. Однако изобретатели уже не могли остановиться... Подобно лавине начало расти число привилегий, выданных на проекты, которые так и не были осуществлены или же по которым создавались машины в единственном экземпляре.

Вот — ламповар, вдохновенное творение одного телеграфского чиновника: над керосиновой лампой высится коническая конфорка — вы читаете или принимаете телеграммы под абажуром и одновременно готовите себе ужин... Хотя и остроумно, но никто не оценил. Пробкоизвлека- тель — приспособление настенное: в него вводится горлышко бутылки, пробка захватывается клиньями, оста-

ется только с силой потянуть бутылку на себя. Совсем несложно... Но потребителей не оказалось: они предпочли штопор. Изящная вещь — автомат для варки яиц; он снабжен часовым устройством, которое извлекает в назначенное время из кипящей воды корзиночку с яйцами. Необычно! Однако заказов не последовало...

Не вызвала сенсации и идея создания птицелета — «управляемого приспособления для перемещения тяжестей путем совместного впрягания большого числа птиц». Узнаете: это же модифицированная идея небезызвестного Мюнхгаузена! Птицелет тоже никому не понадобился. Такая же судьба постигла спасательный чехол, и детские качели, соединенные с кривошипом стиральной машины, и вечные подковы на пружинах, и, наконец, паровую швейную машину... Изобретения такого рода оказались в копилке курьезов, потому что громоздко и сложно решали простейшие задачи.

Но не следует думать, что в этой копилке нет ничего полезного. Существует даже своего рода патентная археология, которая не без успеха ведет «раскопки» в шкафах со старыми проектами изобретений и разыскивает нечто интересное и полезное. Некоторые изобретения настолько опередили свое время, тогдашний уровень техники, что казались современникам фантастическими.

Так, обрела вторую жизнь привилегия, полученная неким Г. Симовским на аэробалки. Сейчас на основе этого проекта рождается новая отрасль строительства — надувная архитектура. «Телеграфон», запатентованный в 1898 году, вызвал к жизни наилучший способ звукозаписи — магнитофонный. Казавшаяся в свое время нелепой идея устанавливать резиновые амортизаторы перед паровозами, чтобы смягчить удар при их столкновении, сегодня спасла жизнь многим гонощикам и испытателям автомобилей, превратившись в надежные надувные жилеты.

Как тут не вспомнить, что новое — это хорошо забытое старое?! Но заслуга изобретателей не в том, что они вспомнили о забытом, а в том, что сумели старую техническую идею облечь в новую форму, омолодить ее, используя современные достижения техники.

...Ну, а что копилка курьезов? Существует ли она в наши дни? Служит ли она по-прежнему людям, во что бы то ни стало желающим изобретать? Да, потому что придумывают и автомат, преграждающий путь в трамвай безбилетным пассажирам,

и приспособление для снятия га- лош, и неизмеримо сложные системы для мойки автомобилей.

Но все труднее становится по- полнять в наше время копилку. И по- тому, что все чаще изобретатели выдумывают велосипед... И потому еще, что в нашей стране на пути курьезных проектов стоит эксперти- за на полезность — ни одна патент- ная служба в мире такую экспертизу не проводит.

Ю. ГУРВИЧ

Федео — Феодосия...

С ноготь величиной, эта монета украшена на реверсе изображением головы мужчины; на обороте — голова быка и надпись: «Федео...»

Обычай изображения быка известен, он связан с традицией микенской поры, когда скот являлся обменной единицей.

Монета конца V в. до н. э. Феодосия. Серебро.

Для определения изображения лица пока нет никаких данных. Монета эта уникальна, пожалуй, она вторая из найденных до сих пор монет феодосийской серии. Аналог редкой находки крупный антиковед Д. Б. Шелов относит ее к периоду самостоятельного существования города Феодосии до его присоединения к Боспорскому царству. В отличие от довольно стертой монеты, уже описанной учеными, голова у которой названа «безбородой», новый прише- лец из древности имеет явно выраженную бородку...

Само появление монеты из чи- стого серебра говорит не только о развитии литейного производства на юге нашей родины в древности, но и о развитии товарных отношений в последней четверти V века до н. э.

Б. ПЕТРОВ

Фото автора

ТАМ, ЗА СИНЕЙ ДАЛЬЮ

Олег КАПОРЕЙКО

Вспоминается детство... В ярких россыпях красок осень. Теплый вечер. Над покосными лугами неустанно кричит птица-канюк. Мы с отцом идем кромкой поспевающего овсяного поля, с одной стороны его мелкий сосняк смешался с крепким березняком и осинником, с другой вплотную подступает высокоствольный сосновый бор с богатым черничником. Идем мы не на прогулку — на охоту. В руках у отца ружье-дробовик заграничного производства, на поясе поверх пиджака патронташ, у меня на плече плетеная из крепкого толстого шнура сумка-ягдташ под дичь. Идем кромкой поля. Отец впереди, держит ружье на изготовку, чтобы в любую секунду сделать выстрел по вылетевшей птице. Пробираюсь за ним. И хотя у меня нет ружья, но страсть охоты уже успела вселиться в мою душу в тринадцать лет, и я, пожалуй, переживаю не только радость удачного выстрела, но и промахи ничуть не меньше, чем отец.

Шум, треск, вихрь мелькающих крыльев — будто ожил на какое-то мгновение поспевающий, наливающийся восковым цветом овес. Тетерева! Сухие звуки выстрелов. Одна из птиц обрывает полет. Бегу подбирать дичь. Восковые колосья овса ударяют по голеницам сапог, верна, словно мелкие брызги, летят во все стороны...

Вот она, маленькая картина осенней охоты. Такая охота была, правда, давно, когда я был слишком мал. Тогда взрослые разрешали мне немного: носить дичь, готовить почлеч. В ту пору и запади в мою душу птицы, которых чаще звали не тетеревами, а косачами. Минуло порядочно лет, я сам многое могу рассказать о них. Почему именно эта птица, с детства поразившая мое воображение, заставила взяться за перо? Так уж получилось, что на смену охоте с ружьем вошла в мою жизнь фотоохота на тетеревов, и это позволило узнать о них много интересного, занимательного. Просматривая свои лесные дневники, решил, что пришло время подытожить наблюдения.

Коренастых сосен немало у Зуевского болота. Всякий раз, проходя здесь, любовался я деревьями-одиночками с пышной кроной. Стоят они гордо на открытых местах, на покосах, в окружении осиновых и березовых колков. Манило меня сюда и болото с кочками, с высокими березами, с журавлями, бекасами, лягушачьими концертами. Но более всего влекли сюда тетерева. Избушки поблизости не было, и всякую весну я проводил под открытым небом, а точнее — под сосной.

Сразу же наваливалась масса всяких дел. Заготавливал дрова, рубил сухостой, перетаскивал поближе к сосне.

...Не заметил, как навалился вечер. Заканчивался мой первый лесной день. Ночь окутала округу дремотной тишиной. По шатру чистого, словно вымытого неба разбежались звезды, яркие и тусклые, еле мерцающие. Все у меня было готово: пылал костер, над ним висел котелок, пламя азартно лизало его. Привалился к сосне,

пил чай, смотрел на темную пилу дальнего леса, на белеющие березы. Хорошо коротать под деревом весенние ночи! Когда же прогорела «зеленая печка», начинала мерзнуть спина. Вскакывая с лежанки, подкладывал щепу, и веселое пламя охватывало смолоушки, а потом и сухарник.

Два часа ночи. Прогоняю сон, готовлюсь к выходу. Не опоздать бы на токовище. Я буду там раньше тетеревов, а пока должен одеть ватные брюки, телогрейку (поверх ее еще полушубок), шапку, переобуться в валенки, забраться в скрадок.

И вот в маленькое оконце скрадка поглядываю на поляну. Прилетят ли птицы?.. А почему именно на эту поляну являются тетерева? Таких мест в ближайших лесах тысячи. А все же именно этот клочок земли с кустиками, с кочками, с одинокой березой служит им местом весенних встреч.

Как и на любом птичьем сборище, и у тетеревов есть заправила, зачинатель игрища — токовик, опытная и сильная птица.

Сегодня все началось не совсем обычно: токовик не прилетел, не плюхнулся на мерзлую землю, а словно бы подкрался пешком и почти у скрадка выдал клич: «чуффыш». Мой давний знакомый жив, в полном здравии, а его зов — не приветствие ли мне? И в тот же миг зашумели со всех сторон крылья, замелькали в сумерках белые петушиные подхвостья. Порядок! Тетерева дружно окружали мой скрадок. Оставалось ждать, когда над лесом разбежится, разыграется огромным пожаром рассвет и гляннет на поляну солнце...

«Тетерев — оседлая птица. Населяет леса и лесостепи. Весной с середины апреля на утренних зорях тетерева токуют, собираясь группами. Зимой они держатся стаями по березнякам, ночуют в снегу. Питаются птицы различными частями травянистых растений, насекомыми, ягодами, зимой — березовыми почками и сережками. Один из важнейших объектов промысловой охоты».

Это — из определителя птиц. Все здесь правильно, но вот последняя фраза, что тетерев — один из важнейших объектов промысловой охоты, явно устарела. А раньше охота на него действительно была. Охотники сдавали государству тысячи тушек.

Ушли те времена. Если кто-то скажет, может, даже с высокой трибуны, что численность тетеревов в наших уральских лесах колеблется, но никак не уменьшается, — не поверю. Пожалуй, правильнее сказать так: в некоторых районах птицы этой значительно поубавилось, в других — численность ее катастрофически падает, в третьих — она совершенно исчезла. Припоминаю, что всего несколько лет назад зимой можно было еще встретить табунки тетеревов.

Наблюдая за тетеревами, бывая в разных уголках Урала, я всякий раз сталкивался с проблемой частичного или полного исчезновения лирохвостых. Причины на то

немало. Здесь и неправильное применение и хранение ядохимикатов и минерального удобрения, сплошная вырубка леса, браконьерство...

Просматривая свои лесные дневники, перелистывая пожелтевшие странички с короткими записями, я еще раз убеждался в том, что не встречал на своем пути абсолютно одинаковых токовиц, все они были сюрризами.

Есть на юге Челябинской области Карталинский бор. Представьте себе такую картину. Кругом, насколько хватит глаз, степи да поля, и вдруг — сосняк, настоящий, местами даже строевой, он тянется зеленой гриной с востока на запад. Не берусь объяснить, откуда здесь взялся лес: остался ли от давних времен, посажен ли был? Несколько лет подряд мне приходилось здесь вести наблюдения за косулями, участвовать в их отлове для переселения. И вот в середине семидесятых годов сильнейшая засуха вызвала пожары в бору. Добрая часть его выгорела.

Спустя два года приехал в Карталинский бор. Дело было зимой. Увиденное поразило: лес сохранился лишь по низинам, где бежали ручьи. Там теперь держались косули и лоси. Но больше всего удивили тетерева! Я вижу табуны тетеревов. Не могли же прилететь они за тысячи километров? Причиной увеличения численности птиц в Карталинском лесу стал... пожар. Только только остыла земля, сквозь пепел пробилась, глянули зеленые продолговатые листочки. Чудо, и только! Это — кипрей. Он пришел лечить раны выжженной земли. Ни одно растение не торонится так быстро на пепелище. И нет ему в этом деле равных. За одно лето черные пятна пожарниц затягивались высокотравьем, над которым взвились лилово-розовые цветы. Тетеревиные выводки и нашли в зарослях кипрея надежное убежище и корм.

...Стояла середина апреля, когда я, нагружившись всем необходимым для фотоохоты, сел в поезд Свердловск—Оренбург. Доехав до Карталов, пересел в электричку. Вышел в селе Аненское. Здесь у самого леса живет Леонид Федорович Панов, в одном лице егерь, охотовед и главный страж заказника. В его дворе техники для передвижения полно всякой. Мне же годился больше всего трактор «Беларусь». На тележку погрузили мои пожитки, и к вечеру я был уже в избушке, в самом центре заказника.

Первое, что увидел, выйдя на разведку, — табуны тетеревов на березах. В километре от избушки спугнули птиц с земли. Снег расписан крестиками следов. Похоже, ток...

Я жаждал встречи с тетеревами. Еще раз пересмотрев фотоснаряжение, собрал рюкзак. Дорогу то и дело перебежали косули. Но мне было не до них. Тетерева! Они волновали, как прежде, мое воображение. Все началось сначала.

Откуда было мне тогда знать, что первое утро, проведенное на току, будет таким же, как и второе, третье, пятое, десятое, что весь мой приезд сюда, в Карталинский лес, в поисках токовица закончится неудачей. А я все-таки, питая надежды, каждую ночь упорно покидал избушку, шел на поиски тетеревиных игр. Азарт охоты полыхал во мне.

Признаюсь, тетеревов я видел каждый день, но только видеть для меня было мало. Уже после первой недели, проведенной в здешнем лесу, я назвал тетеревиные тока летучими.

Вот сегодня я отыскал хороший ток. Наблюдал за птицами в бинокль, сердце радостно билось, греялась удача. А утром следующего дня — разочарование. Тетерева не хотели собираться на одном месте. Они ме-

тались, перемещаясь всякое утро, и я бегал за ними со скрадком.

Тепло весны набирало силу. Засветились желтым, белым, фиолетовым бутоны сон-травы. Лес гремел от птичьих голосов. Я упорно пытался остановить тетеревов, заставить их играть на одной поляне хотя бы одно утро. Но вот беда: отыскать, засесть временное токовище я мог, а вот остановить тетеревов — конечно же, нет.

На десятое утро готов был писать письмо Главному Тетереву леса, в котором была бы одна просьба: чтобы птицы потоковали на одном месте. Но Главного Тетерева не существовало и не существует нигде и никогда, потому как нет в лесу главного дерева, главной поляны, главного болота. И если есть, то разве что в сказках.

Возвращаясь в избушку, пошел напрямик через поле. Время было уже позднее, солнце держалось высоко. Миновав поле, уловил звуки тетеревиной игры. Оставив вещички, налегке пустился в сторону знакомых звуков. Не шел — летел, гадая: может быть, ждет именно там удача — в сосновых посадках, а может, на поляне, в березняке. В бинокль увидел птиц: токуют, бегают по земле. Их было много. От волнения не сосчитал петухов. Засек место. Теперь обратно, за вещами, за скрадком.

Луна светила в окно, и огромный квадратный «лунный заяц» пристроился рядом с печкой, затем переселился в угол, запрыгнул на лежанку, приблизился ко мне. Шалости луны. Даже мыши, зачарованные ее светом, не бегали по мешкам с продуктами.

Не спалось. Вдруг опоздаю! Кромка неба засветилась матово, забелели стволы берез. К скрадку подлетели тетерева, заиграли. Но лишь глянуло солнце малым светом, птицы отлетели в сторону, продолжая там игру.

Карталинские тетерева окончательно завели меня в тупик. Возвращаясь в избушку, вспомнил первый в моей лесной практике тетеревиный ток, на который пришел не с ружьем, а с фотоаппаратом. Токовище было невелико, всего семь петухов. Тогда я сделал вывод: если на токовище есть опытные птицы, даже если их немного, они «привязаны» к нему и играют активно.

Близился день отъезда, заканчивалась лесная командировка. И тайна Карталинского бора была разгадана. Природе потребовалось всего два года, чтобы количество лирохвостых увеличилось в десятки раз. Это был молодец. О каких же токах могла идти речь?! Когда нет на току заводилы-токовица, который бы учил молодежь игре, нет и привязанности к маленькому клочку земли, что зовется токовищем.

В какие только края не заносила меня страсть к птицам, в особенности к лирохвостым! Хотелось разгадать еще одну, хотя бы маленькую, тайну их жизни, увидеть доселе не увиденное, услышать неслышанное. Одна из встреч с тетеревами предполагалась в глухом месте, где, по словам очевидцев, есть добрые косачиные тока. В ту командировку пригласил я Сергея Ивановича Смородина, одного из моих спутников по фотоохоте. Добирались мы почти двое суток на всех видах транспорта. В конце — верхом на лошадях. Ехали по раскисшему зимнику, через разлившиеся лесные ручьи, через болото. Часто приходилось спешиваться, вести лошадей в поводу. Временами путь наш пересекали свежие следы медведей. Косолапы, совсем еще недавно покинувшие берлоги, исхудавшие, голодные бродили по округе.

После соснового леса, ярко-зеленого кедрача открылись сплошные вырубка с редкими куртинами деревьев по тонким местам, куда трудно забраться человеку с бензопилой. Вырубки затягивались частоколом осинника. Местами, где в полную силу поработали тракторы,

содрали дерн, не могли зацепиться за землю никакие травы, даже кипрей.

Человек, придя в этот край с мощной техникой, взял тысячи тонн живицы — сосновой смолы. Тысячи кубов деловой древесины. Но там, где он прошел, — нарушил ягодники, лишил влаги болота, от которых «кормились» все ключики и речушки. Не вывезен также полностью лес. Высятся целые штабеля бревен. Теперь всему этому добру предстоит превратиться в труху.

Подобное не раз приходилось наблюдать в уральских лесах. Безобразие это говорит не только об истреблении леса, но и о безжалостном лишении лесных обитателей их родного дома...

Тетеревиное токовище, показанное егерем, расположилось на необычном месте — у мохового болота. Егерь пояснил, что ток этот — старинный, о нем знал еще его дед. В том, что токовище было старое, можно было не сомневаться: рядом с птичьим игрищем стоял балаган, покрытый берестой, с бойницами для стрельбы. Браконьерское жилище, в котором можно не только стрелять тетеревов, но и развести костерок, переночевать. Между тем уже многие годы как закрыта весенняя охота на боровую птицу. Мы с егерем разобрали балаган...

Утро только-только занималось. Захватив скрадок, топор, пилу-ножовку, отправился послушать, как будут играть хваленые тетерева, и выбрать место для закладки. На полпути услышал, как замолотили тетерева. Подобного места игрищ за последние годы видеть не приходилось. Правда, слышал много рассказов о необычных токах. Возле бывшей деревни Брагино мне показали токовище. Птицы играли в бурьяне. Работники местного совхоза выжгли травы, распахали землю, сеют каждый год хлеб, но тетеревам все нипочем, каждую весну на зорьке слетаются сюда и ведут бой.

Видел не раз и такое: вырубил лес, выкорчевали пни, распахали землю, посеяли многолетние травы, но тетерева собираются на бывшем токовище, а фактически — в открытом поле. Тяготение птиц к насыщенным местам понятно: тетерев живет там, где появился на свет.

Осмотрев токовище, понял, что участок стал таким только за последние годы. Здесь провели посадки сосенок, распахали дорожки плугом, и одна борозда прошла кромкой болота. Получилась хоть и невысокая, но длинная плотина. Она и не давала свободного хода снеговым водам, которые заполняли низину, копилась на

токовище. Птицы будто и не замечали воды, продолжали держаться за этот небольшой участок земли.

Тетеревам пришлось бы туго, но их спасало то, что ранней весной каждое утро их поляна покрывалась тонким ледком. Но когда в азарте птицы подпрыгивали, то, случалось, пробивали тонкий ледок и оказывались в холодной ванне. Мокрые птицы поначалу не замечали этого и продолжали играть, но вскоре на брюшке, на зобу появлялись и тонко позванивали сосульки. Иная птица, чувствуя, что ледяшки мешают бегать, сковывают движения, взбиралась на сухую кочку, старалась клювом сваять с себя неожиданное украшение.

Если тетеревов удерживал ледок и сырой моховый ковер, то меня он не мог удержать. Чтобы быть ближе к токующим птицам, мне пришлось заняться сооружением плота.

Теперь, когда у меня был скрадок на плоту, все пошло своим чередом. Каждое утро спешил я на место тока. После нескольких дней, проведенных здесь, я узнавал каждую из двадцати птиц. Тетерева-токовица, на котором блеснул мундир и перышко было уложено к перышку, я назвал Командующим. Выделялся и петух без трех средних перьев. Пришлось дать ему имя Рваный. Где он потерял перья? Трудно сказать, может, в бою, а может, лиса помогла... Петух этот не был приписан к токовищу на болоте, жил сам по себе, летал где хотел, дрался с кем хотел. На токовище появлялся всегда неожиданно и своим присутствием сразу сбивал птиц с толку, вступая в яростный бой то с одним, то с другим петухом. Делал короткие перелеты, маневрировал, кричал громче всех. Рваный бил сам, но били и его, нападая гурьбой на чужака. Пришелец яростно отбивался и, вконец раззадорив птиц, так же быстро исчезал, как и появлялся. Случалось, за утро этот бойкий петух прилетал на ток по нескольку раз. Вот и сегодня тетерева собирались заканчивать концерт, как объявился Рваный. Он не прошелся по поляне и даже не пробежал, а пронесся по ней, только водяные брызги в стороны. Что тут началось! Десяток птиц, не меньше, кинулись в бой. Петух был ловок, вырвался, взлетел на крышу моего скрадка. Она, как и прежде, не была крепко натянута, провисла, и птица очутилась на моей голове. Рваный не успел опомниться, как на него набросились два «бойца». Под тяжестью трех птиц скрадок зашатался. Не знаю, чем бы кончился бой на крыше, если бы я не удержался руками, приподняв ее.

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

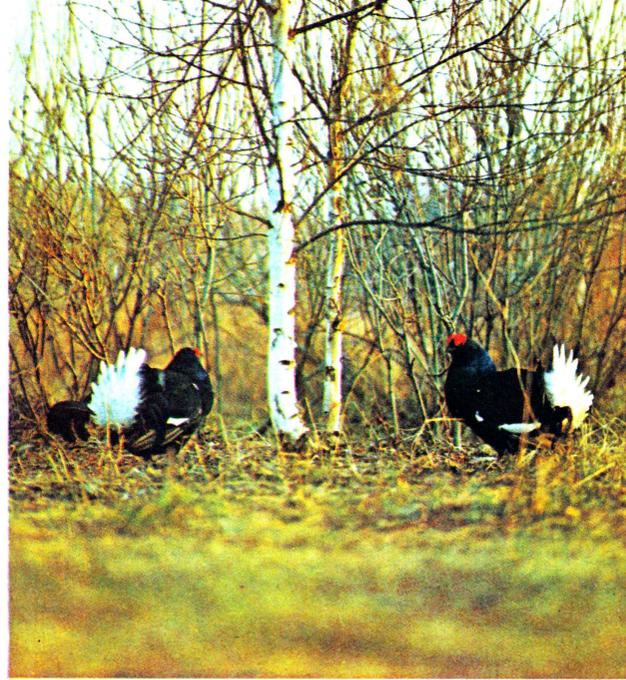
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22 в.
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 27.06.86. Подписано к печати 10.09.86. НС 11127. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 385 000 экз. (2-й завод: 250 001—385 000). Заказ 477. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

Птицы скатились черным клубком и угадали в лужу. Рваному удалось вырваться, он вскочил на плот, шмыгнул прямо ко мне в скрадок. Я замер. Петух был в метре от меня. С перьев его стекала вода, из ярко-красного надбровья упали капли крови. Они застыли, будто ягоды клюквы. Боец смотрел на меня черными бусинками глаз. Я не шевелился. Рванный стряхнул с перьев воду, гордо, как ни в чем не бывало, повернулся ко мне хвостом с выбитыми перьями и важно направился к выходу...

Коротка весенняя ночь. Кажется, не успел уснуть, а уже пробуждаешься. Чиркнешь спичку, глянешь заспанными глазами на часы: пора! Опять я в скрадке. Морозец превратил тетеревиную поляну в маленький ледяной стадион, который светился, поблескивал. Тетерева пожаловали без опозданий. Налетели и заиграли дружно. Мне оставалось одно — ожидать, когда будет достаточно света для съемки...

Бываю ли в тех краях, о которых упоминал в начале рассказа, где имел счастье в детстве наблюдать тетеревов? Конечно же, бываю, но это грустные встречи. Лес пуст. Большая часть его вырублена. Огромные поля. Учитывают ли совхозы требования охраны природы? Не похоже... Ведь не оставляют же резерватов. Помните, я рассказывал о тете-

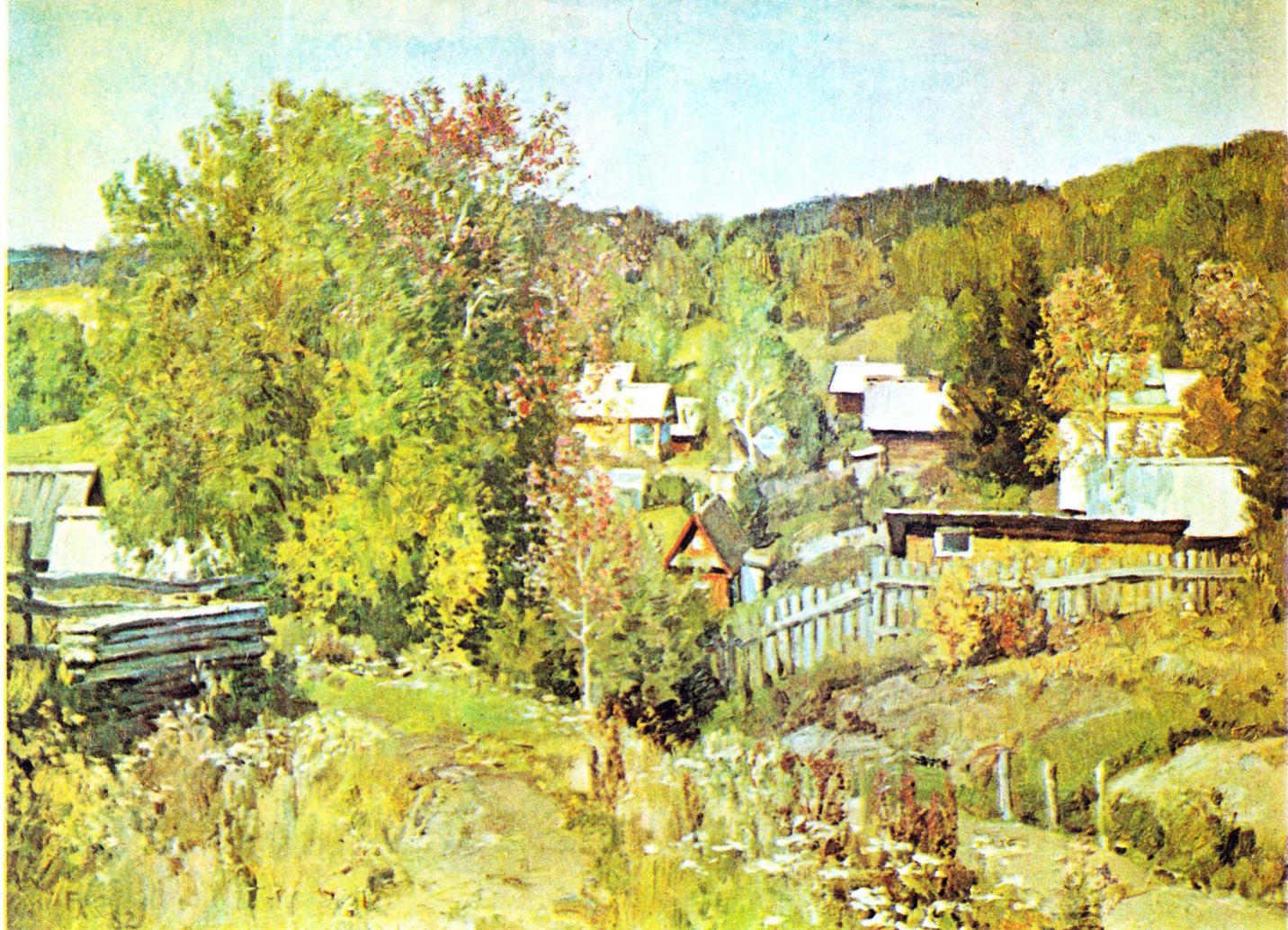
ревином токе, что возле Зуевского болота. Теперь там нет тетеревов, потому что нет болота. Никто не сказал веское слово в его защиту. Каждый год сельские пытаются снять урожай, теперь уже с бывшего болота, но тонут в торфяной почве трактора.

Так нарушается Дом природы. Если говорить о тетеревах, то для них должны быть ягодники, муравейники, галечники, речушки, пыльные бани — порхалища. И, конечно же, лес. Но — особенный, разреженный, с болотцами, с полянами, с березняками, осинниками.

...Всякую весну, когда начинаю собираться на тетеревиные тока, знакомые непременно с иронией заметят:

— Опять на токовище. И не надоело еще? Сколько же ты на это времени убил! Сколько пленки перевел! Опять поехал мерзнуть под деревом!

Но тяга еще раз встретиться с птицами берет верх, зовет в лес, в его глухие уголки. Где-то они там, за синей далью, за увалами, за болотами, полями, за переполненными талой водой речушками. На маленьком, ничем вроде бы не приметном клочке земли есть место, которое зовется токовищем. Там ждут меня давние знакомые — тетерева.

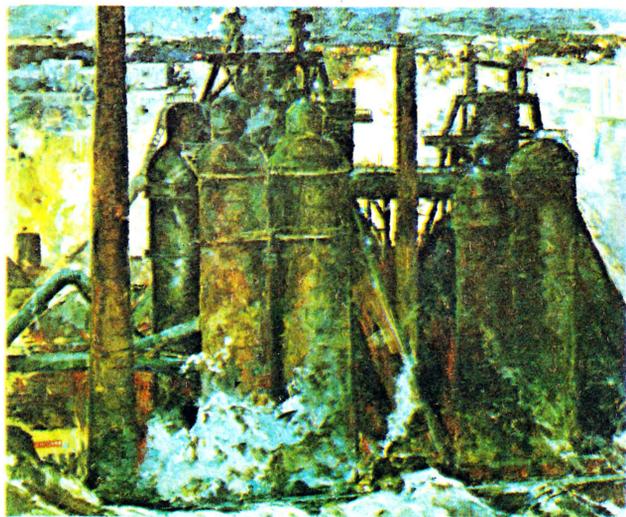

В НАЧАЛЕ ОСЕНИ. Г. Харитонов, г. Пермь

6-я ЗОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«УРАЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» в г. Свердловске.

ЖИВОПИСЬ

У ОЗЕРА. А. Пастухов, г. Челябинск

СТАРЫЕ ДОМНЫ. А. Колмаков, г. Нижний Тагил

Цена 40 коп. Индекс 73413
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1986, № 11, 1—343